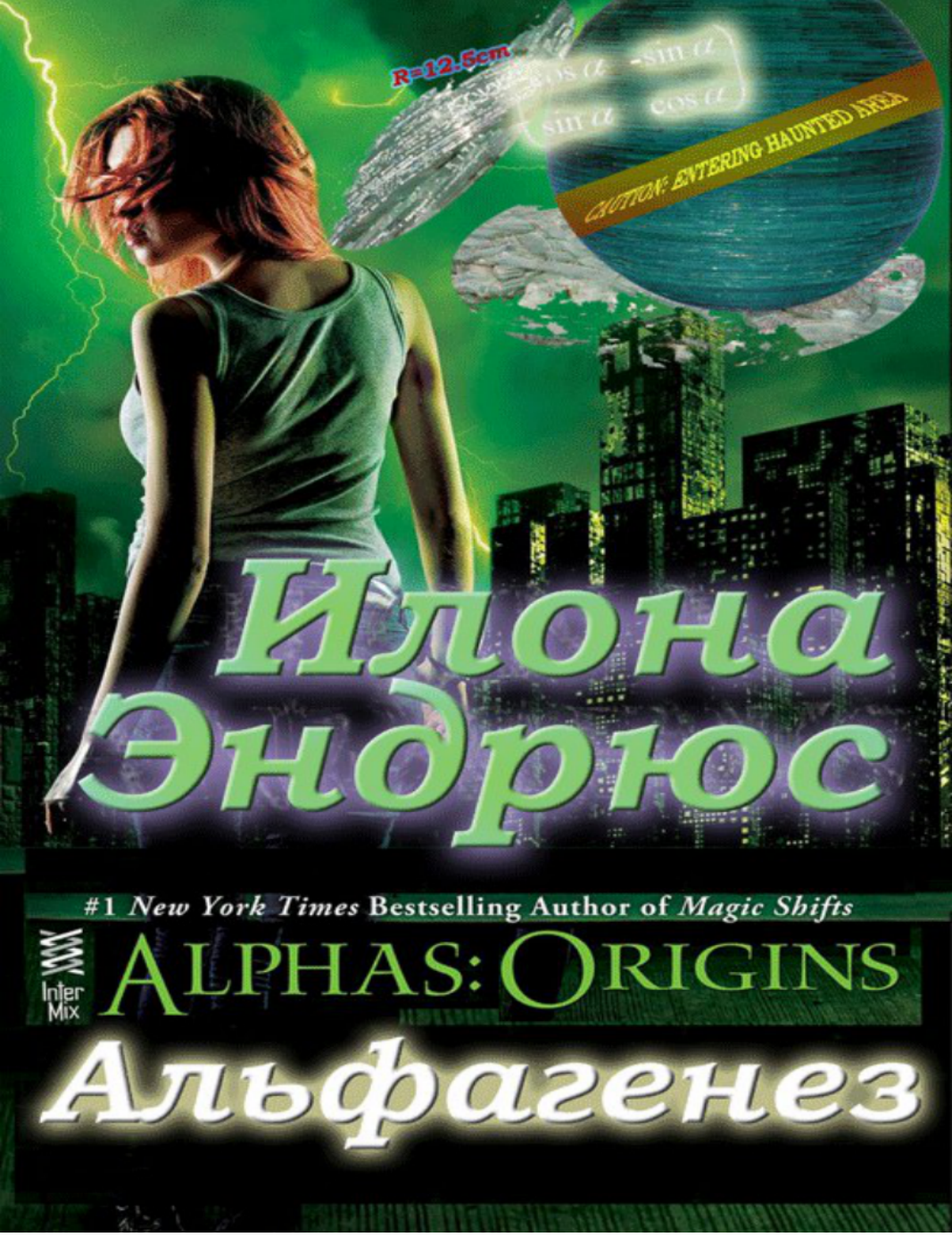
R=12.5cm
CAUTION: ENTERING HAUNTED AREA
Илона Эндрюс
#1 New York Times Bestselling Author of Magic Shifts
InterMix
ALPHAS: ORIGINS
Альфагенез

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Карину, главную героиню, вынуждают сбиться со своего пути следования и, вследствие рокового альфа-поворота, она попадает в притон к кошмарным монстрам. После судьбоносного укола она оказывается среди странной компании голодных мужчин в огражденном сетью доме. Что это: клиника для наркоманов, изолятор для психов или вытрезвитель из кошмарного сна? Ей промывают мозги. Ее обращают в рабство, используя в качестве донора и обрекая на сосуществование в симбиозе с чудовищным охотником за головами. Она подвергается эксплуатации на кухне. У нее хотят отнять дочь. А окружающая среда грозится проявлениями множества опасностей разрушающей действительности в преломлениях многоуровневого мира, находящегося в условиях гибридного противостояния между обладающими сверхчеловеческими способностями существами. Героиня пытается найти выход из сложившихся перипетий, и в результате все превозмогающих усилий над собой и обстоятельствами, раскрывая на собственном опыте тайну происхождения и становления боевых альфа-оборотней, находит путь к спасению, обретает перспективы на новую жизнь, счастье и любовь. Не рекомендуется принимать близко к сердцу присутствующие в повествовании нецензурные моменты.

- Илона Эндрюс
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

Илона Эндрюс
Альфагенез
Альфы — 0,5

Глава 1

Карина Такер набрала побольше воздуха и произнесла:

— Якоб, *больше* не толкай Эмили. Отпусти его волосы, Эмили. Не заставляйте меня останавливать эту тачку!

В зеркале заднего вида закачалось лицо ее дочери с возмущением, какое может быть только у шестилетнего ребенка:

— Мам, это он начал!

— Меня не волнует, кто это начинал. Если вы прямо сейчас же не утихните — что-то произойдет!

— Что-то произойдет? — захныкала Мелисса. А Меган, ее близняшка, высунула свой язык.

Карина нахмурила брови, пытаясь иметь значимое выражение лица в зеркале заднего вида:

— Что-то такое ужасное…

Четверо детей притихли в задней части салона минивэна, пытаясь вообразить, что же «такое ужасное» имелось в виду. Тишина продлилась не долго. За рулем была Карина. В следующий раз, когда Джил позвонит ей, чтобы спросить, будет ли она как «чичероне» в полевых условиях сопровождать стайку первоклашек в школьной поездке по сельскохозяйственным угодьям, то вместо этого она заявит, что у нее бубонная чума.

Само путешествие не было уж таким ужасающим. Ярко сияло солнце. И, по правде говоря, поездка в стародавнюю деревушку, что в сорока пяти минутах от Чикашы, была приятной. Ничего, кроме ясного неба и равнинных полей Оклахомы, со случайной тонкой линией лесополосы между ними для защиты от ветра. Но сейчас, после дня верхом на сене с наблюдением за тем, как сбивают масло и забивают железные гвозди, дети были усталыми и капризными. Они были в пути минут двадцать, а большинство из них уже по три раза ввязались в конфликт масштаба Третьей Мировой. Она представила себе, как другие родители не лучше расплачиваются за проезд. В то время как шесть автомобилей держали свой путь по сельской дороге, Карина практически могла слышать нытье, раздающееся из идущих впереди нее транспортных средств.

Им бы следовало просто получить в распоряжение школьный автобус. Но Джил запаниковала, что половине родителей в автобусе не хватит ремней безопасности. Все это, в ретроспективе, казалось глупым. Тысячи детей без проблем ездят на школьных автобусах каждый день, с ремнями безопасности или без. К несчастью, талант сеять панику был одним из лучших ее друзей. У Джил были только благие намерения, но вся ее

жизнь была чередой из самоустраивающихся аварий, которые она впоследствии с бодростью преодолевала. Карина, как правило, на самом краю вытаскивала ее из пропасти, но было вдобавок труднее сохранять перспективы на будущее при впутывании Эмили.

Это бессмысленное беспокойство реально нужно было останавливать. Эмили не была сделана из хрусталя. В конце концов, Карина должна была позволить ей пойти в экскурсионный поход без ее мамы или же — уложить спать. Карина поежилась от этой мысли. После смерти Джонатана ей пришлось взять горюющую Эмили на консультацию у психолога, который предложил как следует с ней поработать. Карина это отвергла. Когда же она уже прошла через это, ее покинули родители. И от этого ни на чуточку легче не стало.

Ее сотовый запибикал. Свободной рукой Карина нажала на кнопку, переключаясь на гарнитуру.

— Да?

— Ну, как ты там держишься? — защебетала Джил.

— Просто фантастика, — ответила Карина. Было бы даже еще лучше, если бы ей не пришлось говорить по телефону во время ведения авто: — А ты?

— Мне нужно сходить на горшок! — проанонсировал сзади Якоб.

— Роберт назвал Саванну словом на букву «Б», — рапортовала Джил, — по-другому, чем то, что мы хорошие.

— Мне на самом деле нужно сходить. Или я наделаю в штаны. А тогда там будет большое пятно…

— Слушай, тут Якоб по нужде просится на горшок, — она уловила просвет темно-синей вывески, возвышающейся над деревьями. — Я собираюсь притормозить у мотеля, который находится перед тобой.

— Какой мотель?

— Справа какой-то. С большой синей вывеской, кажется, мотель «Рассвет».

— Где? — голос Джил поменял тон из-за помех. — Я не вижу.

— Я не вижу мотель, — сообщила Меган.

— Посмотрите на синюю вывеску, — указала Эмили в окно.

— Ну, я не вижу, — объявил Якоб.

— Потому что ты — дурачокус, — сказала Эмили.

— А ты — соска!

— Тихо! — рявкнула Карина.

Справа от нее раскатился съезд с дороги. Карина, изменяя угол движения, повернула в него.

— Я беру и сворачиваю в этот съезд, — сказала она в

сотовый. — Я догоню вас через минутку.

— Какой съезд? Карина, ты где? Ты только что была тут, а теперь исчезла. Я тебя не вижу в зеркале заднего вида…

— Это потому что я съехала с дороги.

— Какой съезд?

«О, ради бога!» — чуть у Карины не вырвалось.

— Я позже поговорю с тобой, — сказала она.

Мощеная дорога привела их к двухэтажному зданию, покрытому темно-серой штукатуркой. Только один автомобиль, старый джип, находился на автостоянке.

Карина тормознула перед входом и замялась. Здание, грубый бокс с маленькими узкими окнами, выглядело как некоего рода институциональное строение, офис или даже тюрьма. Определенно, с виду оно не воспринималось как приглашающее.

— Теперь я вижу его, — сказала Меган.

Карина покачала головой. Уж лучше бы владельцы мотеля подумали, чтоб он казался погостеприимней. Ну, посадите какие-нибудь цветочки, возможно, выберите приятный цвет для стен, что-нибудь другое, чем серый крейсерский. Только это придало бы здравого смысла бизнесу. Но то, что имело место быть — излучало едва не зависший в воздухе угрожающий мрак. Она ощутила сильное стремление просто продолжить поездку.

— Мне надо сходить! — заявил Якоб и пукнул.

Карина выпрыгнула из автофургончика и раздвинула дверь:

— Вон!

Пятнадцатью секундами позднее она ввела их стадом в небольшое фойе. Одиноко стоящая за стойкой женщина повернула голову в сторону приближающейся процессии. Она была худая как скелет, с ниспадающей за плечи капелью длинных рыжих волос. Карина быстро глянула ей в лицо и сразу же отвела взгляд. Глаза у женщины были как у гремучей змеи — ни тебе сочувствия, ни доброты, ни гнева. Вообще ничего.

— Простите за беспокойство, — произнесла Карина, — а можно ли нам воспользоваться, пожалуйста, вашими удобствами? Маленькому мальчику очень нужно сходить в туалетную комнату.

Женщина кивнула в сторону прохода под аркой, находящегося справа от Карины.

«Прелестно! Порядок», — отметила та про себя. Им нужно только войти и выйти.

— Спасибо! Дети, пошли.

Арочный проход сообщался с длинным коридором. Слева несколько дверей препинали стену, одна была помечена «М/Ж», а другая, в самом конце, была помечена надписью «Лестница». Справа по центру коридора стоял престарелый мужчина. Тяжело

сложенный, с лицом как у бульдога, он занял такую позицию, как если бы уже был почти переполнен возмущением. Его глаза наблюдали за ней с нескрываемой злобой. Детки почувствовали это и кластеризовались вокруг нее. Карина их не попрекнула.

— Здрасьте.

Мужчина ничего не ответил.

«Хорошо, — она промаршировала к двери уборной комнаты и качнула закрытую дверь, — туалетная на одну персону, относительно чистая. Без запрятанных где-либо страшных незнакомцев».

— Входи, — она ввела Якоба вовнутрь и стала преградой за дверью.

Затикали минуты, длительные и вязкие. Мужчина не двигался. Дети держались тихо под его испытующим взглядом, как трусливые кролики, зачуявшие хищника.

Карина слегка постучала по двери.

— Якоб, выходи. Дай и другим детям дождаться своей очереди.

— Почти все.

Карина ждала. Мужчина продолжал таращиться на нее. Постепенно его лицо приняло новое выражение. Вместо того, чтобы убивать ее впивающимся взглядом, теперь он изучал ее словно некую причудливую внеземную форму жизни. Это беспокоило даже еще больше. Карину бросило в дрожь.

— Якоб, нам надо идти.

Она услышала, как смывается в туалете: «Наконец-то!»

Якоб появился из уборной.

— Я помыл руки с мылом, — проинформировал он ее. — Хотите их понюхать?

— Нет. Еще кому-нибудь нужно сходить?

Дети закачали головами. Эмили обхватила ее за ногу и сказала:

— Мам, я хочу домой.

— Отличная идея.

И Карина повела их из коридора.

Мужчина двинулся, чтобы заблокировать им путь.

— Спасибо вам за то, что позволили воспользоваться вашей уборной, — произнесла Карина. — А теперь мы бы хотели идти своим путем.

Мужчина наклонился вперед. Его ноздри раздулись. Он всосал воздух через нос, и его лицо треснуло в усмешке. Он не улыбнулся, а показал ей свои треугольные зубы, аномально большие и острые, как у акулы и, определенно, нечеловеческие.

Ледяной холод пронесся по позвоночнику Карины.

Мужчина сделал шаг вперед:

— Ты ффоняешь как донор, — его зубы занимали так много пространства во рту, что он невнятно произносил слова.

Карина попятилась, держа руки расставленными для защиты стоящих за нею детей. Она пожелала, чтобы у нее имелся газовый баллончик или ствол — какое-нибудь другое оружие в дамской сумочке, а не гигиенические салфетки, записная книжка и сотовый телефон с мертвой батареей.

— Выпустите нас!

Мужчина продвинулся вперед:

— Райша! Шеншшина является донором!

— Мы сейчас же уходим! — Карина придала своему голосу немного стальной твердости. Иногда, если ты имеешь вид полной готовности бороться, то люди идут на попятную и начинают поиски цели полегче.

Мужчина опять обнажил свои зубы, и она мельком увидела, на что похож находящийся за первым рядом в его рту второй ряд клыков.

— Нет, не уйдете, — сказал он.

«Пришло время для экстренных мер», — решила Карина.

— Помогите! — изо всей силы закричала она. — На помощь!

— Не поможет, — уверил он ее.

Дети начали плакать.

«*Может, это ночной кошмар*», — понадеялась Карина. Возможно, она спала.

— Мам? — попросила сцепившаяся с ее джинсами Эмили.

Сон или нет, Карина не может позволить ему захватить себя или детей. Она продолжила пятиться к той двери за собой с надписью «Лестница».

— Дайте нам пройти!

Он продолжал наступать:

— Райша! Ты где?

Справа от них взорвалась стена. Расщепившиеся кусочки дерева вспылили коридор, отбросив мужчину с акульими зубами и дав промаху просто в нескольких дюймах от Карины. Ошеломленная, она одним глазом взглянула за пролом в стене. Рыжеволосая женщина перескочила через свою стойку и бежала прямо к Карине с детьми. «Райша?» — спросила у себя Карина. Лицо Райшы скорчилось в гротескной маске. Кожа на ее шее вздулась, завернулась, как если бы теннисный мячик выскальзывал через горло в рот.

«*Это просто безумие…*», — поняла Карина.

Женщина брызнула слюной.

Что-то темное замерцало по воздуху. Левую сторону Карины

пронзила боль. Тонкая игла, длинная как у дикобраза, распустилась прямо под ребрами из ее живота. Она чисто инстинктивно выдернула иглу. Ей следовало бы ужаснуться, но на это не было времени…

Что-то ударило рыжеволосую женщину сзади, задержав ее в полушаге. Рот Райшы разинулся в ужасном безмолвном крике. Огромные когти схватили ее лицо, рванули, и, описав круг, ее голова совершенно свинтилась.

«*Ой… Боже ж мой…*», — мысленно произнесла Карина.

Тело Райшы упало как подкошенное, а за ним Карина мельком увидела *нечто*. Огромное, темное, бесчеловечное, уставившееся на нее злорадствующими глазами. Само существование чего не ладило со всем, что Карина знала, так что ее сознание реально отказалось поверить, будто *оно* ей не мерещится.

Воздух насытился странным ароматом, сухим и слегка металлическим, как распаянная солнцем медь. *Нечто* переступило через женщину, фиксируясь пристальным взглядом на ней.

— Бежим! — вскрикнула Карина, развернулась на каблуках и помчалась по коридору, погоняя детей перед собой.

Мужчина с зубами акулы медленно поднялся, вытянул деревянную щепку из глаза, бросил ее в сторону и с глубоким ревом пулей кинулся в фойе через дыру в стене.

Обещанием боли и смерти ему ответило рычание. Как хлыстом подгоняющее Карину к состоянию безумия. Она с пола схватила Якоба за ворот — он был самым маленьким — и еще быстрее побежала к тяжелой двери, которая заграждала лестницу. Открыла ее рывком и скомандовала:

— Вверх по ступенькам, быстро!

С визгом и рыданиями они побежали наверх. Тот самый страх, побуждающий Карину как пропеллер продвигать детей вверх по лестнице, гнал их лучше любого ее крика.

Карина захлопнула дверь, балансируя Якобом в одной руке, и поискала, чем бы ее припереть. Но лестница была пустой. Ее живот жгло, боль от иглы отдавалась вверх и вниз по всему телу, как будто кожа была обожжена. Она побежала за детьми. Мальчик на ее руках был как камень тяжелым. Они достигли верха лестницы и толпой вывалились на площадку.

Внизу что-то лязгнуло. И здесь опять был запах горячего металла, который обжигал легкие.

Карина высадила Якоба вниз и взломала дверь. Они вломились в коридор наверху. Карина просканировала ряд дверей и попыталась толкнуть ближайшую из них закрытую, но она была

заблокирована.

Другая — заблокирована, тоже.

Третья — заблокирована.

«*Это ночной кошмар. Просто должно быть ночным кошмаром*», — постаралась убедить она себя.

Протяжное рычание догнало их. Эмили вскрикнула, визгом абсолютной высоты, который мог бы и бокал разбить. Карина схватила дочь за руку и потащила ее по коридору к единственному окну.

— За мной!

За окном их дожидалась пожарная лестница.

Карина схватилась за оконный шпингалет и задергала его вверх. «Застрял», — решила она.

Ее голова закружилась. Воздух вокруг нее сделался горячим как кипяток. Каждый вдох обжигал ее легкие, выворачивая их наизнанку. Она сделала задержку, уцепилась за подоконник и со всей силы потянула вверх подъемную раму. Дерево застонало, и рама, неожиданно, заскользила вверх.

Раздались тяжелые удары по двери. Дети закричали. Ужасный темный зверь появился в коридоре.

Карина схватила ближайшего ребенка и швырнула ее на пожарную лестницу, затем следующего, и следующего. Маленькие ножки, приглушенно постукивая, побежали вниз по металлическим ступенькам. Эмили была последняя. Карина прижала дочь к себе и вылезла на пожарную лестницу.

Черный минивэн поджидал внизу. Возле него стояло несколько мужчин. Дети были у них. И пока кричали дети, они молча стояли там, так тихо наблюдая за ней. Внезапно Карина поняла, что это были союзники зверя внутри. Они попали в ловушку.

Рычание чуть ее не смыло.

Весь мир приобрел кристальную прозрачность, становясь ярким и четким. Медленно она развернулась. Дочь крепко обнимала Карину, затаив тепленькое облачко дыхания возле ее шеи. Металлический поручень пожарной лестницы воткнулся Карине в спину. Громкий стук ее сердца казался таким оглушающим, каждым биением отдаваясь в подреберье, словно был от удара кувалдой. А каждый вдох был как подарок.

Она увидела, как *нечто* появилось из темноты. Медленно затвердевая из мрака — одна колоссальная лапа на подоконнике, потом другая. Чудовищные когти заскребли по дереву. Оно вылезло на подоконник и уселось там, в ничтожном футе от нее. Карина вытаращилась в его глаза, вдохнула запах и с абсолютной уверенностью дала себе знать, что собирается умереть.

Нечто открыло пасть, обнаруживая свои громадные клыки. А глубокий голос издал вопль из одного исковерканного слова:

— Донор.

— Ты уверен? — снизу спросил мужской голос.

Зверь зарычал. Карина дернулась назад, защищая Эмили руками. Ее ноги подкосились, и она упала на колени.

— Миледи? — раздался голос, снизу, но теперь уже ближе.

Она еле повернула голову, не отваживаясь оторвать свой пристальный взгляд с монстра в окне. Темноволосый мужчина взобрался к ней по пожарной лестнице. Его лицо было сверхъестественно красивым, а глаза — темные с интенсивной синевой.

— Миледи, у меня есть для вас предложение…

Его голос постепенно исчез, заменяясь темнотой и ощущением ваты по телу.

«*Я согласна…*», — раздалось в голове так, что Карина привскочила…

Она была в своей кровати. По комнате вокруг Карины стелилась темнота. Это все был ночной кошмар.

Сердце оглушительно стучало в ее груди. Она потерла лицо и отдернула руки, ставшие скользкими от холодного пота.

«*Я согласна… Согласна на что?*», — обеспокоилась Карина.

На что же она согласилась в своем сне? Не имеет значения. Это был просто ночной кошмар. Утром ей следует позвонить горемычному психоконсультанту.

Карина нахмурилась и, отпихивая, освободилась от одеяла. У нее возникло странное ощущение неправильности, как если бы тут было нечто очень важное, что она упустила. Что-то жизненно важное. Небольшой светильник так и ждал на столике возле кровати. Она щелкнула выключателем, и конус мягкой электрической иллюминации осветил комнату.

Это не было ее спальней.

* * *

На мгновение Карина застыла, а затем, сжимая своим кулачищем, в нее вцепился страх.

— Эмили? — прошептала она. — Эмили?

Безответно.

Она одна была в странной комнате.

Для этого могло бы быть рациональное объяснение. Должно

было быть. Только она не знала какое.

«*Я согласна*», — отозвалось эхом ее голоса из сна. У нее возникло ужасное подозрение, что незнакомая комната и эти два слова как-то были связаны.

Ее одежда куда-то делась. На ней было только нижнее белье и гигантская футболка, слишком большая, размера на три.

Пара заботливо уложенных джинсовых штанин расположилась на стуле возле кровати. Ее джинсы, те самые, в которых она носилась, вояжируя по полям. Карина натянула их. Она должна была найти Эмили.

Дверь с легкостью распахнулась, и Карина обнаружила себя в коридоре. Слева от нее коридор кончался ведущей наверх лестницей. А справа — сконцентрированный электрический свет придавал блеск деревянному полу и ржавого цвета ковру. Донеслись тихие голоса размеренной беседы.

Она последовала за голосами и, пощурившись от света, ступила на кухню. За круглым столом, который находился в центре кухни, сидело трое мужчин. Они повернулись, чтобы посмотреть на нее. Один, сидящий далее всех от нее, обладал внеземным лицом мужчины из ее сна. «*Артур*», — всплыло на поверхность его имя из глубин ее памяти.

«*Я согласна*», — повторилось в голове.

Артур кивнул ей:

— О. Так вы уже встали. Почему бы вам не присесть с нами. Генри, пожалуйста, достань для леди Карины какой-нибудь стул.

Его мягкий, почти интимный, голос поласкал ее практически как прикосновение. Он был бы успокаивающим. Если бы все внутри нее не сжалось в тугой узел.

Высокий мужчина встал с застенчивой улыбкой и выдвинул придержанный для нее стул. Так странно, по-домашнему, все трое пили чай. Никого не поразило ее появление. Ясно, что она не была тут неожиданностью.

Карина села.

— Спасибо, — автоматический отклик выкатился из ее губ даже прежде, чем она осознала это.

— Добро пожаловать, — сказал Артур.

Он элегантно, без шума откинулся назад и принял искусную позу, не прилагая для этого какого-либо усилия. Его черные и мягкие волосы были зачесаны назад, придавая открытости совершенно слепленному лицу. Его брови были равно черными. Такими же были и его ресницы, длинные и мягкие как вельвет. Они обрамляли большие глаза из синего хрусталя, глубокие и холодные. «Ангельские», — нашлась Карина. Он выглядел как ангел, не пухленький херувимчик, а ангел, который свободно

парил в небе и обладал красотой, с ужасной силой вызывающей тоску в сердце, ангел, который так долго и пристально смотрел в синеву бездны, что его глаза абсорбировали ее цвет.

— А хотите чаю? — спросил Артур.

— Дети?..

— В безопасности, — сказал он.

И она поверила в искренность его слов, хотя у нее и не было причины этого делать.

Артур встал, взял из шкафа позади себя синюю кружечку и налил в нее заваренный чай из стоящего на плите большого чайника. Затем поставил эту чашку прямо перед ней.

— Пожалуйста, выпейте. Это стабилизирует ваши нервы.

Карина посмотрела на предложенную чашу.

Он пил из собственной чашки и, подбадривая, улыбался.

Она подняла чашку и сделала глоток: «Зеленый чай. Странный вкус, слегка кислит».

Она, быть может, все еще спала. Вся эта сцена имела слегка абсурдную неправильность, находимую только во снах.

Карина осмотрелась за столом. Мужчина, который предложил ей стул, Генри, сидел справа от нее. Он был высоким и тощим как бечевка. Его серьезному лицу, омраченному интеллектом, недоставало магнетизма Артура, но его резкие очертания нарисовали ей все то же самое. Его русые волосы были подстрижены очень близко к коже головы, но все еще показывали следы курчавости. Его зеленые глаза внимательно смотрели на нее, и она прочитала глубокую жалость в их глубинах.

Мужчина слева от нее был довольно-таки модельной внешности. Сильная, мужественная челюсть. Глубокие, темно-синие глаза. Высокие скулы. Грива из золотых волос, скрывая половину лица, волнами спадала ниже пояса… В его глазах улавливались дикие вспышки чувства юмора. Он подмигнул ей, усмехнулся, даже демонстрируя белые зубы, и откинул свои волосы назад. Безобразный шрам распорол его левую щеку, будто что-то едва не вырвало его плоть укусом, а она неправильно зажила. Она поборола стремление отвести взгляд. Он потянулся к ее руке…

— Даниель, — голос Артура возрос до тонкой грани, — это крайне неблагоразумно.

Даниель откинулся назад.

— Только поскольку она не закричала, когда увидела твое лицо, не означает, что ты дошел до прикосновений, — подметил Генри, доливая себе в чашку.

— Простите Даниеля, пожалуйста, — сказал Артур. — Он непреднамеренно был груб. Ему, право, пока еще запрещено

говорить. Ваш чай остывает.

— У него есть тенденция вызывать проблемы, когда он говорит, — добавил Генри.

Даниель одарил ее тлеющей улыбкой.

Она повернула лицо к Артуру:

— На что я согласилась?

Артур вздохнул:

— Ясно…

Генри подался вперед:

— Возможно, у нас получится исправить это.

— Ну, да. И чем скорее, тем лучше. Лукас вот-вот может вернуться, и это сделает положение вещей значительно более усложненным.

Даниель легонько засмеялся. Если бы волки могли смеяться, то они бы издавали звуки как он.

Генри выставил свою руку:

— Будет проще, если вы придержитесь за меня.

Карина заколебалась в сомнениях.

— Вы действительно хотите вспомнить, не так ли? — спросил Артур.

Она положила свою руку в руку Генри. Его длинные и теплые пальцы сомкнулись вокруг ее пальцев. Мир разорвался надвое, и она обратно, качая на руках Эмили, приземлялась на пожарной лестнице явно не мотеля. Все ее тело жгла ужасная боль.

Артур наклонил к ним свою голову и, моментально окинув их взглядом, выдернул Эмили из ее рук.

— Нет! — воспротивилась Карина, чтобы не отпустить, но ее руки потеряли всякую силу.

Эмили не брыкалась, не кричала. Ее лицо полностью побелело, словно она превратилась в куклу. Артур повернулся и вручил ее кому-то позади него на ступеньках.

— Эмили! — Карина попыталась ползти за ней, но ее тело отказалось повиноваться.

Артур притронулся до каймы ее черного топа и раскромсал его кверху. Его пальцы потрогали ее живот. Карину пронзила боль, и из нее вырвался крик.

— А… Теперь видно, это не хорошо, — печально покачал головой Артур. — Все это должно показаться вам ужасно запутанным, а у нас мало времени, так что я буду предельно краток в объяснениях. В этом доме живут монстры. А мы — их убийцы. По-необходимости, полагаю, это также делает из нас монстров. Я не знаю, почему вы здесь. Вероятно, по нелепой случайности подброшенной монетки. Неудачный кувырок игральной кости. Вы с вашими детьми попали под перекрестный

огонь. Одна из монстров отравила вас при помощи дротика из ее глотки. Фатальное ранение. Вы умираете.

В одно мгновение по позвоночнику Карины промчался ледяной страх. Она не думала, что сможет еще больше испугаться, но его тон, исполненный терпения и участия, приятный даже тон, словно для него это была беседа за ланчем, ужаснул ее. «*Это не сон,* — осознала Карина. — *Это происходит. Это происходит со мной и прямо сейчас. Боже, пожалуйста, пусть с Эмили будет все хорошо. Пожалуйста. Я сделаю все что угодно*».

— Я могу чувствовать запах вашего страха, — произнес Артур. — Он скатывается с вашей кожи. Мужчина получше меня ощутил бы дискомфорт от вашей боли. Но я плохой. Я ничего не чувствую к вам. Нам редко приходится иметь дело с невиновными свидетельницами, а когда делаем это, то стараемся отослать их назад невредимыми, не из некоего альтруистического побуждения, а потому что нам не нравится излишнее внимание. Если бы вам не навредили, то Генри тут же стер бы вашу память и вся ваша пятерка весело отправилась бы своим путем. Ну а так, все-таки, вы будете мертвы в ближайшие тридцать минут.

Слова отказывались покидать ее рот. Карина напряглась и с силой выдавила:

— Почему вы мне все это говорите?

Его леденящая улыбка заставила ее сердце колотиться.

— Я разговариваю с вами, потому что собираюсь предложить вам сделку. Вы имеете что-то нужное нам, миледи. Ваше тело имеет генетическую предрасположенность к выработке конкретных гормонов, отчаянно нужных одному из нас. Ваш человеческий подвид не уникален, но достаточно редкий, чтобы делать вас ценной. Я подозреваю, что *вот* как вы были способны найти это место, и вот почему та «*ядовита*», рыжеволосая женщина, поспешила отравить вас, вместо того, чтобы защищаться от нас. Слушайте внимательно, миледи, потому что я не буду повторяться.

Она сосредоточила на нем взгляд, улавливая и запоминая каждое слово.

— Существу, находящемуся позади вас, требуется ваша кровь. Свою потребность он будет вами удовлетворять. Вырабатываемый им яд будет противодействовать отраве, которая убивает ваше тело. Взамен, он будет потреблять химикаты, которые произведутся вашим телом. Вы навсегда отдадите себя дому Дарьон. Будете позволять зверю напитываться вами. Будете проживать в помещениях согласно нашему выбору. И никогда не сможете уйти. Вы не сможете иметь контактов с внешним миром. За ваше согласие на это мы сбережем вашу жизнь и жизни детей.

Нечто на подоконнике позволило себе в предчувствии тихонько заскулить. И это… этот зверь еще напитывался бы ею.

«*Навсегда. О, боже мой, я не могу этого сделать… Не могу*…», — подумала Карина.

Артур наклонился вперед, не проявляя на лице какую-либо эмоцию сверх приятного, успокаивающего самообладания.

— Поразмыслите хорошенько, прежде чем отвечать. Я не предлагаю вам эту сделку из-за того, что вы мне нравитесь, или потому что я движим какой-то благородной эмоцией. Я делаю это, потому что мы нуждаемся в вас. Мое предложение не будет для вас приятным. Вам это не понравится. Действительно, многие сказали бы, что лучший выход для вас — умереть, сейчас.

Густой туман собрался на краях сознания Карины, угрожая задушить ее. Она выцарапалась в реальность, пытаясь оставаться рассудительной.

— Моя дочь…

На подоконнике зарычал зверь.

— Он гарантирует ее безопасность, — сказал Артур.

— Дети… будут возвращены в свои семьи?

— Да.

— Я согласна.

Кроткая рука схватила сознание Карины и протолкнула его сквозь время и пространство назад к реальности круглого стола с горячей чашкой в ее руке. Она взглянула на Артура.

— Моя дочь? Эмили?

Он не ответил.

— Вы обещали мне, что дети будут возвращены в свои семьи. Ее отец мертв. Я единственный член ее семьи. Где она?

Он улыбнулся, без какой-либо эмоции, лишь придавая губам плоский изгиб.

— Она в головном доме, на некоторое время.

Нет, осознала Карина, ее там не было. Он лжет.

— Я требую свою дочь. Мы ведь договорились. Верните мне мою дочь, или я прощаюсь.

Даниель на стуле качнулся назад и засмеялся. Хлопнула дверь. Послышались шаги, раздающиеся эхом по всему дому.

— Скооперируйтесь с Лукасом, и ваша дочь будет доставлена к вам, — сказал Артур.

На кухню зашел какой-то мужчина. Высокий, в распираемой буграми мышц и связок тенниске, он буквально протиснулся в карликовый дверной проем. Он был не просто большой, он был массивный и был охвачен угрозой, как яростный вихрь, едва вмещающийся в оболочке своего тела. Черные волосы длинными прядями спадали на его жесткое, агрессивное лицо. Он без

малейшего милосердия глянул на нее зелеными глазами. Она встретилась с его пристальным взглядом и чуть не захлебнулась. Это было… как тигру в глаза посмотреть. Его вытаращенные глаза обещали смерть.

Его зеленая радужка заискрилась проявлением различий, перешедшим во вспышку ярости.

Он сделал не по-человечески быстрый выпад вперед и ударил по столу ладонью. Карина отдернулась назад.

— Руки прочь от нее! — прорипел, как рычание, его голос.

Генри вскинул кверху свои руки. Мужчина схватился за стул, на котором все еще был Генри, и подбросил его в сторону. Стальные пальцы захватили локоть Карины и потянули ее вверх. Он отхватил ее с пола со смехотворной легкостью, заключая на своих согнутых руках, и как бешеный пес огрызнулся:

— Моя!

— У нас нет намерения, ни капельки, — произнес Артур, звучно потягивая чай, — забирать ее у тебя.

— Не смейте вы все, ублюдки, к ней прикасаться!

Карина завертелась в его руках, пытаясь освободиться, но это было похоже на попытку дать отпор грузовику.

— Вы должны простить Лукаса, — сказал ей Артур. — У него есть склонность к чрезмерному покровительству своей пище.

Знакомый запах нагретого металла вторгся в ноздри Карины. Ее насквозь прошибла извивающая паника. Она брыкалась еще сильней, но удары ее ног сотрясали лишь воздух. Он нес ее подальше от кухни назад в спальню, где она ранее проснулась.

Глава 2

Лукас уронил ее на кровать и пошел закрывать дверь со словами:

— Держись от Артура подальше. Это больной ублюдок.

Он развернулся и зашагал к ней, огромный, подавляющий своим явным размером. Карина отодвигалась назад, пока ее позвоночник не оказался прижатым к стене.

Он долго рассматривал ее медленно раздевающим взглядом, от которого ей захотелось прикрыться, и хмуро нырнул в дверной проем слева. Тишину разразила хлынувшая вода. Лукас вновь появился с высоким стаканом воды и вручил его ей.

— Выпей. Это поможет.

Она отпила.

Он сел на стул напротив нее и стянул свои носки. Только сейчас она заметила, что он не носил обуви. Он скомкал носки и, как баскетбольный мячик, бросил их в комнату, где набирал воду, затем стянул с себя рубашку с коротким рукавом. Карина поперхнулась. Постепенно исчезающие рваные шрамы перекрещивали его массивную спину. Его ноги были длинными, его талия — узкая, по сравнению с громадными плечами. Его очертания были почти совершенными. А когда он расправил свои плечи, раскаты мускул под его кожей сформировали твердые выступы. Он не двигался — он величаво и обстоятельно подкрадывался, как огромное хищное животное, извергающее угрозу каскадами волн своего горячего металлического запаха.

Перед нею в памяти затолкался Джонатан. Ее муж был красиво и крепко сложенным, как для мужчины средних размеров. Лукас мог бы щелкнуть его пополам, не давая на раздумывание и секунды. Он, покачивая разрушительным телом, просто продолжил свой путь. У нее не было шансов. В физическом столкновении Лукас уничтожил бы ее.

— Пей, — произнес он.

Карина с силой отпила немножко воды. В ее горле пересохло, и она выпила еще. Неожиданно Лукас сосредоточился. Его пристальный взгляд сфокусировался на двери. Его тело напряглось, как по сигналу тревоги. Его босые ступни втиснулись в пол, а ноги немного согнулись, словно он приготовился в прыжке запустить себя. Завязанные в узлы мышцы разошлись пучками на перекрестке спины и плеч. Его широко разведенные руки приподнялись, а пальцы его большущих кистей, как когти, приготовились хватать и давить. Его голодные глаза зажглись горячим пламенем. В подобной позе, он едва был человеком.

Кто-то легонько постучался в дверь.

— Чего тебе? — проворчал Лукас.

— Не желаете седативчика? — осведомился голос Генри.

Лукас глянул на нее и спокойно спросил:

— Ты хочешь накачаться наркотиком?

— Нет.

— Она говорит «нет», — прорычал он.

Шаги ретировались. Медленным расслаблением мускула за мускулом в Лукасе проявилась легкая непринужденность. Он глянул на Карину своими светло-зелеными глазами, так что ее сжало внутри.

— И много они тебе наговорили? — спросил он.

— Я знаю, на что согласилась, — она запнулась. — Это ты?..

— Это — я.

Она попыталась примириться со зверем и с мужчиной, но не смогла. То темное, гротескное создание было огромным, вдвое больше Лукаса. Чудовищное сочетание обезьяны, собаки, медведя — Карина билась над сравнением по пунктам из справочного указателя, и ни одного не могла найти. Ее голова аж распухла. Она вспомнила клыки и полные злобы глаза, и массивные плечи, покрытые темным мехом. Как такое было возможным? Голос рассудка отказывался принять то, что нечто такое существовало. Но ее тело чувствовало рядом Лукаса, и знало, что зверь был реальным.

Она должна была получить объяснение. Хоть какое-нибудь.

— Ты — вампир? — спросила она.

— Нет.

— Тогда что ты такое?

Он вздохнул:

— Нет ни мифа или легенды, ни милого объяснения. А таких как я здесь люди называют «демонами». Это просто название, без привязки к чему-нибудь религиозному. Также, ты могла слышать, что люди называют меня человеческим подвидом № 30. А остальное — все очень сложно.

Он взял ее наполовину пустой стакан и, продолжая говорить, пошел наполнять его доверху:

— На самом деле, для моей поддержки, нужна не твоя кровь. Мне требуются эндокринные гормоны, которые с секретом будут выделяться твоим телом в ответ на мой укус.

— Для чего?

— Для противодействия последствиям от выработки мной яда, которые причиняют мне боль.

Он поместил ей в руки наполненный стакан, потер рукой у себя за шеей и протянул ладонь к ее лицу. Аромат горячего

металла ударил ей в ноздри, и она отпрянула.

— Эта вонь означает, что я изголодался по тебе.

Он был слишком близко. Стаканчик задрожал в ее пятерне. Боже, ей было страшно. И вся ее сила воли ушла на то, чтобы с криком не убежать.

— Будет больно?

— Да. Не так, как в фильмах о вампирах, где вампир кусает женщину, а она мягко стонет и теряет сознание. Ничего такого, включая восторг и кульминацию. Только я — пожевывающий тебя.

Он взял ее за подбородок, приподнимая лицо, и всмотрелся в глаза. Карина отдернулась. Он прислонился. Она попыталась выкарабкаться, но он схватил ее плечо, удерживая в неподвижности. Его губы коснулись ее лба.

— Жар, — Лукаса скорчила гримаса. — Твои глаза все еще налиты кровью.

Его присутствие давило на нее как физическая нагрузка. Карина закрыла глаза. Замкнутая от мира всего, она сидела здесь и к тому же претендовала на то, что все будет окей, даже если ее инстинкт уверял об ином. Ей надо выжить и адаптироваться. Она должна сделать все, что потребуется, чтобы вернуть дочь.

Когда она раскрыла веки, он ждал ее с синтетическим шнурком в руках. Она не слышала его движений.

— Это для того, чтобы ты не дергалась.

Он придвинулся к ней, разматывая шнурок.

Нет. Лежать здесь, связанной и полностью беспомощной, пока он будет упиваться ее кровью — это уж слишком.

— Все в порядке, — проговорила она, — я не передумаю.

Лукас продолжил свое.

— Я не передумаю, — отчаяние придало стальных ноток ее голосу. — Я согласилась сделать это для того, чтобы спасти свою дочь. Они позволят увидеться с ней, после твоей подпитки. Я не буду бежать или драться.

Он остановился.

— Артур сказал, что я буду оставаться здесь, пока буду жива. А это значит, что тебе необходимо часто делать подпитку. Может, правильней начинать по-хорошему.

Лукас мертвой хваткой вцепился в веревку. Его бицепсы вздулись. И веревка лопнула на части. Карина вздрогнула.

— Если ты пытаешься запугать меня — так слишком поздно. Я уже напугана так, что больше некуда.

— Я не пытаюсь тебя напугать тем, что закусаю до смерти, — сказал Лукас, сматывая веревку в тугой комок, несколько раз обернув вокруг конца ее кусок, и бросил его Карине в подол

футболки. — Это на тот случай, если получится слишком грубо.

Она подобрала то, что было веревкой.

Лукас сел рядом и сказал:

— Артура не колышет твоя дочь. Я. Я гарантировал ее безопасность. Вы обе принадлежите мне.

Лукас наклонился, чтобы заглянуть к ней в лицо. Она ожидала ярости, голода, какой-то неистовой эмоции, но вместо этого увидела только устойчивое спокойствие.

— Я обещаю тебе, не имеет значения, что произойдет между нами, твоя дочь будет в безопасности. Я никогда не буду использовать ее против тебя. Все меня боятся, и никогда не будут над ней издеваться или плохо к ней относиться.

Карина с удивлением уставилась на него.

— Ты хочешь, чтобы все начиналось правильно, — сказал он. — Мы можем сделать это. Давай будем честными. Та сучка из гостиницы отравила тебя. Технически, она инфицировала тебя вирусом, при котором выделяется токсин в твою кровеносную систему. Для противодействия вирусу тебе необходим вырабатываемый моим организмом яд. Я уже раз тебя укусил, но потребуется несколько подпиток до того, как ты очистишься.

— Ты меня укусил?

— За левое бедро, — сказал он. — Я тогда был в атакующем варианте, а укус в любое другое место мог бы причинить слишком большой вред.

Она схватилась за ногу, пытаясь через джинсовую ткань нащупать рану.

— Это был очень быстрый укус, — сказал он, — для того, чтобы спасти тебя от смерти. Что было бы еще хуже.

Он был серьезен. А мысль о нем, напитывающемся ею, пожевывающем ее, была уж чересчур для созерцания.

— А вместо этого мы можем сделать переливание крови?

— Нет. В прошлом мы уже пытались, и потерпели неудачу. Существует некий, непонятный для нас, вид взаимоотношений между твоей кровью, моим ядом и моей слюной. Я должен напитываться тобой. Тебе нужен я, чтобы выжить, а ты нужна мне, чтобы, — он сделал паузу, — …чтобы противодействовать моему яду.

Он что-то не договаривал, она была в состоянии это ощутить.

В глазах Лукаса не было милосердия:

— Я — хищник, а мое тело знает, что ты — моя добыча. Твой страх возбуждает. Постарайся не быть такой испуганной. Не сопротивляйся. Чем больше ты вертишься и ноешь, тем более возбужденным я становлюсь. Если ты меня достаточно сильно возбудишь, то я разжую твои вены и прикончу тебя, затраханную,

в луже крови. Я полагаю, что ты этого не хочешь?

— Нет.

— Тогда оставайся спокойной, — сказал Лукас. И, кивнув в сторону шнурка на коленях, спросил: — Ты уверена, что не хочешь быть связанной?

— Да.

Лукас растянулся на кровати, взял за талию Карину и потянул ее, низвергая напротив себя. Они расположились рядышком: ее попа прижалась к его паху, а спина — плотно к его груди. Как двое любовников. Как правило, она и Джонатан так лежали после секса. Извращенность положения заставила ее задрожать.

— Лежи спокойно.

Его руки плотнее притянули ее. Жесткий стержень его эрекции толкнулся ей в попу. Она попыталась сделать некое разграничение, от греха подальше.

— Не беспокойся, тут я ничем помочь не могу, но приставать к тебе не буду. Пока ты не станешь стонать и тереться своей жопой об меня.

Она остановила движения. Аромат раскаленного паяльника теперь был непреодолимым. Карина прокашлялась и сказала:

— Я чувствую, как мою голову слегка уносит.

— Ты вдыхаешь мой запах. Твое тело реагирует. Это только ускорит положение вещей.

Это объясняло, почему рубашка была сорвана. Он не хотел, чтобы ткань встала барьером между ней и запахом, который мог бы скатиться с его кожи и начать на нее воздействие.

— Мне надо что-нибудь делать?

— Просто лежи тут и терпи. Твое тело нуждается в моем яде. Как я говорил, я уже кусал тебя, чтобы убить отраву, но ты его получила ровно столько, чтобы остаться в живых. На это уйдет некоторое время.

Без указания вытянуть шею, она смахнула с нее волосы и выставила кожу как экспонат.

Ей ответил сдавленный смех. Он спросил, говоря ей на ушко и касаясь своим теплым дыханием ее кожи:

— Ты когда-нибудь смотрела хоккей?

— Нет.

— В «Баффало Сэйбрс» был вратарь — Клинт Маларчук. Стив Таттл, парень из другой команды, пытался забить в ворота, и когда он протаранил во вратарскую площадь, защитник захватил его сзади и в падении качнул его вверх. Шею Маларчука задело коньком Таттла. И как только мелкий порез снаружи разорвал яремную вену — кровь брызнула, как вода из шланга, покрыв всю

зону в считанные секунды.

По какой-то причине она не смогла понять, так его тихий голос по-дружески подействовал на нервы.

— Он выжил?

— Он остался в живых. Если бы лезвие конька прошло чуточку глубже, то быть бы ему мертвецом, приблизительно, через две минуты. — Лукас плотнее подтянул ее к себе: — Совать нос в шею — это забавно, но внутривенное давление может так быстро выгонять твою кровь, что это может тебя убить.

Его палец проследовал по очертанию вены на ее шее, вызывая мурашки по коже. Она пожелала, чтобы он этого не делал.

— А если не в шею, то куда?

— Хорошо бы подошла рука.

— А можешь удовлетвориться… обойтись рукой?

— Еще чего. Чем дольше мы ждем, тем болезненней это будет для тебя.

Его тело было горячим в отличие от ее тела, его тепло просачивалось в нее. Теперь его запах окутывал ее полностью. Ее голова закружилась.

— Это оно, — подсказал он. — Расслабься и не напрягайся.

— Мне страшно, — сказала она ему.

— Прости.

Подоплека насилия, проникающего во все, что он говорил, слегка утихла.

— Что произойдет после твоей подпитки?

— Ты уйдешь в аут. Это как отдать кровь, за исключением куда больших неприятностей. От моего яда твое тело будет в состоянии шока. Если ты выживешь, то станешь пригодной для подпиток.

— Я могу умереть?

— Да.

— Все просто становится лучше и лучше.

— Жизнь такая сука.

Комната поползла.

— Я ведь не сплю, да?

— Если это твой сон, то тебя серьезно трахнуло.

— Да кто ты… все вы такие?

— Ты задаешь слишком много вопросов.

Он оттянулся от нее, повернул ее руку к себе и укусил прямо за мягкую плоть выше локтя. Пронзительная боль прошлась по Карине. В ответ ее тело напряглось, но его руки прижали ее так, что она едва могла дышать.

Больно. Опять. И опять. Но хуже чем боль было ужасное ощущение его обгладывающих зубов и колючего тепла, которое

извивало свой путь вверх по руке. Оно распространялось на плечо и развеивалось за пределы, изъявляя претензию на ее тело. Она хотела освободиться и удрать, но Лукас держал ее в тисках.

— Обещай мне, что ты обеспечишь безопасность моей дочери, если я умру.

Он не ответил.

— Обещай мне.

— Обещаю, — произнес он.

Карина позволила себе утонуть в мучительной боли. Постепенно облегченной устойчивой болью. Ее конечности расслабились. Она попыталась думать о чем-то другом, о чем угодно, об Эмили, об их безопасной квартирке, о том, чтобы быть в другом месте, где-то далеко-далеко. Но реальность отказывалась отступать. Так и лежала Карина там, и ждала завершения этого, все ее тело отчетливо гудело от необычной боли, пока головокружение не вычеркнуло весь мир, и она не ускользнула в провал.

* * *

Лукас понюхал тонкую шею Карины. Ее лихорадило. Не слишком уж и плохо. Она была здоровой. И чистой. Анализ крови из головного дома не показал аномалий, за исключением отравления. Все было как у «доноров». Эластичность; устойчивость к большинству болезней.

И твердо стоящая на своем. Не казалось, что она бы сломалась, но он видел достаточно людей, которые ломались под тяжестью переходного периода, чтобы позволить ускользнуть охране. А затем, была ее дочь. Дети все усложняли.

Она просто легла тут и позволила ему напитаться.

Его первого «донора», Роберта Майлдера, для подпиток приходилось накачивать успокоительным средством. После него была Галатея. Ему приходилось связывать ее. Каждый раз. Она обижалась на свою роль, питая отвращение к тому, чтобы быть сдерживаемой. Презирала его, и все же тянула к себе в постель. А когда они трахались, она совершенно истощала его так, что он чувствовал блаженную пустоту, как если бы излил в нее не только свое семя, но и свою боль. Она принимала все и упивалась этим, наслаждаясь имеющейся в ее руках властью над ним. Он не был дураком. Он знал, что она была движима местью, но возвращался к ней опять и опять, с идиотской жаждой отравленного

источника.

А теперь у него была Карина.

Успокоительный холод распространился по его венам, смягчая прошивающую иглами боль, которой всегда у него кололо впоследствии его трансформации из атакующей формы. Забавно. На инъекциях он выдержал шесть лет, выдергивая себя через каждую парочку дней, но успокоить боль синтетическим гормонам не удавалось. Они ухитрялись притупить ее, и все же боль грызла еще, и еще, пока он не стал убежденным в том, что она окончательно размолотит его до состояния ничтожества. Тело Карины едва имело шанс ответить на его яд, но все же, даже эта маленькая доза гормонов принесла ему облегчение. А он чуть уж было не забыл, как же это, когда без боли.

Лукас вдыхал ее запах. Воспоминание о погоне по мотелю пронеслось в танце у него в сознании. Ему захотелось опять за нею погнаться. Он почувствовал опьянение.

Он приспустил узкую бретельку топика с плеча Карины, обнажая ее левую грудь. Больше, полнее, мягче, чем ожидал. Он вообразил, как скользит его рука по этому холму, разглаживая пальцем сосок. Он представил, как в ответ ее тело будет сжиматься и как на ощупь, наперекор его пальцам, сосок будет выпрямляться.

Он скользнул пальцами под пояс ее джинсов, оттянул его и взглянул на белый треугольник трусиков. Его член до боли испытал вожделение. Ему захотелось оседлать Карину и вонзиться в ее нутро.

Так что же его останавливало?

Лукас скользнул рукой выше, к слегка округлому животику, ласково придержавшись и пытаясь распутать вопрос. Если бы Лукас связал Карину, еще перед подпиткой от нее, то уже бы вставил ей, в этом-то был он уверен.

Доверие, понял он. Она сдержала обещание со своей стороны сделки. И это дорогого ей стоило. К концу она заплакала, когда ускользнула ее хватка над своим сознательным и тихие слезы оставили влажные следы на ее щеках. Завтра ее рука воспалится как ад. При условии, что не повысится жар и не убьет яд, в ее будущем могло быть завтра. Ему хотелось, чтобы она жила, но он уже сделал все, что мог, чтобы ей помочь.

Подпитка далась Карине ценой больших усилий, но она лежала тут и позволяла ему делать его дело, как и обещала, и надеялась, что он сдержит свою заключительную часть уговора. А соглашение не содержало в себе никакого права трахать ее. Она кристально ясно дала это понять.

Он с усилием натащил топик назад на место, прикрыв

Карину, и притянул ее к себе, скользя по ней рукой. Она была его. Она будет избавлять его от боли, а он будет защищать ее в ответ. Таков был договор.

Глава 3

Карина проснулась в пустой комнате. Яркий утренний свет проливался через открытое окно, прорисовывая желтый прямоугольник на деревянном полу. Из вытяжки донеслась едкая вонь подгоревшего бекона.

«Эмили», — забеспокоилась Карина.

Она попыталась высвободиться из постели, но чуть не упала. В голове поплыло. Медленно, очень медленно она соскользнула с кровати и приняла вертикальное положение. Ее горло так пересохло, что аж болело. На стоящем у кровати столике, возле бинокля, находился полный стакан воды с гласящим «Выпей это» желтым стикером. Она практически смогла услышать рычание Лукаса.

Воспоминание об его гложущих зубах ее покоробило, что повлекло за собой пробуждение тошноты. Карина склонилась, хватаясь за ночной столик для того, чтобы удержать равновесие, и увидела наложенную на руку прямоугольную полоску. Она рванула бандаж, что послало толчок боли по конечности. Пластырь остался приклеенным. Карина сильней потянула, пытаясь его содрать, как если бы вместе с ним могла потерять и воспоминание о Лукасе. Она поборолась с ним несколько секунд, боль заколотила вверх по бицепсу горячими колючими взрывами, и оторвала его, наконец, высвободившись.

Большой синяк красовался на сгибе руки Карины. Потемневшее багровое пятно располагалось здесь словно клеймо, доказывающее собственность Лукаса. Засохшая кровь покрылась корочкой в центре, где его зубы коверкали ее вены.

Цена, которую она платила за жизнь Эмили. И свою собственную. Боль в руке подтолкнула ее к тому, чтобы закричать явственно от умопомрачительной несправедливости следующего: на нее напали, ее похитили, травмировали, удерживают с применением грубой силы, у нее отняли дочь, лишили свободы и… ее выдернули из жизни. Всего лишь день назад она резонно чувствовала себя в безопасности, уверенно знающая, что в любой момент можно набрать 911 для того, чтобы прямо к ее двери был доставлен крузер патрульной полиции. Она имела права. Ее защищали. Она была личностью.

Она почувствовала влагу нахлынувших в глаза горючих слез, и сжала зубы. Ей надо держать себя в руках. А думать как жертва — это путь в никуда. Да, это было ужасно. Да, причиняло боль. Но — ее не убило. Она все еще была жива и должна бороться, пока дышит, за себя и своего ребенка. Она должна повиноваться и

быть милой. Ей нужно втереться в доверие. Это было ее единственным шансом на то, чтобы выжить и сбежать. Карина бросила бандаж на ночной столик и осушила стакан. Пришло время найти дочь.

Резкий скрип заставил ее повернуться к окну. Она подошла к нему, попутно поднимая бинокль с ночного столика. Перед нею расширились зеленые просторы, покрытый лесом склон мягко опускался вдаль к красно-бурым горам, постепенно, на расстоянии, становясь синим и, в конечном счете, серым. Низкорослый лес крепкими объятиями укоренился у основания гор, отмечая пунктиром травянистую прерию комками зелени. Ее лицо овеяло ветром, приносящим влагу и терпкий аромат какого-то неизвестного цветка.

На юге Оклахомы была середина лета, и прерия, которую она видела через ветровое стекло днем ранее, была коричневым морем высохшей травы. А это… Это с виду было похоже на весну после сезона дождей, где-то у подножия расстилающихся гор.

Где, черт побери, она была? Выглядело как полная глухомань, вероятно, в тысяче милях от какой-нибудь дороги, каких-нибудь людей. Какой-нибудь помощи. Если она совершит побег, то пересечь неровную местность с шестилеткой было бы очень трудно. Ей бы пришлось хорошенько все спланировать и взять уйму воды.

Затряслись кусты. Небольшое животное коричневого цвета рвануло из зарослей. Оно имело сходство с собакой или, возможно, с койотом. Оно мчалось по траве, в явной панике выписывая зигзаги. И не бежало как койот.

«Что за хрень невиданная?» — заинтересовалась и Карина вскинула к глазам бинокль.

Существо не было собакой. И, что ли, выглядело как очень маленькая лошадка, не более чем в два фута высотой.

Кусты задрожали и выплюнули на траву три серые фигуры, одну большую и две другие поменьше. Вертикально выпрямленные, они бежали на парах массивных, мускулистых ног, их тела покрывались серыми перьями, которые были усеяны черными пятнами. Длинные, мощные шеи поддерживали головы, вооруженные огромными клювами. Бинокль подобрался к каждой детали, от гребня длинных перьев на головах до крошечных злобных глаз.

Несущаяся ради своей жизни галопом лошадь, повернула влево. Ближайшая к ней птица поскользнулась и качнулась в направлении дома справа от себя. Бледно-красная вспышка прострелила воздушную пустоту, словно бы птица вбежала в невидимую сеть, а давление ее тела вызвало накал нитей

докрасна. Птица издала пронзительный крик и упала, катапультируясь на спину. Ошеломленная, она мгновение полежала на траве, а потом кувыркнулась на ноги и снова примкнула к погоне.

Лошадка стала уставать. Она замедлилась. Изо рта пошла каплями пена.

Самая большая птица разогналась как спринтер. Чудовищный клюв поднялся, а потом опустился как топор, долбя лошадь и сбивая ее с ног. Она покатилась по траве, поднимаясь зигзагами на дыбы. Вокруг нее танцевали три курвы подзаборные, тыкая и щипая своими птичьими клювами. Лошадь издала крик и упала. Окровавленные клювы взметались вновь и вновь…

Карина опустила бинокль.

Она не сильна была в зоологии, но знала достаточно. Это были не эму; не были они и страусами; нет, это было нечто злое, что-то древнее, чему не следовало бы существовать в Техасе или в пределах Озаркского высокогорья. Или в двадцать первом веке.

Неожиданно ее обдало леденящим от головы до пят холодом.

Пронзительные раскаты триумфального крика донеслись из равнины.

Карина бросила бинокль на стоящий сбоку стол и захлопнула окно.

* * *

Облако дымящего масла поприветствовало Карину на кухне. Матерящийся за плитою Генри лопаткой выкладывал со сковороды на тарелку несколько обугленных кусков бекона методом соскабливания. Он увидел ее и сделал волнообразное движение кухонной лопаткой, разбрасывая кругом по столу горячие капли жира:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответила она на автопилоте. — Я видела… птиц.

— Терроризирующие птицы, — кивнул Генри, — ужасно противные создания. Не беспокойтесь, повсюду вокруг холма имеется большая ограда. Мы называем ее сетью — это тонкая проволока, по которой бежит мощный электрический ток. Вы в полной безопасности поблизости дома. Они близко не подойдут. Кроме того, они чаще всего бывают трусливыми. И взрослому человеку нечего беспокоиться.

Одна из этих курв могла и ребенка убить. Видение окровавленного клюва, опускающегося как топор, промелькнуло перед глазами Карины. Она сглотнула.

— Моя дочь?

Лопатка указала направо от Генри.

— Прямо за пролетом этой двери.

Карина силилась не побежать. Она обогнула стол и прошла через дверной проем в гостиную. Ее сердце колотилось.

Зеленое одеяло прятало в очертаниях свернувшуюся на кушетке калачиком крошку. Карина отдернула покрывала. Головой на подушке лежала Эмили. Ее рот был слегка раскрыт, глаза закрыты, а волосы беспорядочно запутались.

Карина опустилась на колени и нежно ее обняла. Эмили зашевелилась. Карина уткнулась лицом в щеку дочери и вся сжалась, пытаясь не заплакать.

— Даниель принес ее рано утром. Артур сказал, что позволит, в ответ на это, ему говорить, — из дверного проема мягко произнес Генри. — Я стер ее воспоминания о нападении в мотеле, которые были слишком травмирующими, так что она ничего не вспомнит об этом месте, и весь этот день ей будет смутно помниться. От стирания памяти нет каких-нибудь далеко идущих эффектов, но имеются краткосрочные последствия: она будет значительно больше спать, будет казаться сконфуженной и может испытывать некоторую озабоченность. Похоже, это должно продлиться где-то около недели. Лукас звонил в головной дом. Они уже обустроили для нее хорошую комнату.

Карина обернулась.

— Я хочу, чтобы она осталась со мной.

С виду Генри было некомфортно.

— Имеется причина, почему трое из нас изолированы от головного дома.

— Трое? Я думала, что Артур здесь живет.

Генри закачал головой.

— Артур остается в основном соединении. В нашей группе, в целом, самым страшным является Лукас, Даниель — это самый презираемый, а я не заслуживаю и наименьшего доверия… — он запнулся. — Этот дом — не самое лучшее место для ребенка.

Карина выдержала паузу, перед тем как спросить:

— Генри, а почему это все на свете не доверяют вам?

Из четырех встреченных ею мужчин, пока что, Генри казался наименее невменяемым.

Он примирительно улыбнулся, с почти ранимым видом, и ближе наклонился.

— Я могу сделать так, чтобы вы забыли о том, что у нас был

этот разговор. Я могу заставить вас забыть о Лукасе, о мотеле, а если немного поднапрягусь, вы не будете помнить, что у вас когда-либо была дочь.

Услышанное вынудило Карину сделать паузу. Это казалось безумным, но не более безумным, чем представить человека, который превращался в кошмарного зверя.

— Вы умеете читать мысли?

— Никто не может читать чужие мысли, — Генри закачал головой, — даже оперативники боевого ранга вроде меня.

Бой? С кем? Почему? Он формулировал свои ответы очень аккуратно, обдумывая их, прежде чем отвечать. Если она нажмет на него слишком сильно, то он перестанет говорить.

— Я не совсем уверена, что понимаю. Вы стираете память у врагов?

Генри снял свои очки и протер линзы углом одеяла Эмили. Без очков он казался моложе.

— Сознание хранит не только воспоминания. Оно также правит множеством функций тела. Я могу произвести мысленную разведку сил противника и выдать вам их пронумерованную совокупность. Хотя, очевидно, чем больше их, тем выше предел для ошибок, но обычно я не выхожу за существенное число. Я могу найти ваше сознание в толпе людей и атаковать его, так что вы будете думать, что тонете. Я могу отключить ваш мозг от остальной части вас и устроить ему гипоксию, пока вы не станете овощем. Мой подвид называется «ломщик сознания», а не «стиратель памяти».

На некий момент Генри ужаснул ее даже больше, чем Лукас, а мысль о том, что он в силах каким-то образом взломать ее череп и всмотреться в мозг напугала еще больше.

Генри глянул на Эмили, лежащую на кушетке.

— Теперь вы мне доверяете? Вы хотите, чтобы ваша дочь находилась рядом со мной?

Нет. Она не доверяла ни одному из них. Но головной дом, где бы он ни находился, мог быть полон странных чужаков. Мысль что кто-нибудь, полный сильной ярости как Лукас или холодный как Артур, будет заботиться об Эмили без нее, защищающей свою дочь, заставила ее содрогнуться.

Карина стиснула руки. Крики и истерика до хорошего не доведут. Она должна быть рассудительной с ними. Должна быть остроумной. Использовать логику.

— Генри, для меня скорее будет неприемлемым, даже чересчур, какой-то дом людей, которых я не знаю, чем вы с Лукасом. Эмили проснется одна, без меня. Она обязательно испугается. Она моя дочь, Генри. Со мной она в самой что ни на

есть безопасности, потому что я — ее мать и жизнь свою отдам, чтобы уберечь ее от того, что может ей навредить.

— Поговорите с Лукасом, — предложил Генри. — Я думаю, он разрешит что-то типа посещений.

Лукас. Лукас уже говорил, что владеет ими обоими. Ей было необходимо заставить его понять. Карина поправила одеяло Эмили и поднялась.

— Могу ли я сделать для нее завтрак? Или мне следует спросить разрешение у Лукаса?

Генри отступил в сторону и, глотая слюнки, произнес:

— Добро пожаловать к любому имеющемуся у нас продовольствию!

В холодильнике содержались яйца, несколько фунтов бекона, холодная нарезка с каким-то налетом, пожелтевший шмат засохшего и ломкого сыра «Моцарелла», а также упаковка позеленевших с виду сосисок. Карина вытащила яйца и бекон.

— А мука?

С растерянным видом Генри покопался в одном из шкафов, нахмурился и открыл дверь, за которой обнаружилась огромная кладовая.

— Я думаю, где-то здесь.

Карина ступила в это помещение. Несметные ряды деревянных полок, заполненных консервными банками и бутылями, огромная стойка для набора специй, пятидесятифунтовые мешки с сахаром, мукой, рисом… три большие морозилки, забитые мясом. Достаточно еды, чтобы годами кормить этих мужчин.

— Вы ожидаете продолжительную блокаду?

— Об этом заранее никогда не известно, — с тонкой ухмылкой сказал Генри. — У нас их уже несколько было.

— Вы, Даниель, Лукас, я, Эмили… еще кто-нибудь будет?

— Нет. Это означает, что мы были приглашены на торжественный прием пищи?

— Но, я использую ваши продукты.

Генри издал выдох облегчения, поднял тарелку с черными клочьями бекона и вывалил их в мусорное ведро со словами:

— Слава богу…

В первую очередь Карина открыла окно, для того чтобы кухня проветривалась, и принялась готовить завтрак. Генри припарковался поближе к холодильнику и наблюдал за ней. В Генри было что-то беспокоящее. Когда она посмотрела на него, у нее возникло впечатление длины: длинные конечности, длинное туловище, длинное лицо. И хотя ей смутно припоминалось, что Генри был короче Лукаса, он выявился выше ростом. Он казался

тощим, чуть ли ни тонким, но это было обманчивое представление: рукава его толстовки были закатаны по локоть, обнаруживая слепленные при помощи крепких мышц предплечья. Он часто улыбался, но в изгибе его губ испытывался недостаток эмоции. Его улыбка была тонкая как бумага, автоматическая, как моргание, подобное проявлению коленного рефлекса.

«Ломщик сознания», — подумала Карина. Если сказанное им было правдой, то он мог бы убить Эмили прямо перед нею, дочиста стереть ей память, а она бы никогда и не вспомнила об этом.

В поддоне холодильника Карина нашла яблоки «Гренни Смит», и проверила выдвижные ящики. С третьей попытки она попала на то, что выглядело как ящик с кухонной утварью: ножи, отвертки, штопоры, открывалки и деревянные ложки. Она выудила из ящика нож среднего размера, очистила от кожуры яблоки, удалила сердцевину, порубила и отправила их жариться на слабом огне, посыпая коричневым сахаром.

— Божественно пахнет, — пробормотал Генри.

— А здесь есть корица?

— Я в этом уверен. Коричневый порошок, верно? — спросил Генри и вошел в кладовку.

— Да.

Карина схватила нож, оттянула со своего бедра ткань джинсов и поместила нож внутрь кармана. Острый конец лезвия разрезал подкладку, и она впихнула нож дальше по самую рукоятку. Лезвие проскоблило по коже. Она глянула вниз. Нет крови. Карина вздохнула. Порезавшись, она бы гарантированно рисковала, потому что у нее не было другого места, куда прятать нож. Где-нибудь еще он бы выпирался. Поверху она опустила футболку.

Из кладовой вышел Генри. Карина придержала дыхание. Возможно, он мог читать мысли. А может быть, он вырвал бы с потрохами образ ножа из ее головы. Ей необходимо было перестать думать об этом, но она не могла. Наверное, что-то в форме ножа ярко светилось в ее мозгу.

Генри радостно затряс пластиковым контейнером с корицей:

— Нашел!

Она должна была что-то сказать, или он еще подумает, что не то нашел. И с большим усилием воли Карина пустила в ход рот:

— Спасибо!

Она взяла корицу и посыпала ее на яблоки.

В дальнейшей деятельности явно не хватало противня для мяса, и возможно, они вообще не имели такового. Она застелила слоем бумажных салфеток тарелку, сверху поместила полоски

бекона и все это втолкнула в микроволновку.

— Вы ведь не часто готовите? — спросила она.

— Наоборот. Я довольно-таки часто готовлю, по выходящей за все рамки необходимости. К сожалению, большая часть того, что я произвожу, не является съедобным. Стряпня Даниеля, когда такое дело становится возможным, получается даже еще хуже, чем у меня. Лукас может недурно запекать и без гриля, если его хорошенько подтолкнуть к этому, но на кухне все его фантазии про еду включают в себя обгорелый внешне и сырой внутри кусок мяса. Нашим поваром был Адрино.

— А где он теперь?

— Умер. Около девяти месяцев тому назад.

Она сделала паузу, чтобы посмотреть на Генри.

— Мне так жаль.

Генри кивнул:

— Благодарю.

Карина продолжила замешивать тесто для блинчиков.

— Как он умер?

— Лукас его раскусил пополам.

Она остановилась.

— Он был членом вашей семьи?

— Был. Он был кузеном Лукаса по материнской линии, и моим сводным братом.

Карина нашла сковородку и поставила ее на горелку для того, чтобы разогреть. Она размешала яблоки деревянной ложкой, затем вытащила бекон из-под микроволн и очистила его от бумажных салфеток.

— Я могу это сделать, — предложил Генри.

— Спасибо.

Она вылила на шкварчащую сковородку тесто и понаблюдала, как запыхтел и запузырился по краям первый блин.

— Почему Лукас убил его?

— Адрино пытался убить Артура.

— Почему?

Быстро обнажив зубы, Генри бессмысленно и плоско, как маска, улыбнулся.

— Адрино изнасиловал женщину на базе. В наказание, Артур на два месяца посадил его на цепь.

— Цепь?

— Во дворе. В конце концов, Адрино отпустили с цепи, и все вполне шло хорошо, пока за прошлой рождественской вечерей он не сделал попытку сгустить кровь Артура. В ретроспективе, нам этого и следовало ожидать. Его подвид имеет склонность к совершению опрометчивых поступков. — Генри опять улыбнулся:

— Леди Карина, вы непременно найдете нас неистовым и порочным жребием судьбы. Каждый из нас ненавидит Артура, все ненавидят друг друга, ненавидят, кем мы являемся, чем мы являемся и почему мы такие. И эта ненависть так глубока внутри нас, аж до мозга костей. По личным причинам Лукас ненавидит сильнее, чем большинство из нас. Но в то же время, в своей яростности, Лукас обладает гораздо большим, нежели дозволяется, самоконтролем. Он понимает простую истину: Артур склеивает нас, удерживая друг с другом. Артур делает ошибки, и он грубый, но также он честный. Каждое племя должно иметь лидера. Без такого лидера будет хаос. Можно мне просто упомянуть невзначай, что ваши блинчики восхитительно пахнут? Я и предположить не могу, что есть какой-нибудь способ, которым я бы смог удержаться от того, чтобы не стащить один прямо сейчас, а?

* * *

Тридцатью минутами позже блинчики были сделаны, бекон приготовлен, и Карина прошла в комнату к дочери.

— Эмили! Просыпайся…

— Мама?! — с неожиданно свирепой силой Эмили сцепилась обеими руками вокруг шеи Карины и повисла на ней.

Карина вычерпнула ее с дивана и теснее прижала, боясь слишком крепко обнять крохотное тельце.

— Я здесь, малышка. Я люблю тебя.

Эмили никогда не говорила «мама». Это всегда было «мам».

— Ты ведь меня не покинешь?

В горле Карины словно камень застрял. «Покинуть» — было эвфемизмом Эмили, означающим смерть. Ее дочь думала, что она умерла.

— Я очень сильно постараюсь, — пообещала она.

Эмили продолжала висеть, и Карина осторожненько понесла ее на кухню.

— Я сделала твои любимые яблоки.

Хватка Эмили на шее постепенно ослабла. А по прошествии нескольких секунд, у стола, она позволила поместить себя на стул.

Даниель прямиком вошел на кухню и произнес:

— Еда…

Генри кивнул:

— Ага.

Даниель вытащил стул, уселся и потянулся к блинчикам.

— Давай подождем Лукаса, — сказал Генри.

— От, ебанутый Лукас.

Карина взглянула на Генри. Генри вздохнул. Даниель измерил их взглядом, зыркнул на Эмили и пожал плечами.

— Им не нравится, что я матюкаюсь. Ты ведь не против, если я буду матюкаться?

Эмили затрясла головой.

— Вот видите, она не возражает.

Лукас буквально нарисовался в дверном проеме. В данный момент времени здесь было пусто, а уже в следующий — он был тут как тут, и зеленые глаза с горящим голодом наблюдали за каждым движением Карины. Пытаясь не замечать этого, она села на свой стул, но его пристальный взгляд сжимал ее, как невидимая цепь. Она обернулась к нему: «*Да, я принадлежу тебе. Но тебе не придется пропихивать это в мое горло*».

Глаза Эмили выросли в размерах. Она немножко оробела, когда Лукас подступал к столу, осознавая опасность его движений. Карина прочитала страх на лице дочери и передвинулась, чтобы держать ее за руку. Лукас не давал Эмили никаких поводов его бояться, однако она, несомненно, была напугана, словно на каком-то примитивном уровне почти что учуяла — она была под угрозой.

Лукас сел возле Карины, напротив Даниеля, и потянулся за блинчиками. Она наблюдала за тем, как он нагружает в свою тарелку: четыре блинчика, шесть полосок бекона, соединение из сосисок… четырех. Больше в тарелке бы не поместилось. Он растерянно призадумался, а потом навалил кучу яблок на блины и оросил все положенное кленовым сиропом.

Хорошо, что она наготовила достаточное для десятерых количество пищи.

Лукас вилкой срезал блины, наколол ломтик яблока и все это целиком сманеврировал к себе в рот. Сидящая с краю Карина наблюдала за тем, как он жует, и ожидала, прислушиваясь к поднимающемуся темпу собственного сердцебиения, что он швырнет тарелку через стол. Она хотела, чтобы пища им понравилась; нет, ей отчаянно было нужно, чтобы пища им понравилась, причем всем троим. От этого зависело ее выживание.

Лукас проглотил.

— Ничего так, — сказал он и потянулся за добавкой.

Карина чуть не развалилась на стуле, не в состоянии спрятать своего облегчения.

— Ничего? Это самая что ни на есть, гребаная, божественность, — сказал Даниель. — Это первая, за столько недель, приличная жратва.

Лукас пристально смерил его тяжелым взглядом, но промолчал.

— Мам, — сказала Эмили.

— Что, малышка?

— Я оставила рюкзак у тети Джил дома. А в нем — мои школьные принадлежности.

Жрущие мужчины посмотрели на нее.

— Малышка, все будет хорошо, — сказала Карина. — Тебе все равно придется поменять школу.

— Почему?

— Потому что мы теперь живем здесь, и ты будешь ходить в специальную школу, — вышли переполненные болью слова.

— А мне надо будет ездить на автобусе?

Карина проглотила сформировавшийся ком в горле. Признание того, где они находились, было трудным, как если бы она забивала гвозди в собственный гроб.

— Нет.

Почему мы должны здесь оставаться?

— Теперь это место моей работы.

— Твоя мать — рабыня, — сказал Даниель, — и ею владеет Лукас.

Если бы только она могла достать его через стол, то ударила бы до боли сжатым кулаком. Карина с усилием сохранила нейтральность растянутого как маска лица: «Ничего не показывать. Не выдавать слабость».

— А рабыня — это лучше, чем супервайзер из расчетного сектора? — спросила Эмили.

— Они не так уж и различаются, — соврала Карина.

Прежде, она много раз думала, перебирая зарплатный проект за проектом и пытаясь добраться до дна суматошных штабелей, что в течение длительного времени работает как раб втянутый, который вечно находится позади. Она думала, что уже испытала наихудшее из того, что могла бы ей подкинуть жизнь. Теперь все это казалось таким бессмысленным. Ее воспоминания принадлежали какой-то другой, более счастливой, более ветреной и молодой персоне. Теперь у нее была новая жизнь и новые приоритеты, главным из которых было благосостояние дочери. Она должна думать о безопасности Эмили.

Эмили ткнула вилкой блинчик:

— А как насчет дома? Там все наши вещички… мое одеяло «Хэллоу Китти»…

— Мы достанем новые вещи, — Карина быстро окинула глазами стол по кругу, но никто из троих мужчин и слова не вымолвил, чтобы разрушить ее хрупкие обещания.

— А я получу личную комнату?

Карина посмотрела на Лукаса с мольбой: «*Пожалуйста, не разлучайте меня с дочерью*».

Неспешными движениями салфетки он вытер себе рот.

— Тебе придется остаться в головном доме. А на выходные ты сможешь навещать свою мать. Мы устроим комнату.

— Мам, я хочу остаться с тобой, — жалобным голосом попросила Эмили.

— Тебе нельзя, — сказал Лукас.

Эмили закусила губу.

— У тебя будет хорошее местечко в головном доме. Ты будешь жить в одной комнате с хорошей девочкой. Игрушки. Одежда. Все что нужно. Если кто-нибудь попытается к тебе придраться, скажи им, что ты принадлежишь Лукасу. Все меня боятся. Тебе никто вреда не причинит.

— Нет, — сказала Эмили.

Лукас перестал есть. Карина напряглась.

— Ты мне говоришь «нет»? — спросил Лукас. Его голос был совершенно спокойным.

Эмили подняла подбородок и с полнейшим пренебрежением, какого смог набраться шестилетний ребенок, сказала:

— Я устала, я напугана, и никуда не пойду. Я остаюсь с моей мамой. Ты собираешься кричать на меня?

— Нет, — сказал Лукас, — мне этого не нужно делать.

— Ты не мой папа. Папа покинул нас.

Лукас взглянул на Карину.

— Я вдова, — тихо сказала она.

— Я тебе не отец, но за тебя отвечаю, — сказал Лукас. — Ты будешь меня слушаться беспрекословно.

— Почему? — спросила Эмили.

Лукас наклонился вперед и вытаращил глаза на Эмили:

— Потому что я большой, сильный и страшный. А ты — очень маленькая.

— Ты — плохой.

Эмили выдержала его пристальный взгляд, но Карина могла бы сказать, что это был не переизбыток храбрости. Эмили просто застыла, как смотрящий в глаза волка крольчонок.

— Плохой — этот мир, и я не могу быть всегда хорошим, — сказал Лукас. — Но я буду пытаться, и не буду придираться к тебе без причины.

В попытке оторвать его внимание от Эмили, Карина

положила руку на его предплечье. Это сработало; он посмотрел на нее.

— Пожалуйста, — у нее ушла вся сила воли на то, чтобы удержаться от сильной дрожи в голосе. — Пожалуйста, разреши ей остаться.

— Я хочу остаться, — сказала Эмили. — Я буду хорошей. И буду выполнять все свои домашние обязанности.

— Я подумаю об этом, — сказал Лукас.

Глава 4

Получасом позже с завтраком было покончено. Мужчины поднялись, один за другим ополоснули свои тарелки и, на удивление умело, загрузили посуду и столовое серебро в посудомоечную машину. Карина принялась убирать остатки пищи. Генри вышел, но Даниель остался на кухне и, опираясь о стойку, наблюдал за Кариной. Маяча под дверью, Лукас наблюдал за Даниелем.

— А можно я выйду из дома на прогулку? — спросила Эмили.

Карина остановилась.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

— А почему бы и нет? — вскинул брови Даниель.

— Потому что там снаружи — страшные птицы

— Там страшные птицы? А что это за страшные птицы?

— Безопасные, — сказал Лукас. — Сеть абсолютно ничего не пропускает.

Карина вспомнила, как тело птицы ударилось о невидимое ограждение, и спросила:

— А что будет, если Эмили попадет в эту сеть?

— Ей придется пройти полторы мили вниз по холму, прежде чем добраться до сети, — сказал Лукас.

— Я хочу посмотреть на птиц, — сказала Эмили. — Пожалуйста, а?

Это позволило бы им выбраться из дома на открытое пространство, подальше от этих мужиков. Она смогла бы кругом получше осмотреться. Может быть, увидела бы дорогу или дом, какой-нибудь путь для спасения. Карина вытерла полотенцем руки, повесила его на спинку стула и сказала:

— Хорошо. Но мы останемся возле дома.

— Я пойду с вами, — сказал Лукас.

Все, что ей хотелось, становилось иллюзией пребывания с дочерью наедине. Он бы не позволил ей этого. Карина сжала зубы.

— Вот, правильно, — сказал Даниель. — Прикуси язык. Так будет спокойнее.

Лукас отутюжил его пристальным взглядом. Они мгновение неподвижно постояли, а затем Даниель закатил глаза и с небрежным видом побрел из кухни в прилегающий коридор. Лукас двинулся на выход в противоположном направлении. Карина взяла Эмили за руку и сказала:

— Пошли, малышка.

Коридор прорезал весь дом и проходил прямо к двери. Они

миновали справа комнату библиотеки, под потолок заполненную книгами, слева — большую комнату с телевизором, имеющим гигантский плоский экран, а потом Лукас открыл дверь, и они шагнули на крыльцо к солнечному свету. Двор был весь в траве, небольшие дубочки и кусты располагались по обоим флангам. Вдаль вела тропинка, вниз по холму. Слева огромный дуб раскинул свои ветки — явно не синхронизирующий с остальной частью лесной поросли и, вероятно, посаженный.

Из-за дуба вышла лохматая коричневая собака. По высоте — как датский дог. Она рысью шла вперед на массивных лапах, держа позади хвост трубой. Было что-то странное в ее слегка переваливающейся походке, скорее медвежьей, чем собачьей.

Карина сделала шаг и стала между этой бестией и Эмили.

Животное остановилось. С массивной головы, которая увенчивалась круглыми ушами, на них уставились большие карие глаза.

— Да ты успокойся, он ручной, — произнес сзади Лукас.

Гибрид собаки и медведя внимательно посмотрел на Лукаса и позволил себе ни много ни мало фыркнуть.

— Ему не нравится, когда я вступаю в фазу моего атакующего варианта, — сказал Лукас. — Это делает его чудным на парочку дней. Седрик, не будь засранцем. Дай ребенку тебя почухать.

Еще одно фырканье. Карина не могла по-настоящему винить собаку. Принимая во внимание то, какой имел вид Лукас в «атакующем варианте», было удивительно, что собака вообще оставалась поблизости.

В течение длительного момента времени Седрик предавался размышлениям относительно них, переваливаясь с боку на бок. Эмили вытянула свою руку. Все внутри Карины сжалось в тугой узел.

Седрик подтолкнул руку Эмили при помощи носа, фыркнул опять и столкнулся с выпуклостью внешнего кармана ее «худи».

— Что это там у тебя в кармане? — спросила Карина.

Эмили покопалась в кармане и вытащила наполовину съеденное яблоко.

«Нет. Опять», — подумала Карина и заставила свой голос быть ласковым:

— Эмили, ты ведь знаешь, что тебе не полагается это иметь…

Седрик понюхал яблоко и разинул пасть, выявляя огромные зубы.

— Он не причинит ей вреда, — с абсолютной уверенностью в голосе произнес Лукас.

Эмили протянула яблоко. Очень аккуратно, почти по-джентельменски, он стащил фрукт с руки Эмили, уселся на

задницу и, держа длинными, темными когтями, поднял его к своему рту. Черный нос обнюхал яблоко. Челюсти открылись и закрылись — зверь откусил маленький кусочек от фрукта и принялся жевать с очевидным удовольствием.

— Ему понравилось! — радостно заявила Эмили и спрыгнула со ступенек вниз во двор. — Давай, Седрик, сюда!

— Куда ты собралась? — спросила Карина и следом сделала шаг.

— Просто до дерева.

Дуб был лишь в пятидесяти футах от них. Карина закусила губу. Все инстинкты говорили ей: «Хватай ребенка и не пускай!», но Эмили нужно было почувствовать, что все нормально. Ей нужно играть. Ее дочь не понимала, каким ненадежным было их положение, у нее и мысли не было о том, какими уязвимыми они были, и что Карине приходилось вести себя как ни в чем не бывало.

Эмили посмотрела на нее:

— Можно я пойду?

— Да. Можно. Иди.

Эмили направилась к дереву. Седрик поспешно, чуть не подавившись, закончил с яблоком, перекатился на лапы и последовал за ней к дереву.

Лукас прислонился к столбу на крыльце рядом с Кариной. Она ожидала, что на дневном свете Лукас каким-то образом уменьшится в размере, словно он был своего рода злым творением ночи, чья сила угасала вместе с солнцем, но он остался таким же большим и грозным. И, что ли, солнце сделало еще хуже — она смогла увидеть каждую деталь его сурового лица. А то, как он опирался на перила, каким образом раздувались мышцы на его руках и грудной клетке, каким манером он, инспектируя двор, осматривал свою территорию — все сообщало о нем: «хищник».

Закрыв глаза, Лукас поднял лицо к солнцу и улыбнулся. Улыбка сохранялась только на мгновение, как листик унесенная от дуновения свежего ветерка, но Карина успела увидеть ее. Он был хорош собой, а опасность, которую он излучал, оттачивала эту красоту до смертельного острия. Он был красивым на тот же смертоносный манер, каким был красив тигр, и теперь она была заперта в клетке с ним.

Если бы он был на ее стороне, то никто и никогда не побеспокоил бы их.

Возле дерева Эмили подняла веточку и бросила ее. Седрик посмотрел на ветку и слегка озадаченно оглянулся на Эмили.

— Что он такое? — спросила Карина.

— Медведесобака. Мы поиграли с их генетикой несколько поколений тому назад. Он ласковый с детьми, как колли, и он значительно умнее, чем заурядная собака. А в чем проблема с тем, что у нее было яблоко?

Карина уселась на ступеньках лестницы.

— Она запасается пищей.

— Почему?

Ей не хотелось говорить ему. Чем меньше он знал о них, тем меньше информации мог бы использовать против нее.

— Это дает ей ощущение безопасности.

Эмили захлопала в ладоши возле дерева и что-то принялась объяснять Седрику. Он, слушая ее, сел опять на свой зад.

— Она была удочерена? — тихо спросил Лукас.

— Нет.

Карина не ожидала от Лукаса осведомленности о том, что у приемных детей иногда проявляется припрятывание еды про запас. Теперь ей нужно было ему объяснять больше для того, чтобы только лишь у него не сложилось неправильное мнение.

— Это произошло после смерти ее отца. И это не нарушение, связанное с поглощением пищи. Она не хочет добавки; она просто пытается контролировать окружающую ее среду. Мы справились с этим, но из-за всего случившегося, должно быть, у нее произошел рецидив. И, пожалуйста, не надо бранить и кричать на нее за это. А то…

— А то будет хуже, — закончил он за нее. — Я понимаю.

— Разрешите ей быть со мной, — с неожиданным отчаянием сказала Карина. — Разрешите ей здесь быть со мной. Я думала, что потеряла ее на той пожарной лестнице. У вас имеется все другое — моя свобода, мое тело, все… А я хочу только одного. Всего лишь позвольте оставить моего ребенка.

Лукас нахмурился. Теперь он не казался злым.

— Я это делаю не для того, чтобы быть задницей.

— Я ее никуда не отпущу…

Седрик зарычал на кусты, обнажая свои зубы, и кинулся в чащу.

Карина вскочила на ноги. Но прежде, чем ее колени успели выпрямиться, Лукас перепрыгнул перила и уже бежал к дереву.

Эмили отпрянула и с удивлением разинула рот в форме выразительного «О».

Карина бежала, но она передвигалась как медленная агония.

Лукас долетел до Эмили, оттолкнул в сторону ее спину и бросился с треском в подлесок.

Карина кинулась вперед. Ее рука, прикрывая, заключилась на плече Эмили. Она схватила дочь и попятилась, придерживая

другой рукой карман, под джинсовой тканью которого ощущалась твердая рукоятка ножа.

Лукас выдернул что-то из кустарника. Длинное и зеленое с коричневым оттенком, оно судорожно изгибалось и колотилось в его руке, цепляясь за землю удлиненным хвостом оливкового цвета. Лукас издал глубокий рев, который почти заставил Карину подпрыгнуть, и прорычал:

— Генри!

Оно дергалось, схваченное за горло рукой Лукаса. Он повернулся, и Карина рассмотрела: оно имело сходство с драконовой ящерицей, у которой была причудливо большая борода и дюймовые шипы на щеках и по бокам. Когда тварь скручивалась, вдоль ее спины с хрустом раскрывался гребень, шипы которого оттопыривались подобно острым как бритва плавникам некоторых глубоководных рыб. Ящерная тварь царапалась в руке Лукаса при помощи длинных когтей черного цвета. Из царапин хлыстала кровь.

— Монстр! — запищала Эмили.

— Нет, просто большая ящерица, — сказала Карина, сохраняя смертельный зажим на Эмили.

Сзади выломалась дверь, и на крыльцо выскочил, как заряженный, Даниель. Его лицо исказилось. Что-то, как внезапный сквозняк, прошмыгнуло мимо Карины. Скотыняка подернулась и неподвижно повисла, безвольно свесив ножки.

Лукас принес ящерицу на крыльцо и крикнул:

— Генри!

На крыльцо ворвался Генри.

Лукас отпустил ящерицу, которая ляпнулась об обшивку крыльца. Тварь моргнула, но лежала в абсолютной неподвижности. Генри опустился на колени возле ящерицы. Его руки прикоснулись к задней части черепа твари. Для фокусировки он закрыл глаза на продолжительный момент времени, а затем глянул вверх:

— Сознание инертное. Передачи нет.

Лукас посмотрел на него:

— Ты уверен?

Генри поправил очки на носу:

— Да. Если бы оно передавало, тогда бы присутствовали пики невральной активности.

Лукас поднял свой кулак и опустил его как молот. У Карины едва хватило времени на то, чтобы принять меры предосторожности и повернуть Эмили кругом, прежде чем его кулак, как пустую консервную банку, раздавил череп ящерицы, сделав его плоским.

— Даниель, позвони в головной дом, — сказал Лукас и повернулся к ней: — Забирай Эмили. Идите в нашу комнату. И не выходите, пока я не приду к вам.

Карина не спросила, что тут происходит. Она просто подняла Эмили и побежала в дом, не останавливаясь внутри, пока за нею не закрылась дверь комнаты Лукаса.

* * *

День догорал до полудня. Эмили исследовала комнату, затем пожаловалась, хныкая, что ей скучно, и заснула, в конце концов, на раскидном кресле в углу. Сначала Карина прислушивалась к каждому шуму и скрипу за дверью. Ее нервы были натянуты так, что она вряд ли могла спокойно сидеть.

Если бы существо из кустов просто было обыкновенной ящерицей, то немедленно было бы убито Лукасом. В этом Карина не сомневалась. Нет, это животное создало ЧП. Она была без понятия, почему все намного ухудшилось, да еще как-то так. В конечном счете, собственное беспокойство истощило Карину, и она погрузилась в легкий сон, своего рода полусонную дремоту, при котором каждый где-то блуждающий шум заставлял ее поднять голову.

В комнате было так тихо. Карина закрыла глаза на мгновение, открыла их, и уже там был Лукас, идущий через комнату. Она не слышала, как открылась дверь.

Лукас зачерпнул из кресла Эмили. Карина вскочила на ноги.

— Куда ты ее забираешь?

— В другую комнату, — тихо сказал он и вышел.

Карина последовала за ним по коридору в небольшую спальню. Кровать с красным стеганым одеялом стояла у стены, рядом с книжным шкафом, заполненным детскими книжками. Вместе со столом предлагался маленький компьютер с плоскоэкранным монитором.

Он приготовил ей комнату. Он передумал.

Лукас уложил Эмили в кровать и отступил. Карина завернула Эмили по плечи в одеяло. Она была такой крохотной в постели. В голове Карины воспроизвелась сцена, когда Лукас сжимал горло ящерицы. Один зажим — Эмили была бы мертва.

Теперь он ждал ее в коридоре. Карина заставила себя отойти от кровати и выйти. Лукас закрыл дверь, запер ее на замок и вручил Карине ключ.

— Это для ее же безопасности. В нашей комнате нет замка. Даниель ссыт на счет сегодняшнего вечера, а я впадаю в угрюмость, что заставляет дом быть опасным местом, так что лучше всего будет, если она останется в этой комнате. И это только на сегодняшний вечер. Завтра она будет отправлена в головной дом.

Но комната… Это была детская комната, сделанная для маленькой девочки. Наволочки, одеяло с пододеяльником выглядели совершенно новыми, а на ковер все еще был наклеен ценник

Выходит, он не передумал. С этого момента, и до самого утра, Карине было необходимо убеждать его разрешить ей оставить дочь. Она открыла рот и произнесла единственное, что смогла придумать:

— Ты голодный?

Лукас закивал:

— Я мог бы и поесть.

— Какие-нибудь предпочтения?

— Мясо было бы самое оно.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Лукас?

Он глянул на нее через плечо:

— Что?

— Что происходит? — вкрадчиво спросила у него Карина. — Что это была за штука?

Лукас сделал гримасу:

— Долго объяснять.

— Пожалуйста. Я хочу знать.

Что бы он ей не рассказал, это все же лучше было, чем неосведомленность.

Лукас вздохнул.

— У женщины, которая отравила тебя, имеются друзья. Поскольку ее люди разыскивают нашу базу, они рассылают разведчиков. Ящерица была одним из них. В основном, это ходячая камера, записывающая все, что видит, и короткими порциями передающая информацию своим владельцам. К счастью, мы поймали ее прежде, чем какая-нибудь передача вышла.

— А если бы она послала эту передачу?

— Нам бы пришлось эвакуироваться, — сказал Лукас. — Мы все еще можем. А утром узнаем больше.

Карина обхватила себя за плечи:

— Лукас, где мы?

Он посмотрел ей прямо в глаза:

— Мы на базе.

— Где находится эта база? Я видела тех птиц. В Северной Америке подобных птиц нет.

Задержав дыхание, Лукас долго изучал лицо Карины.

— Тебе нужна правда?

— Да.

Его лицо скривилось:

— Сама напросилась. Во время вращения планеты флуктуационные отклонения между силами гравитации и ядерными реакциями на сублептронном и субкварковом уровне приводят к волновому эффекту реальности, в которой время и пространство являются не постоянными, а динамичными.

Отдельные пространственно-временные части становятся несовместимыми с текущей реальностью и отбрасываются. По сути, Земля непрерывно теряет отламывающиеся куски самой себя. Они задерживаются на некоторое время и рассеиваются, некоторые медленнее, некоторые быстрее. Мы находимся в одном из таких ломтиков — мы называем их фрагментами. Он был потерян когда-то во времена позднего плиоцена, для современного Техаса — примерно два с половиной миллиона лет назад. Это стабильный карман и не должен начать рассеиваться еще несколько парочек тысячелетий. А ты можешь сделать отбивные?

— Что? — уставилась на него Карина, уверенная в том, что ей послышалось.

— Я спросил, не могла ли ты приготовить отбивные стейки? Я только что осознал, мне бы реально понравилось что-то такое.

— Да… Могу. Ты ведь не шутишь?

— О бифштексе?

— О фрагментах.

Лукас покачал головой.

Это было просто безумием.

— Выходит, что мы в альтернативной реальности? Как в параллельном измерении? Как в «Звездном пути»?

— Нет. Зеркальное измерение является вполне самостоятельной реальностью. Мы находимся в имеющем измерение фрагменте. — Лукас оперся спиной о стену. — Ну, хорошо. Представь себе лук. Внутренние слои — белого цвета, внешний слой — коричневого. Допустим, внешний слой гниет. Лук производит заменяющий слой, идентичный этому внешнему, и сбрасывает сгнивший слой по частям и кусочкам. Некоторые из них — большие, некоторые — крохотные. Мы находимся в части этого гнилого слоя.

Она уставилась на него. Если он не врал, то они были где

угодно, но не поблизости Оклахомы. Они даже не были на той самой планете. Побег был невозможным.

— Не думай об этом слишком много, — сказал Лукас. — А то субквантовая механика сведет тебя с ума.

— Мы можем вернуться? На нормальную Землю?

— Это зависит от того, насколько близок слой к своей реальности. Мотель, где вы были атакованы, находился в слое, который едва начал отделяться, поэтому мы смогли легко пересечь его и выйти оттуда. Но этот карман гораздо дальше для тебя и меня отшелушился, для того чтобы нам самостоятельно выйти. Нам нужен кто-то, чтобы прорезать его. Чтобы открыть шлюз.

Лукас оттолкнулся от стены.

— Но мы *можем* вернуться?

Несомненно, им иногда приходилось возвращаться. На их одежде имелись бирки. На обороте их тарелок стояла штамповка «Корелле». Микроволновки и холодильники не произрастают на доисторических деревьях. А это все подразумевает, что люди Дарьона должны были сновать, как по капризу — взад и вперед, с нормальной Земли сюда и обратно.

Лукас наклонился к ней. Его поглощающий взгляд зафиксировался на ней. Внезапно он стал занимать слишком много пространства. Карина отступила назад и впилась позвоночником в стену.

Улыбка медленно искривила губы Лукаса:

— Да. Ты можешь вернуться. Но только вот без меня — никак не получится. Никогда. И даже если попытаешься, я найду тебя и верну назад, — его улыбка сделалась шире: — И тогда всем нашим устным договоренностям — конец.

Он смотрел на нее с нескрываемым сексуальным голодом, и так интенсивно, что на секунду она даже усомнилась в его искренности. Она застыла в ужасе. И тогда на это среагировала небольшая ее часть. На секунду Карине стало интересно знать, а что будет, если пересечь дистанцию между ними, засмеяться прямо в эти вытаращенные глаза и уйти, как идиота оставив его стоять здесь. Но, пока он контролировал Эмили, она ничего не могла сделать.

Он наклонился вперед на четверть дюйма, как хищный кот, который вот-вот нападет.

В своем воображении Карина, спасаясь бегством, залпом побежала по коридору, с колотящимся слишком быстро и слишком громко сердцем. Но было неправильно выбирать демонстрацию слабости. Лукас уже предупреждал ее о том, что он хищник. Если бы она побежала, тогда он бы погнался.

Она подняла голову и сказала ему в глаза:

— Если я и вернусь без тебя, пожалуйста, не ищи меня.

Не отводя с Карины изучающего как у собаки взгляда, он повел головой в сторону:

— Или?

— Или я тебя убью.

Он рассмеялся, роскошным низким голосом, посылающим тревожную дрожь по позвоночнику:

— Как?

— Что-нибудь придумаю.

Она повернула к нему спину и заставила себя медленно пойти на кухню.

* * *

Склонив голову Лукас, наблюдал за отступлением Карины по коридору. То самое выражение ее глаз, тот угол наклона ее лица, то каким образом она стояла — все выказывало полное пренебрежение. Она испытывала его. Она понятия не имела, какой возбуждающей это ее делало. Ему захотелось приколоть ее к стене, пока она не признает, что он достаточно сильный и достаточно мощный для нее. Ему захотелось вкусить ее поцелуем и, овладевая, истолочь на мелкие кусочки. «Иные стандарты», — напомнил он себе. Для него это было бы флиртом. А для нее это было бы прелюдией к изнасилованию.

Лукас взглянул на потолок. Он точно знал, откуда этот неистовый импульс исходил. Это было эволюционное эхо, то самое эхо, которое говорило ему убить каждого второго мужчину в доме, а затем охотиться за ней, пока она не сдастся. Он сделал свой выбор — отклонять это ежедневно. Но легче от этого, как ни странно, не стало.

Легкие шаги Генри приблизились к нему.

— Весьма вероятно, что прибегнуть к физической агрессии — это не самый лучший путь, — пробормотал Генри.

Временами, Лукас мог бы поклясться, что этот человек может читать мысли, хотя каждый когда-либо встреченный им «ломщик сознания», тем не менее, утверждал, что такое невозможно.

— Копаешься у меня в голове?

— Конечно же, — улыбнулся ему Генри, — нет. Твои кулаки сжаты, и все само у тебя на лице написано.

Настолько он был показательным.

— Она начинает задавать вопросы.

— Что-то немного быстрее, чем я ожидал, — нахмурился Генри. — Я стер у нее почти двенадцать часов лютой боли. Обычно, стирание в такой мере оставляет людей инертными на более длительное время. До тебя доходит то, что я пытаюсь объяснить?

Лукас кивнул:

— Не впервой.

Он уже несколько раз помогал переносить людей. Человеческое сознание не могло так много воспринять. Если он загрузит Карину противоречивой информацией, тогда под давлением от столкновения с ее видением реальности, в сочетании с физической травмой, она моментально сломается. Ее тело уже находилось на пределах своих возможностей, борясь с отравлением, справляясь с его ядом, и с его последствиями, которые вскоре будут проявляться.

Лукас пустился по коридору. Ему просто был необходим душ, и некоторое время вдали от всех, чтобы успокоить мчащееся по венам возбуждение.

— Лукас? — позвал Генри.

Лукас обернулся.

Его кузен долго смотрел на него и сказал:

— Будь добрым.

* * *

Через час Карина накрыла ужин на стол. Столкновение в коридоре опять и опять проигрывалось в ее голове, и она не могла решить — схалтурила ли она, или же хорошо разрулила ситуацию. Эмили все еще спала. Генри сказал, что усталость — это нормально, но Карина все равно волновалась.

— Отбивная, — скользнул на свой стул Генри. — Говядина. Так вот на ужин что…

Карина заняла свое место. Лукас сел справа от нее. Слишком уж близко. Ей следовало, вместо кухни, подавать ужин в столовой комнате. Стол большего размера дал бы ей побольше пространства.

Лукас переполнялся ею, упиваясь ее беспокойством. Не в состоянии помочь себе, Карина сглотнула. Он просто был слишком большой, и постоянно смотрел на нее. И даже когда ей не было видно его взгляда, она не могла избавиться от давящей

пристальности. Он буквально нависал над нею, испуская угрозу, и она, чисто из самозащиты, съежилась от него.

Губы Лукаса растянулись, и он показал Карине свои зубы, большие и острые:

— Я страшный?

Она встретилась с его вытаращенными глазами.

— Да, — сказала она. — Но ты же знаешь об этом. А заставлять меня это признать является жестоким с твоей стороны. Бобы или кукурузная каша?

Он потянул спину. Его глаза расширились, и на мгновение бремя его присутствия ослабло.

— Каша.

Она передала ему блюдо с кукурузной кашей.

В помещение, как на прогулку, зашел Даниель. В то время как Генри перелетал с места на место, а Лукас важно шествовал своими бесшумными шагами, полными свирепой грации, Даниель шагал так, как будто его ноги делали земле огромное одолжение. Он не шел, а плыл, осведомляя опустошительной красотой о своем совершенстве.

Даниель занял место прямо напротив Карины. Он наколол бифштекс и уронил его себе на тарелку.

— Ты собираешься каждый день делать это? Готовить ужин, быть ужином?

— Да, — сказала Карина со спокойствием, которого и в помине у нее не было.

— Почему? Ты абсолютно бесхребетная? Или ты думаешь, подлизывание тебе что-то даст? Посмотри на него, — Даниель указал на Лукаса, — ему пополам.

— Я делаю это не для него.

— Тогда зачем?

— Ну, вот еще, — закатил глаза Генри.

Даниель оттолкнулся от стола и, балансируя на задних ножках стула, скрестил руки на груди:

— Нет, я хочу, чтобы она просветила меня. Насколько глубоко засел стокгольмский синдром. А?

Карина опустила вилку. Инстинкт подсказал ей, что бы она дальше ни говорила, все это с точностью определит ее место в этом доме. Мысль о какой-нибудь лестной отговорке пересекла ее сознание и умерла. Она задалась мыслью, что может ей вообще ничего не говорить. В конце концов, она решилась на честность.

— Я понимаю, что в любой момент могу умереть. Кузен Лукаса умер на последнем рождественском ужине. Все, что мне известно, Лукас может завтра умереть, убитый вашими врагами или членами вашей семьи. Без него я ничего не стою. Моя дочь

здесь из-за меня. Если я не буду больше нужна, то полагаю, что и она — тоже. Я достаточно увидела, чтобы осознать — ваша семейка не позволит нам жить. Вы избавитесь от нас, словно мы никогда не существовали. Мне необходимо найти некий способ, чтобы меня ценили и без Лукаса. Тогда, если он умрет, как я смогу выжить, так и моя дочь выживет.

— И ты сделаешь это, став нашей домохозяйкой? — ухмыльнулся Даниель. — Готовка, и уборка после нас? Скажи мне, как низко ты опустишься? Если я для тебя оставлю в ванне какое-нибудь дерьмо, ты его тоже уберешь?

— Нет, — сказала Карина. — Свое дерьмо будете сами убирать. Если исключить, что ты прямо сейчас сидишь в его куче, то должен знать, как прицеливаться в туалете и подтирать собственную жопу.

Потешность в глазах Даниеля кристаллизировалась в гнев:

— Если ты хочешь снискать расположение к себе, имеется способ намного легче это сделать. Ты можешь прямо сейчас пройти сюда и отсосать мой член. И чем просто отдраивать раковину, этим ты сможешь намного быстрее снискать от меня самую полезную милость.

Карина глянула на Лукаса. Он откромсал кусок стейка и, продолжая жевать с нескрываемым удовольствием, бросил на нее быстрый взгляд, говорящий: «*Тугой*».

— Даниель, она не глупая, — сказал Генри и подцепил другую пампушку из корзинки для хлеба. — Они восхитительны. Она знает, что прислуживание тебе могло бы вынудить тебя и Лукаса схватить друг друга за горло. Ты играешь в эту игру ради личного удовлетворения, но от нее зависит выживание Лукаса. Ей пришлось бы быть умственно отсталой, для того чтобы вместо него предпочесть тебя.

Даниель переметнулся на Лукаса:

— Так что его светлость обо всем этом думает? Ваша закуска уже похоронила вас. Вам это льстит?

Лукас врезался зубами в третий на его счету бифштекс.

— Что бы вы сделали на ее месте? Полы помыли бы вы шваброй? О всемогущий?

Лукас призадумался и ответил на это:

— На ее месте я бы уже убил вас двоих. Но, я не на ее месте. И я — не она. Я ни меньше всех, кто окружает меня, ни слабее, и без детской жизни на руках. В данной ситуации она вполне благоразумна.

Даниель усмехнулся:

— Никогда и не думал, что ты настолько будешь сговорчивым относительно идеи о собственной смерти.

— Так или иначе, мы все должны прийти к согласию с нею, — сказал Лукас.

— Возможно, я помог бы тебе на твоем пути, тогда, когда вы все будете готовы. А то, кажись, стыдно терять такую возможность.

— Думаешь, что сможешь? — с неподдельным интересом спросил Лукас.

— Осторожней, Даниель, — сказал Генри. — Такого рода разговоры для тебя закончатся испорченной прической или поломанным ногтем.

Даниель проигнорировал сказанное и сверкнул глазами на Лукаса:

— Только дай повод.

Лукас опустил вилку, улыбнулся и оттолкнул в сторону, как невесомый, стол. Карина еле увернулась с пути. Огромная рука Лукаса зажала горло Даниеля. А Даниель вцепился в предплечье Лукаса. Более большой мужчина рванул другого с ног, встряхнул его так, как собака трясет крысой, и кинул на хлопнувший стол. Блюда разлетелись, улавливаясь где-то в углу между стойкой и плитой. Карина вскинула руки перед лицом. Керамическое блюдо разбилось рядом с ней, вызвав над стойкой процесс пульверизации из зеленых бобов.

— Нет! — закричал Генри. — Только не внутри!

Красные отметины прорезали предплечья Лукаса. А кожа вздулась так, словно его кости попытались освободиться.

— Да! — зарычал он. — Сделай мне еще больней. И это все, на что ты способен? — Он подтянул вверх Даниеля рукой, продолжающей удерживать блокаду на его горле, и снова сокрушительно опустил на стол: — Тебе еще нужно? — лицо Даниеля стало алого цвета. Лукас рванул его вверх: — Еще не сдох? — и направил Даниеля спиною вниз.

С громогласным хрустом разломался надвое стол. Обе его половины полетели в разные стороны, и Даниель грохнулся на пол, под нависающего сверху и все еще сдавливающего ему гортань Лукаса. Ноги Даниеля забарабанили по земле. На лице вздулись вены, и кожа стала приобретать малиновый оттенок. Его зрачки закатились внутрь черепа.

— Ну вот, приехали, — вздохнул Генри, — Таким образом, мы потеряли все хорошие блюда. — Он указал Карине на хлебницу: — Ну, хоть я эту пампушку спас. И не волнуйтесь, я сохраню сон Эмили.

Лукас выпустил Даниеля. Блондин лежал неподвижно. Лукас, с неистово пылающими глазами, переступил через него. Его пристальный взгляд замкнулся на Карине:

— Пора спать, — прорычал Лукас и сделал к ней выпад.

Безудержная сила смела Карину с ног, и она обнаружила себя переброшенной через плечо Лукаса.

— Дай я пойду! — крикнула она в борьбе с тягой к свободе.

Лукас, указывая покачиванием ею на все кругом, кинул в лицо Генри:

— Оставь весь беспорядок для него, когда он очнется.

— Будет сделано, — отсалютовал ему пампушкой Генри.

Лукас направился из кухни. Карина попыталась схватиться за раму дверного проема, но ее пальцы соскользнули, и она была пронесена через темноту коридора в спальню.

Глава 5

Комнату аж закачало от того, как Лукас захлопнул дверь. Карина ожидала, что он швырнет ее на кровать, но он опустил ее на пол. Она споткнулась от головокружения, вызванного тем, что ею крутили взад и вперед, и покарабкалась, чтобы убраться подальше. Стальные пальцы схватили ее руку. Он держался за нее и принюхивался к рукаву ее потной «рубахи».

— Зеленые бобы. Хочешь в душ?

Он спрашивал со спокойным тоном. Она глянула ему в лицо. Из него ушла всякая ярость. Он выглядел измученным, его неистовство умолкло до незначительно тлеющих угольков.

— Да, — заколебалась она. — У меня совсем нет чистой одежды.

— Это проблема, — согласился он. — Извини за ужин.

— Та ладно.

Его внезапное спокойствие выбило ее из равновесия. Она стояла неподвижно, ожидая, что он размахнется на нее или заревет ей в лицо.

Лукас подошел к комоду и вытащил белую тенниску:

— Это самое лучшее, что я пока могу сделать. А утром уже будет что-то направленное мне из головного дома.

Она взяла тенниску. Он не предложил ей какого-нибудь нижнего белья. Она будет под нею голой.

— Пошли, — Лукас стянул с себя рубашку и бросил ее на пол. Вырезанный из мышц узор разошелся пучками по спине. Обнаженный, одетый — он мог ее в любом случае изнасиловать. Одежда не обеспечила бы большую защиту. Он приостановился, держа руку на двери в ванную комнату: — Ты идешь?

«Нет, если конечно мне это поможет», — подумала Карина и ответила:

— Я подожду, пока ты закончишь.

— Я буду здесь несколько часов, — сказал он. — Душевая кабинка все закроет. Ты можешь раздеться, и я ничего не увижу.

Несколько часов… Зачем ему быть в ванне несколько часов?

— Я думала, что тебе нужно подпитаться.

— Нужно, но подпитываться пока не буду.

Она последовала за ним, хотя и знала, что лучше не надо, стремясь получить какую-нибудь кроху информации.

— А как долго будет это «пока»?

— Парочку недель. Может, дольше. В зависимости от того, как быстро ты справишься с вырабатываемым мной ядом.

— Почему?

— Потому что слишком большое количество моего токсина сразу же тебя убьет.

Она вспомнила его объяснение из прошлой ночи.

— Ты говорил, что твой яд делает тебе больно. Он и сейчас причиняет тебе боль?

Он кивнул.

— Всегда?

Лукас посмотрел на нее:

— Всегда. А еще хуже — после получения мною травмы, и гораздо хуже — после того, как я выхожу из фазы атакующего варианта. Иногда, после выхода из фазы, у меня даже бывают приступы.

Если ему всегда было больно, тогда ему пришлось бы все время подпитываться…

— Как часто ты…

Он пожал плечами и, как будто читая ее мысли, перебил:

— Для поддержания оптимального соотношения между моим ядом и твоими гормонами, которое бы достигалось у меня в крови, мне будет нужно подпитываться раз в три недели. Я не буду пить больше, чем в прошлый раз. Пошли. Тебе нужен душ, а мне нужно присесть.

Он отступил, пропуская ее. В течение всего дня Карина пользовалась ванной комнатой в коридоре рядом с кухней. Она предположила, что и эта могла быть такой же.

Ее поприветствовала комната, почти такая же большая, как и сама спальня. Темно-зеленое джакузи было герметично погружено в деревянный пол. По ту сторону от него растянулась по всей длине стены душевая кабинка. Ее корпус соответствовал джакузи, но кабинка состояла из широких, то ли стеклянных, то ли пластиковых, темно-зеленых панелей, толстых и с покрытием в виде ледяных узоров изнутри. Лукас не соврал — он, конечно, мог бы разглядеть ее тень, но об этом еще надо было позаботиться. Справа, рядом с большой раковиной, была другая кабинка, в которой, по предположению Карины, скрывался туалет.

Лукас щелкнул переключателем на стене, и в джакузи струями из форсунок начала взбиваться пена.

Душ прямо-таки позвал Карину. Было бы безумием продолжать и раздеваться, пока он принимал ванну, но она вся просто была облечена в пищу, а его запах с предыдущей ночи все еще продолжал пятнать ее кожу.

Карина закусила губу и проскользнула мимо Лукаса в душ. Закрыла дверь и увидела на ней задвижку. Облегчение наводнило Карину. Она могла запереться и на несколько минут

притвориться, что находится в безопасности. Она задвинула до упора задвижку с почти раздавшимся звуком плача.

Душевая кабинка была разделена на раздевалку и на зону собственно душа, отделяемые занавесом. Карина порылась в кармане своих джинсов и выудила оттуда нож. Лезвие казалось таким маленьким по сравнению с Лукасом. Если бы она воткнула его ему в спину, то он мог этого даже и не заметить. Она поместила его рядом с мылом на небольшой металлической полке, и стянула с себя одежду, уронив ее измятой кучей на скамейку. Строй из бутылок шампуня и мыла ожидал ее выбора. Она взяла шампунь с рисунком зеленого яблока сбоку, подобрала себе методом тыка кусок мыла и шагнула под душ. Душевые сопла окружили ее с трех сторон. Она повернула большое колесико водопроводного крана, и свыше на нее пролилась широкая простыня воды в виде теплого, успокаивающего водопада. Она капнула шампунем и намылилась. Вся вода вокруг принялась орошать ее каскадами брызг, смывая запах паяльной меди. Она шагнула в самый ливень, закрыла глаза и закачалась.

* * *

Лукас скользнул в горячую воду. Ему нравилось, когда почти шпарило. Не было в полной мере горячо, но все шло к тому. Потоки поколачивали его тело. Он отключил ближайшие две гидромассажные струи. Острые когти боли, которая скребла его ребра, стали поменьше, и боль перешла в ломоту, как при заживлении. Его правая рука все еще пульсировала. Даниель становился все сильнее.

Однажды, один из них может стать неосторожным, и они могут покончить друг с другом. Лукас закрыл глаза и погрузился под воду. Имелись и похуже способы уйти, чем быть убитым собственным братом.

Ушла и ярость, которая правила им в последние дни, перегорев на адреналиновом пике насилия.

Он приподнялся за воздухом и примостил голову на уступе, расположенном в глубине бортика, единственном месте, где он мог сидеть по шею в воде.

Так устал…

Исцеление истощало его внутренние ресурсы, и он почувствовал себя похудевшим и слабым, словно все его мышцы были свисающей с костей изношенной рубашкой. Отсюда он мог

видеть дверь и душевую кабинку. Она была там. Голая. Мокрая. Синтетический фруктовый запах его дразнил — она мыла волосы. Он вообразил ее тело под водой, ее руки, скользящие по груди и вниз…

Глухой звук от падения чего-то тупого заставил его поднять голову. В душе, продавливаясь по стеклу, сползала темная тень.

Наконец-то, ее сразило. Целый день он ждал этого.

Лукас вылез из джакузи. Дверца в душевую кабинку была заблокирована. Он ударил ладонью, и замок позволил ей расхлопнуться. Карина лежала в углу душевой, свернувшись калачиком, как мокрый комочек. Ее ноги дрожали. Ее кожа приобрела бледный, почти серый оттенок. Он зачерпнул Карину с пола.

— Н-нет, — заикнулась она.

Ее губы посинели. Плохой знак.

Лукас преклонился. Карина чем-то полоснула. Он уловил блеск металла и отдернулся, позволяя лезвию ножа пройти мимо него. Откуда у нее вообще он взялся? Ах да. Кухня. Он вырвал нож из ее пальцев и поднял ее с пола.

— Нет, — повторила она, толкая его грудь.

— Ш-ш, — произнес он ей. — Я не собираюсь делать тебе больно.

И вынес. По сравнению с ним ее мокрая кожа была ледяной.

Она с ним боролась, даже когда он влезал в ванну и опускал ее на бортик, погружая в горячую воду до подбородка.

— Отпусти… меня.

Боясь дальше еще больше разволновать Карину, он дистанцировался от нее на полную ширину ванны, давая ей пространство. Нет необходимости напрягать ее. Если она отключится, тогда шансы на ее выживание упадут до плинтуса.

Ушло целых три минуты на то, чтобы перестали стучать ее зубы. Она посмотрела на него и сказала:

— Все болит.

— Твое тело реагирует на мой яд, — сказал он. — Горячая вода поможет. Она успокаивает мышцы. Это нормально.

Технически, все что он говорил было правдой. Он только не вдавался в остальные подробности. Пока.

Горькая усмешка выскользнула из ее губ:

— Нормально? В этом ничего нормального нет.

Правда. Во всяком случае, не для нее. Для него, ему это было обычное дело.

— Сушит?

— Да.

Он пробрался по дну ванны, дотянулся до стоящего рядом

небольшого холодильничка и извлек оттуда бутылку воды.

Она взяла бутылку, зажала зубами пластиковый колпачок, открутила и принялась залпом пить, осушив около трети за раз. «*Вот так… Пей, Карина*», — прозвучало в голове.

Ему вспомнился первый раз Галатеи. Она точно знала, что должно случиться. Она была воспитана для конкретной цели: поддерживать его. И она возненавидела его за это. Ненависть была бы глубоко персональным словом; в ее ментальном списке он это так высоко не расценивал. Галатея ненавидела семью; ненавидела Артура, потому что он был главным; но Лукаса она просто презирала, испытывая отвращение даже к его прикосновению. Чем старше становился, тем более он осознавал, что для нее секс с ним был способом мести. В подпитках он доминировал над нею, и у нее не было другого выбора, как только подчиниться. В постели, на несколько мимолетных мгновений, Галатея доминировала над ним. В тот первый раз, когда она плакала и кричала, так как ее тело боролось с первоначальной дозой его яда, он попытался ее поддержать. Она была такой хорошенькой, такой хрупкой… Он не хотел ее ломать. Она учуяла в нем эту маленькую искорку сострадания, схватилась за нее и крутила ею, опять и опять используя против него. Пока он, в конце концов, больше уже не мог всего этого вынести. Жизнь с Галатеей означала бой в нескончаемой войне, а жизнь с Кариной очень уж отдаленно походила на спарринг с честным борцом. Галатея бросала ему вызов, но никогда бы не воткнула ему нож в спину. Она попыталась бы его в открытую зарезать.

Лукас погрузился в воду и закрыл глаза. Размышления о Галатее оставили в его голове грязный привкус. Его ребра болели опять. Словно тяжелое одеяло, пришла сонливость, угрожая задушить его сознание.

Голос Карины отдернул его до того, как он отключился.

— Почему ты со мной хорошо обращаешься?

— Хорошо — это не из моего лексикона. Я просто устал.

— У тебя ушиб ребер.

— Даниель.

— Я не видела как он тебя бил.

— Ему и не надо. Я — «демон», а он — «акустик». Он может имитировать голоса и вырывать кости из моего тела при помощи фокусированной звуковой волны, — он поднял руки, встал и показал ей длинные воспаленные полосы, идущие по контуру ребер. — Если бы он реально поднажал, ты бы увидела прокалывающие кожу кусочки костей.

В ужасающей тишине она уставилась на него. Он погрузился вниз и закрыл глаза.

— Почему вы таким образом деретесь? — спросила она.

— Единственной причины нет. Иногда ему не нравится что-то мною сделанное. Иногда я это делаю, потому что он меня раздражает.

— А что насчет сегодня?

Лукас вздохнул. Она не даст ему покоя.

— Сегодня мы подрались, потому что Даниель поспорил с Артуром. Даниель хочет эвакуироваться. Артур не хочет. Даниель настаивал на своем, и Артуром была ушиблена его гордость. Я принял сторону Артура. Эвакуация базы — слишком дорогое удовольствие. Один разведчик — еще не достаточная причина, чтобы это делать. Однако, плохой знак: мы уже видели разведчиков раньше на соседних фрагментах, но впервые — так близко. Но мы не можем так просто взять и убежать при первом же намеке на проблему.

Она нахмурилась:

— Так получается, выкручивать твои кости из разъемов — способ демонстрации неудовольствия из-за того, что им помыкают?

— Почти. Даниель хочет, чтобы к нему серьезно относились. Так что я поступил с ним как с серьезной угрозой и пошел на обострение ситуации. Я был заменителем борьбы. А то, что ему действительно хотелось — выстрелить в Артура, я не могу ему позволить сделать, потому что Артур его убьет, — на этом Лукас уже подумывал остановиться, но что-то заставило его объяснить: — Все так сложно. Мы живем по различным правилам. В твоей другой жизни люди придерживаются строгих общественных условностей, которые эволюционировали сотнями лет. Они вырастают в относительной безопасности и под постоянным контролем. Родители, школа, ровесники — все взаимоотношения прекрасно мотивируют их поведение, пока они…

— В безопасности? — предположила она.

— Социализированы. Но мы с Даниелем жили как изгнанники, с единственной корректирующей наше поведение крайностью — мы никогда никого не убивали, пока неотложность не вынуждала нас. Наши взаимоотношения проще ваших, ниже по уровню и ближе к… — Лукас попытался подобрать правильное слово. А когда до него оно дошло, то ему не понравилось: — Животным. В недалеком прошлом мы оба достигли половой зрелости. У нас сильная необходимость в спаривании и в наличии собственной территории, собственных семей и отдельных жизней. Вместо этого мы прилипли друг к другу, в этом доме, с иллюзией приватности и с избытком агрессии. А теперь ты здесь. В действительности, Даниель не хочет тебя ради собственно тебя

самой. Он хочет тебя, потому что видит во мне соперника, который теперь имеет что-то, чего нет у него. И выходит, что он боится только меня. Он помешан на вражде и обороне, а Артур сегодня заставил его сесть и заткнуться. Даниелю необходимо было на ком-нибудь сорваться, а я — единственный, кто бы смирился с этим.

— Почему? — вкрадчиво спросила она.

— Потому что он — мой брат.

Возникла очень маленькая пауза.

— Но ведь он не «демон», как ты.

— Разные отцы, — пояснил он. — Все мы, в пределах дома Дарьон, несем в себе гены от многих различающихся подвидов. Наша мать была «демоном». Мой отец был нормальным человеком. Отец Даниеля был могущественным «акустиком». Над нами поиграла генетическая лотерея и обоим дала разные призы.

Он опустил изнасилование, тюремное заключение и убийство. Таким образом, подумала Карина, звучало значительно лучше.

— Даниель запасался едой, когда был ребенком?

Она обладала проницательной перцепцией. Ему надо бы об этом помнить, подумал Лукас.

— Да.

— А ты заботился о нем.

— Да, — подтвердил он, добавив про себя: «Потому что больше некому было».

— Так почему он просто не уйдет? — спросила она. — А почему бы тебе ни пожелать счастливо оставаться? По тебе не скажешь, что ты в восторге от здешней жизни.

— Потому что мы должны делать свое дело. Мы защищаем вас от геноцида. Как долго мы существуем — вы остаетесь в живых.

Миссией отвергалось все. Логическая часть Лукаса уверяла его, что жизнь за пределами первоначального мандата существует. Только вот он не мог представить себя ею живущим.

— Не поняла.

Он вздохнул. Это было еще одно долгое и нудное объяснение, а у него не было сегодня энергии для этого. И не хотелось шокировать ее опять. Она и так уже через столько всего прошла.

— Монстры существуют. Они называют себя «ординаторами». Они хотят убивать людей вроде тебя. Нормальных, обычных людей. Мы существуем для того, чтобы сдерживать их от удачи. Вот и все на этот счет.

— Но что они хотят?

— Они хотят, чтобы вы умерли.

— За что они так сильно ненавидят нас?

Он вздохнул.

— Они не питают ненависти к вам. Они просто хотят, чтобы вас не было. Это генетическая чистка, массовое истребление. Текущая ситуация им представляется как ошибка, которую они пытаются исправить. Они чувствуют, что им предопределено занять ваше место. Подвид № 61, «человек нормальный», для них не представляет ценности, кроме как, быть может, случайного источника пищи в стесненном положении.

— Они каннибалы? — ее голос чуть не перешел на визг.

— Только некоторые из них. Я имел в виду пищевые ресурсы для их боевых животных. Ты знаешь, что такое деодон?

— Нет.

— Это противная порода энтелодона, доисторического кабана. Представь себе хищную свинью, длиною в двенадцать футов, высота в холке — семь футов, челюсти как у крокодила. Он ест все подряд, а как только приведешь в беспорядок его генетику, то становится умным и быстро размножается. Ему нужно много мяса.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что она глядела на него. Карина сидела, так глубоко погрузившись, что только ее голова как поплавок держалась над водой. Ее щекам вернулся теплый цвет. Ее волосы, отполированные душем, вихрем кружились в разбалтываемой воде.

«*Ммм… Моя*», — читала она по нему.

Лукас мог бы поближе подобраться, притянуть ее к себе и пустить в ход руки вверх-вниз по ее телу, чтобы прочувствовать тяжелую полноту груди, изгибы ягодиц… Если бы только не было это так утомительно, и если бы не якорем удерживающий его на своем месте тот факт, что она доверилась ему, то он возможно бы так и сделал.

Мысли Лукаса, должно быть, отразились на его лице, потому что Карину потянуло от него, насколько позволяла ванна. Преследующему взгляду требовалось ее лицо, до мельчайших подробностей. «Как дворняга, — подумал он, — дрожащая, перепуганная и готовая укусить». Он обладал ключиком к ней: повернешь в одну сторону — и она сломается, повернешь в другую — давление ослабилось бы. Он уже был таким несколько лет тому назад. Память о том, как пугал каждого, все еще была свежа.

— Ты знаешь, что я не могу тебя остановить. Ну, так каких последствий ты боишься? — спросила Карина.

— Я просто не хочу бороться с тобой прямо сейчас, — сказал Лукас. — Я боролся с Артуром, с Даниелем, с Генри. Я устал.

И он хочет, чтобы она перестала отдергиваться каждый раз, когда он на нее посмотрит. Это заставляло его чувствовать себя монстром, а он уже вдоволь такого напробовался.

— Если ты хочешь мира, тогда позволь Эмили быть со мной.

— Нет.

Она стиснула зубы.

— Может быть позже. В конце дороги.

— Почему не сейчас?

В нем вспыхнуло раздражение:

— Потому что я не могу вас двоих держать под постоянным наблюдением каждый день, каждый миг, а ты воруешь ножи.

— Нож был для защиты. Я другого не возьму. И не буду пытаться тебя поранить…

— Я беспокоюсь не о себе.

Она остолбенела:

— О, мой бог, — ее глаза расширились. — Ты думаешь, что я причинила бы вред собственной дочери?

— Ты была бы не первой, — сказал Лукас, с горечью, что отнюдь нет. — Шок такая сука. Особенно, когда смешан с ядом, который трахает твои гормоны…

— Она — все, что у меня есть.

Карина выглядела так, словно была на грани слез. Он вынужден был перейти на более спокойный тон:

— И вот почему ты могла перерезать дочери горло в ту самую секунду, когда я давал ее тебе. Вы обе находитесь под моей ответственностью. Я говорил, что буду держать вас в безопасности. Я не хочу, чтобы ты навредила ей или себе.

— Нож находился у меня со времени завтрака, — сказала она ему. — Ты послал меня в комнату к Эмили. Я ее не убила. Если бы я попыталась, то ты не смог бы меня остановить…

— Генри мониторил твое сознание. Как только уровень твоего стресса достиг бы пикового значения, он бы отключил тебя.

— Тогда спроси у него, пыталась ли я убить ее или себя. У меня была возможность. Я раздобыла нож, значит, я могла повредить тебя. Не себя.

Лукас поднялся, пересек ванну и пригвоздил Карину к стенке ванны своим телом. Ощущение расположенного напротив него тела пихнуло его прямо к краю. Все ограничения, как поводки, наложенные им на себя, одно за другим с треском лопались. Карина повернулась в сторону, пытаясь прикрыться от него.

— Посмотри на меня.

Карина посмотрела на него. Лукас всмотрелся в ее глаза, в поиске своего рода индикатора здравомыслия.

— Если бы у тебя в руке был заряженный пистолет, ты бы выстрелила в меня?

— Нет. Если я тебя убью, то буду следующей. Даниель или Генри, или Артур, убили бы меня, и у Эмили никого бы не осталось.

Честный и рациональный ответ.

— Ты хочешь умереть?

Он хотел ее. Он хотел раздавить ее в своих руках и увидеть, что она его хочет.

— Нет, — затрясла головой Карина.

— Что ты хочешь? — спросил Лукас, твердо зная, что хотелось ему. Вот она, была прямо здесь, у его груди, в ловушке.

— Я хочу убежать, — сказала она ему. — Я хочу вернуться к своей жизни.

Она была стабильная и в здравом уме. Или же на столько здравомыслящая, на сколько он мог ожидать. Лукас отпустил Карину, и она покарабкалась от него.

— Карина, что ты будешь делать, если я тебе позволю оставить дочь?

Она остановилась. Он прочитал ответ на ее лице: «*Что угодно*». Она будет делать все что угодно. Она позволит *ему* делать все что угодно, и если ему потребуется, то будет симулировать, что ей это нравится.

Это был ответ, который должна была дать мать.

— Чего ты хочешь? — охрипшим голосом спросила она.

Он уловил в ее словах скрытую напряженность, словно она стояла на краю бездны в ожидании, что он подтолкнет ее.

— Ты можешь испечь шоколадный торт?

Возникла крошечная пауза, прежде чем она ответила:

— Да.

— Сделай один. Для Даниеля. Его любимый.

Карина ждала. Когда же он ничего не произнес, то она, наконец, спросила:

— И это все?

— Да.

Лукас ждал облегчения у нее на лице, но она просто сидела там зажавшись. Продолжая выискивать задуманную им хитрость.

— Ты действительно разрешишь мне быть с нею? — он еле услышал ее голос. — Без условий?

— Да.

И он будет большим дураком из-за этого. Ничего хорошего из этого не выйдет, как и из способа их борьбы. Генри будет думать, что он не в своем уме. Но Лукас чувствовал себя усталым. У него не было сил для борьбы в еще одной войне. И ему не хотелось,

чтобы она была несчастной.

— Подготовь список всего необходимого вам обоим, и я отправлю его завтра в головной дом. В прошлый раз я проверил, что одеяла «Хэллоу Китти» продаются в любом супермаркете…

Карина закрыла свое лицо и заплакала.

Он сидел там и смотрел на ее судорожное рыдание, не зная, куда ему деваться. Ощущая себя некомфортно, как будто он вторгался во что-то личное. В нем взошло чувство вины, и он не был уверен, откуда оно могло взяться.

— Перестань, — наконец прорычал Лукас.

— Я не могу.

Ее содрогания постепенно умерли. Она плеснула немного воды себе на лицо и спросила:

— А можно я останусь с нею в ее комнате?

— Нет. Ты будешь оставаться со мной.

— Можно я буду спать на полу?

— Нет. Ты будешь спать в моей кровати, в точности как прошлой ночью.

— Почему?

«Потому что ты моя», — подумал Лукас. И потому что он будет о том знать, если она встанет посреди ночи.

— Потому что я так хочу.

— Я могла бы…

Он закрыл глаза и откинул голову назад:

— Тихо. Больше никаких разговоров.

— Спасибо, — мягко сказала она.

— Всегда рад помочь.

Глава 6

Карина проснулась в одиночестве. Она смутно припоминала то, как видела выходящего из воды Лукаса, когда его огромное мускулистое тело было мокрым, и то острое чувство внутреннего зажатия, тот самый клинч, в который она вошла, когда он зажал ее в ванной. Она бы предпочла притвориться, что это был страх или беспокойство, но это бы значило врать самой себе. Когда он поднялся, чтобы показать ей сделанные Даниелем ушибы, она вылупилась на него в течение довольно-таки затянувшегося мгновения, и это не было изучением его поврежденных ребер.

Лукас принес Карине полотенце, и когда он отвернулся, давая ей хрупкую иллюзию приватности, она обернула его вокруг себя как штору и спаслась бегством в спальню. Он за нею не последовал. Она сбросила полотенце, проскользнула в гигантскую теннискy, которую дал ей Лукас, и ускользнула под одеяло, сворачиваясь на кровати в беспокойный мячик. Нервозность должна была заставить Карину бодрствовать, но ее тело стало просто обессилевшим. Пришло время ложиться в постель и Лукасу. К тому времени, когда он улегся на другой стороне, она уже была наполовину спящей. Он что-то спросил у Карины, но лихорадочный туман придушил ее и уволок, без всяких грез погружая в сон.

Карина всячески пыталась принять сидячее положение. Она устойчиво чувствовала жар от медленного самосгорания, слабую лихорадку. По крайней мере, она была жива. Карина всячески заставляла себя приподняться. Ее голова плыла, и головокружение снова возвращало ее вниз.

«*Вверх. Ну, давай, вверх, ты можешь это сделать*», — мысленно сказала себе Карина.

А теперь еще она и говорила сама с собой: «Грандиозно!»

И Карина пошла в душ, ковыляя ногами и качаясь. Вчера вечером Карина прополоскала нижнее белье, и оно все еще висело на змеевике, где она его и оставила. Карина пощупала: «Сухие», — и проскользнула в надеваемые трусики. И занялась ванной.

Через парочку минут она дошла до раковины. Там ее дожидалась новая зубная щетка, все еще находящаяся в упаковке. Карина уставилась на нее.

Лукас ее не похищал. Он не принуждал ее под дулом пистолета к человеческому рабству. Она была атакована Райшей и акулозубым мужчиной, и ей предоставили выбор — умереть или жить на условиях Лукаса. Она стала жертвой обстоятельств.

Это не меняло того факта, что Лукас теперь ею обладал.

Дом Дарьон лишил ее даже ничтожного лоскутка независимости. Она во всем зависела от Лукаса: его еда, его безопасность, его одежда, безопасность и выживание дочери. Он обладал властью указывать ей, когда идти в постель, где спать, когда принимать душ… Он защищал ее с Эмили от своеобразного ужасного врага, непонятного для нее, и он мог убить их в мгновение ока, обоих. Любое ослабление правил становилось любезностью с его стороны. Такая маленькая вещица, как зубная щетка, казалась великой милостью. Но ведь так не бывает, сказала она себе. Не бывает. Это была базовая необходимость для существования любого человека.

И вот еще, она могла быть рабыней и без какой-нибудь свободы вообще. Она могла потерять дочь. Она могла быть изнасилована. Все, что требовалось ему сказать — это: «Я дам тебе твою дочь». И она бы все сделала. Сам факт того, что он додумался оставить ей зубную щетку, был уже маленьким чудом.

Ее собственное стремление выжить мешало ощущению действительности. Ее инстинкты подводили ее к тому, чтобы ковать эмоциональную связь. Чем больше она будет нравиться Лукасу, тем меньше вероятность ей или Эмили быть им убитыми. Чем более она будет благосклонна к нему…

Карина глубоко вздохнула. Физически Лукас был ошеломительным. Перед Кариной промелькнуло воспоминание о его руках вокруг нее. Лукас был… Он был…

Она уставилась на себя в зеркале, стоящую в ванной комнате: «*Только скажи. Ну. Скажи, признай это, и уходи от этого прочь*».

Соблазнительный. Желанный. Шокирующий. Он был мужественным в той манере, в какой должен быть мужчина в женских фантазиях: мощный, сильный, опасный. Если бы Карина встретила Лукаса на вечеринке или в рабочей обстановке, когда на нем был бы надет костюм, а на ней — что-нибудь другое, чем его тенниска и комплект нижнего белья, которое она простирнула под душем, то она бы отыскала его. А если бы он заговорил с Кариной, то ей бы это польстило.

На некоторое время, после смерти Джонатана, она так погрузла в чувстве вины, и в благополучии Эмили, что забыла о существовании мужчин. Ушел почти год, прежде чем она опять стала отдавать себе отчет о них: мужчина с приятной улыбкой из очереди в кассу, случайный незнакомец в хорошей форме, выходящий из авто рядом с ее парковочным местом. Частица Карины хотела, чтобы ее опять замечали, и проверяла, подсматривая — была ли замечена. Карина была уязвима, а то, каким образом Лукас на нее смотрел, не оставляло сомнений, что

если бы она дала ему хоть самый крохотный признак того, что хочет его, то он сразу же помчался бы услуживать и перекосил бы все и вся, что бы ни стояло на его пути.

Под прикрытием всего этого насилия в Лукасе было какое-то странное отчаяние. Карина чувствовала, как сильно нужно преодолевать себя, когда являешься… не совсем принятым, но понравившимся. Если бы она была безжалостной, то соблазнила бы Лукаса, чтобы убедиться, как он стал бы зависимым от нее. Но такого рода манипуляции были не для нее. Она не могла до такого докатиться.

Карина посмотрела на свое отражение. Она практически видела Лукаса рядом с собой. Его она могла бы по памяти восстановить с кристальной ясностью: каждую линию его мощного тела, нескрываемое обещание насилия в его манере движений, точный изгиб его почти сардонического рта, выражение его диких глаз, выражающих без фильтра чистую мужскую страсть. Нет, более чем страсть. Потребность.

Размышления о нем походили на игры с огнем.

Она уже побывала замужем; и очень хорошо знала, что здоровые отношения зависят от уважения и постоянного компромисса. С Лукасом не могло быть ни уважения, ни компромисса, потому что они не были ровней. Он владел ею. Карина была его собственностью, и как только она откроет дверь к отношениям, он не позволит ей закрыть ее.

Карина закрыла глаза. Она могла рисовать себя обхваченной этими мощными руками. Почувствовалась бы безопасность, такая безопасность… Ее жизнь была разбита, как зеркало, и осколки продолжали резать ей пальцы. Карина отчаивалась забыть, что она была на чуточку больше, чем рабыня. Она страстно желала эту иллюзию безопасности, как будто бы это было лекарством, и она должна была засчитать себе поражение. Она захотела почувствовать, как жар его сильного тела согревает ее кожу. И ей захотелось видеть, как он покоряется, чтобы узнать, на что была бы похожа в интимной обстановке увиденная в этих жестких глазах ранимость. Карина была совершенно бессильной, и нуждалась в ощущении силы, подобно женщине, так сильно желаемой мужчиной, который сделает для нее все, что угодно.

Ну, вот и оно. Все вышло прямо наружу.

«*Ты больная*», — сказала она своему отражению.

Ну, теперь все стало явным. Она сама во всем призналась.

В перспективе она должна учитывать это положение вещей. Он был сильным, она была слабая, уязвимая и не совсем в своем уме. Однажды она соберется, когда-нибудь, подождет пока остатки отравы выметутся из кровеносной системы, и когда

представится шанс вырваться, она им воспользуется — и они больше никогда не найдут ее с Эмили. А если она позволит себе купиться на собственную ложь, то никогда не будет интересоваться, на что бы это было похоже — чувствовать его внутри себя… Эту мысль она как ножном обрезала. Чем меньше такого она воображала себе, тем было лучше.

Карина распаковала зубную щетку. Она почистит зубы, определит местоположение джинсов и проверит дочь. А уж тогда она пошла бы отсюда, чтобы приготовить шоколадный тортик.

* * *

Кажется, что Эмили не имела даже малейшего понятия о драке между Лукасом и Даниелем прошлой ночью. Она хорошо выспалась, и когда Карина пришла за ней, то получила обнимашку. Эпизод, полный ожесточения, совершенно обошел Эмили стороной. Карина долго держала Эмили, вдыхая запах ее волос. Они обе были живые. Ей надо бы держать Эмили при себе. Все будет хорошо. Будет трудно и больно, но все будет хорошо.

Карина взяла Эмили на кухню. Через открытое окно проливался солнечный свет. Ее никто не ждал. Никто не требовал завтрака. В доме было тихо и безмятежно. Карина выдохнула свою напряженность, вытянула из кладовой ингредиенты и пустилась замешивать тесто для торта.

На кухню приперся Генри, имея немного потерянный вид, со словами:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — прощебетала Эмили.

— А для тебя у меня кое-что есть, — сказал Генри и положил на стол альбом для рисования и набор акварельных карандашей.

— Для меня?

— Для тебя.

Эмили с любопытством сунулась в коробку с карандашами.

— Что надо сказать? — на автопилоте прошептала Карина.

— Спасибо!

— Всегда пожалуйста, — ответил ей небольшой улыбкой Генри.

— А где все?

— Они ушли на проверку периметра сети. А что вы готовите?

Карина глянула на него:

— Шоколадный торт. Они пошли проверять признаки тех

людей, которые послали шпионить за нами ящериц?

Генри кивнул.

— Лукас зовет их «ординаторами». Генри, кто они? И кто вы?

Генри опять улыбнулся и поправил вечно сползающие по носу очки.

— Это долго и сложно объяснять. Лучше пару дней подождать. Слишком много новой информации, и так быстро — все сделает еще хуже.

— Я бы предпочла знать.

Он закачал головой:

— Вы прошли через великое множество насилия за минувшие два дня, и для вас были разоблачены вещи, которые входят в конфликт с вашим мировоззрением. Я не хочу быть одним из тех, кто еще добавит ко всему этому.

— Генри, неизвестность еще хуже. Все, о чем я прошу, чтобы вы не обращались со мной как с рабыней, которой сказано, где быть и что делать, без какого-либо должного объяснения.

— Нет, — тихо произнес он.

Они посмотрели друг на друга через стол. Карина выдержала пристальный взгляд. Это могло быть и не мудрым, но теперь она его не будет отводить.

— Мам, глянь, я нарисовала Седрика!

Карина глянула вниз, на пушистый клубок коричневого цвета с клыками, который был похож на саблезубую овцу.

— Как мило, Эмили. Обалдеть!

Когда она взглянула вверх, кухня была пустая. Генри сбежал.

* * *

Тортик издавал запах шоколада и ванили. Когда Карина вынула из духовки два коржа и отправила их охлаждаться, кухню наводнили хорошо знакомые ароматы, так напоминающие дом и счастливые времена, так что она чуть не заплакала.

Стукнула дверь. Карина подняла голову как раз в тот момент, чтобы увидеть, как в дверном проеме нарисовался Лукас. Его лицо было мрачным. Он глянул на торт, затем на нее. Она уставилась в ответ, внезапно ужаснувшись, что все ее мысли через ее глаза прольются наружу.

Кажется, он не заметил.

— Хочешь новые шмотки?

— Да, — ответила она. И про себя добавила: «О боже, да…»

Он дернул головой в сторону двери:

— Они там, в головном доме, для тебя подготовили несколько вещиц. Какой размер — не знаю, так что тебе придется пойти и примерить. Пошли, я тебя проведу.

— Можно и я пойду? — соскользнула со стула Эмили.

— Да, — сказал Лукас. — У них есть одежда и для тебя тоже.

— И Седрик?

— Седрику одежда не нужна, — сказал Лукас.

— Можно он с нами пойдет? — спросила Карина.

— Конечно.

Карина вымыла руки, вытерла их полотенцем и вышла вслед за Лукасом из дома. Ярко светило солнце. Седрик уже ждал их внизу ступенек. Эмили сошла вниз, а медведесобака перекатилась на лапы и принялась носиться рядом с нею, будучи по высоте — почти как она.

Лукас повел их по двору и далее вниз по грязной тропинке, которая раной проходила вокруг холма, слева гранича с чахлыми дубочками и кустами, поднимающимися вверх по склону, и скатывалась в прерию справа. Седрик с Эмили дернули вперед на парочку дюжин ярдов. Карина наблюдала за ними, не забывая о шагающем рядом Лукасе, похожем на некоего тигра, которого научили ходить прямо. Воздух был сухим, и жара обрушивалась на них с бледного, жгущего неба, раскрашивающего тропинку полосками ярко-желтого солнечного света.

— Мы находимся во фрагменте реальности, — констатировала Карина.

— Да, — сказал Лукас.

— Почему тогда светит солнце? Откуда здесь воздух?

— Потому что флуктуация происходит на универсальном уровне, — ответил Лукас.

— Так это дубликат солнца?

— Нет, это такое же солнце, как и на Земле. Мы просто получаем к нему доступ на другом уровне. Представь себе дом с множеством комнат. Мы прошли из главной комнаты в меньшую — боковую спальню, но мы все еще находимся под одной и той же крышей.

Карина вздохнула:

— От этого у меня болит голова.

— Тогда с тобой нечего разговаривать об измерениях со всякими «потрошителями».

— Потрошители?

— Они прорезают трещины между измерениями, которые позволяют людям вроде тебя и меня путешествовать туда, сюда и обратно. Вот получаешь одну из них, берущую свое начало на

субъекте, и сразу же нахлынет безумие, пока не захочется воткнуть свою голову в ведро с водой — только бы смыть его из головы. А когда человек непрерывно себя режет, потому что боль помогает ему пробиваться между измерениями, от него нельзя, так или иначе, ожидать ясности.

Карина взглянула на него:

— Тебя, кажется, что-то раздражает.

Лукас сдвинул свои толстые, черные брови:

— Мы выяснили, как ящерица пробралась через сеть. Она проделала под нею туннель. Длинный, глубокий туннель, почти двадцать пять метров.

— И?

— Было больше, чем один туннель, — сказал Лукас.

Более одного туннеля означало других ящериц, поняла Карина и спросила:

— Вы их выследили?

Лукас кивнул.

— Они передали то, что увидели?

Еще один кивок.

— Выходит, враг знает, где мы находимся?

Лицо Лукаса исказилось в гримасе:

— Трудно сказать. «Потрошители» говорят, что было слишком много помех между измерениями для того, чтобы передача полностью прошла. Но это возможно, — он крепко сжал свои зубы, что-то обдумывая, а потом сказал: — У нас по периметру была установлена сигнализация с инфракрасными, микроволновыми и частотными сенсорами. Очень специфические сенсоры: если присмотришься к ошейнику Седрика, то увидишь передатчик, который распространяет радиокод. Сенсоры проверяют этот код по базе данных, и если код действительный, то сенсоры не регистрируют тревогу. По какой-то причине, кто-то загрузил в систему старый набор кодов. Ящерицы прошли с собственными приспособленными передатчиками, а когда они оповестили устаревший набор кодов, система не просигнализировала о них.

— Откуда они узнали, какие кода нужно загружать?

Глаза Лукаса потемнели.

— Тут была женщина. Галатея. Она была «донором», как ты.

Он произнес ее имя, словно она была как чума.

— Она была твоим «донором»?

— Да. Она перебежала.

Он опять сжал свои зубы. В этой истории было что-то еще.

— Вы были любовниками?

Лукас остановился, и на мгновение Карина подумала, что

могла бы хорошенько надавить на него.

— Мы трахались, — сказал он.

«Ага», — поняла Карина, и продолжила давить:

— И как долго?

Возникла короткая пауза, прежде чем он ответил:

— Четыре года.

— Это какое-то длинное трахание, — сказала Карина.

Он любил Галатею. Он был влюблен, а она предала его, и теперь он хочет ее убить. Любой женщине, перевалившей за возраст в пятнадцать лет, под силу увязать эти точки. Он, должно быть, был юным — это, очевидно, оставило глубокий шрам.

— Какой она была?

Лукас сделал к ней шаг. Нечто дикое выглянуло на нее из его глаз, нечто полное страсти и агрессии. Она поняла, что в своем уме он уже снимал с нее одежду и думал, на что это будет похоже. И внезапно она опять была в ванне, голая, сидящая в двух футах от него и боящаяся, что он пересечет дистанцию.

Он уставился на нее и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я рассказывал тебе об этом?

Она пожала плечами:

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

— Ну, тогда, всего хорошего.

Он отвернулся, и они ускорились, чтобы сократить разрыв между ними и Эмили. Карина держала темп, делая спокойные выдохи. У него не было тормозов, по крайней мере, кроме тех, которыми она воспользовалась как женщина. Обычные мужчины не заканчивают ужин, разламывая стол хребтом своего брата, они не убивают ящериц, проваливаясь в их головы, они не превращаются в монстров и не напитываются женщинами. Обычные мужчины так не поступают вне экранов кинофильмов, а когда они делают это на экране, другие мужчины насмехаются над ними за это. Это была игра, в которую она не могла себе позволить играть, потому что он держал при себе самые лучшие карты. Ей надо было это пережить.

Карина случайно скользнула по нему взглядом. В его глазах все еще была та голодная дикость.

— Поскольку кому-то ведь пришлось загрузить этот старый код, значит, Галатее помогал какой-то инсайдер, — сказала она, пытаясь увести его от всего, о чем он думал.

— Похоже на то. А когда я найду их, они пожалеют, что на свет родились, — в его голосе содержалось так много злости, что волосы на ее затылке чуть не встали дыбом.

Если бы пришел враг, тогда Эмили была бы в опасности.

— Нам следует эвакуироваться?

— Это уж как Артур скажет.

— А ты как думаешь, следует?

Лукас глянул на нее:

— Это зависит от того, сколько людей они поведут в бой. Это старая база, и мы активно добываем на этом фрагменте алюминий и бериллий. Если придут «ординаторы», то придут быстро. И даже если мы начнем полную эвакуацию базы прямо сейчас, мы понесем потери в оборудовании. База запускается посредством оптоволоконной сети. Это сложная компьютерная система, координирующая операции по добыче, биоподдержку, коммуникации и так далее, которая также имеет локации на близлежащих базах. Если «ординаторы» получат доступ к ней, тогда многие из нас погибнут, вот почему сеть должна быть уничтожена перед завершением эвакуации. А ее взрыв сделает эту базу непригодной для обитания. Подобные этому фрагменты, со стабильным климатом и экосистемой, являются редкостью. Большинство найденных нами фрагментов — мертвые: никаких растений, никаких животных, часто нет атмосферы. Приходится надевать костюм и жить в герметически запечатанном бункере. И проталкивать взад-вперед сквозь листы измерений прицеп. Если «ординаторы» не знают, где мы, то сразу узнают, когда мы начнем прорезаться.

Тропинка закончилась, соединяясь с большей дорогой, которая опускалась вниз по холму в прерию. Вдали проскакала группа лошадок по траве, ныряя и выныривая из кустарника. Обширная прерия разворачивалась к возвышающемуся гребню гор, дикая, древняя и каким-то образом намного большего размера, чем современные пейзажи, так что Карина остановилась на мгновение и просто уставилась, в захвате от такого величия природы.

— Это рай, по сравнению с некоторыми фрагментами, которые я видел, — сказал Лукас. — Если у нас будет шанс, мы будем за него бороться. Пошли.

Он повернул и зашагал вверх по холму. Она увеличила скорость, чтобы идти в ногу, на буксире у Эмили и Седрика.

Они срезали поворот, и внезапно перед ними предстали две высокие белые колоны, выделяющие вход. Пронзая высь на двадцать футов, они изгибались как ребра какого-то доисторического гиганта. Проект запутанной сети покрывал колонны, выгравированный на их поверхности. От него рябило в глазах, и своей сложностью он оказывал гипнотическое воздействие. С первого раза было не возможно оторвать взгляд,

просто продолжающий скользить вдоль по бороздкам и изгибающимся линиям…

На плечо Карины легла рука. Карина повернулась, увидела у себя на плече пальцы Лукаса и отдернулась. Он около секунды подержал свою руку на пустом воздухе и опустил.

Карина повернулась к Эмили. Ее дочь стояла рядом, уставившись на колонну с пустым выражением лица.

— Идем, — сказал Лукас.

Карина пригнулась и взяла Эмили за руку:

— Малышка, пошли.

Эмили моргнула, словно пробудилась от глубокого сна, и пошла с нею. Они прошли сквозь арку, и Карина опять остановилась.

Перед нею простирались бледные строения с изогнутыми крышами. Со второго раза она догадалась, что весь комплекс был одним огромным строением в форме подковы, которая поднималась в высоту на три этажа. В изгибе подковы раскинулся прекрасный сад, крест-накрест покрытый проходами, выложенными камнями тропинками и сочными клумбами, которые искусно обрамляли искусственные пруды. Живописные кусты раскинули свои ветки. Расцвели цветы: синие, оранжевые, желтые… А ветер принес теперь уже хорошо знакомый терпкий цветочный аромат.

Рядом с ведущей в сад дорожкой стоял большой знак. Его гладкая поверхность была испещрена странным писанием, которое, должно быть, было написано разделенными пробелами группами своего рода символов, но это не был какой-либо знакомый Карине язык.

— О чем тут говорится?

Из уст Лукаса пролилась строка из странных слов, лирических и на удивление знакомых. Она ждала объяснения.

— Тут гласится: «Мандат — это все».

— Что такое мандат?

— Первоначальный мандат. Это трудно объяснить по-английски. В первичном языке имеется слово: «*аиль*». Оно означает «мы», «нас», но также это означает цивилизацию, наилучших из нас, наилучших нашего типа. Мандат — это: «*аиль* должны выжить».

Это ей ничего не объяснило.

— Вот это?

— Вот это. В этом мире, при данном наборе обстоятельств, люди, среди которых ты жила, являются «*аиль*». Мы существуем для того, чтобы обеспечивать их выживание. Когда в нас больше не будут нуждаться, мы вымрем, как и многие подвиды до нас.

Чем больше вещей он объяснял, тем больше она запутывалась. Ну а пока ей просто приходилось собирать по крошкам информацию и надеяться, что рано или поздно все будет иметь смысл.

Лукас продолжал идти по широкой дорожке, вымощенной гладкими камнями. Карина бросилась следом. Они бок о бок прошлись по дорожке, и перешли через мост. Тут и там в укромные уголки строений врывались сады, формируя зоны для отдыха. Слева, на лавочке, сидели две женщины и о чем-то вели дискуссию. Они выглядели так по-нормальному. Обе носили джинсы; на старшей из этой парочки был цветастый топ, белого цвета на синем фоне; женщина помоложе надела знакомую Карине желтую блузку — на прошлой неделе такая приглянулась ей в торговой сети «Джей Си Пенни».

Прошлая неделя. Целая жизнь тому назад.

Женщины увидели Лукаса. Их лица конкретно натянулись, как будто они напряглись, чтобы сохранить спокойствие. Затем они рассмотрели ее. Карина встретилась с их внимательными взглядами и увидела жалость в их глазах. Внезапно это взбесило ее. Если бы прямо сейчас Лукас схватил бы ее за горло, они и пальцем бы не пошевелили, чтобы ей помочь. Они бы просто сидели там и наблюдали, как он душит ее до смерти, и испытывали бы к ней жалость. Она вскинула подбородок и уставилась в спину Лукаса. Нет уж, спасибочки. Ей не нужна ничья жалость.

Карине припомнились слова Генри: «*Самым страшным является Лукас*».

— Они тебя боятся, — сказала она.

— Я тут являюсь специалистом по безопасности; у меня есть право выносить приговор, — сказал он. — Я могу на базе убить каждого, по любому поводу, без какого-либо возмездия.

— Ты их защищаешь, а взамен получаешь только страх. Почему ты продолжаешь это делать?

Лукас продолжил свою ходьбу.

— Потому что у каждого должна быть цель. Мандат говорит мне: то, что я делаю, является правильным и должно быть сделано. А поскольку я самый большой и самый сильный — это моя обязанность ставить себя между людьми и опасностью. Я буду это делать для тебя.

Он будет. Она ему верила.

— Лукас…

Она хотела сказать ему, что если бы он когда-либо защитил ее или Эмили, то она бы его не боялась. И хотела добавить, что он не должен так мириться с людьми, чтобы те от него аж

сжимались. Но внутренний голос холодной рациональности предупредил ее, что тогда она потеряет хватку над действительностью. План заключался в том, чтобы совершить побег. В плане и речи не могло быть о том, чтобы западать на Лукаса и становиться тем самым единственным человеком, который бы его утешал.

Он смотрел на нее.

— В данный момент у меня реально все перепуталось, — проговорила она ему. — Так что это, в действительности, не имеет никакого значения.

Он кивнул:

— Окей.

— Согни в локте свою руку.

Он сделал это. Карина приблизилась с мыслью: «*Что я творю*?» и примостила свою руку на его предплечье. И подняла подбородок. Две женщины на лавочке с открытыми ртами вытаращились на них.

— А теперь пошли, — пробубнила она, искоса глядя на него.

— Мы это можем, — согласился он.

Они пустились вниз по проходу. Его рука под ее пальцами была прочная, как скала. Несколько мгновений — и плотная зелень рододендровых кустов спрятала женщин из их вида.

— Зачем? — спросил он.

Потому что она растерялась, вот зачем.

— Ты бы причинил вред тем двум женщинам?

— Нет, пока они не попытались бы первыми причинить вред кому-нибудь еще.

— Тогда они в безопасности и знают об этом, но все равно на них находит слишком уж много шороху из-за тебя, проходящего мимо и думающего о собственных делах.

— Это все еще не соответствует моему вопросу, — сказал он.

— Мы можем перестать говорить об этом?

Он ничего не сказал. Они просто продолжали идти. Это было сюрреалистично, размышляла Карина. Красивые цветы, Эмили и ручная медведесобака, и она с шагающим бок о бок Лукасом.

— Я устала, — сказала Эмили.

Карина нагнулась и подняла ее. Данное усилие чуть не заставило ее потерять равновесие. Очевидно, что она была слабее, чем думала.

Седрик принюхался к ее ногам.

— Дай ей прокатиться верхом на нем, — предложил Лукас.

— Что-о?

— Пусть она покатается на нем верхом. Он не будет против.

— Я хочу покататься верхом! — стала на руках извиваться

Эмили.

Карина осмотрела медведесобаку. Он был почти таким же большим, как и пони. И осторожненько опустила Эмили на его спину.

— Держись за его шерсть, — сказал Лукас.

Эмили зарыла пальцы в коричневую гриву Седрика, и они опять были таковы.

Они всплыли из стенда рододендронов. Лукас ступил в сторону, выявляя круглую площадку, мощенную темно-красным камнем. В центре возвышалась бронзовая статуя: обнаженный мужчина, с хрустящей точностью демонстрирующий мышцы. Огромные крылья выталкивались из-за плеч. Ангел, но не садовый купидон или некая траурная статуя с кладбища. Ангел наклонился вперед, одна рука была протянута, мышцы на его туловище связались узлами. Крылья выталкивались вверх и расходились, без перьев, словно были сделаны из точеной кости. Совершенное лицо ангела уставилось вдаль, его пристальный взгляд был сосредоточенным. Все в нем передавало ярость и мощь. Это было хищное создание, собирающееся убить свою жертву. Металлические буквы, скошенные сбоку статуи, читались как «О. Роден».

Карина глянула на Лукаса:

— Огюст Роден? Скульптор, который создал «Мыслителя»?

Лукас пожал плечами:

— Он так говорит, но я бы вместо него не поставил это, если бы здесь было перешлепнутое имя поверху фактической подписи скульптора. Он достаточно тщеславный.

Что? Кто — он? Она скрупулезно исследовала статую.

«О боже», — дошло до Карины.

У ангела было лицо Артура. Должно быть, достаточно фигуральное произведение — она не видела каких-либо крыльев на спине у Артура, когда он предлагал ей чай.

— Но Роден умер в начале прошлого века.

Лукас обошел вокруг статуи и продолжил ход.

— Лукас!

Он обернулся и посмотрел на нее через плечо, из-под черных бровей, ясными глазами, как два кусочка льда.

— Артур является «испепелителем». Подвид № 21. Они живут долго.

— Как долго?

— Достаточно долго, чтобы встретиться с Роденом. Пошли.

Она захотела обалдеть. Ей захотелось кричать и биться ногами в припадке, потому что прямо здесь, в холодной бронзе, находилось окончательное доказательство, что это не было

кошмаром. Вместо чего Карина помахала Седрику впереди себя, и они продолжили идти глубже в сад.

Лукас свернул налево, вниз по дорожке ведущей к секции строения, сконструированной с почти японским чутьем. Если бы не белая крыша, она могла быть частью домика для чаепития. Женщина постарше ждала на крытом крыльце. Возле нее была аккуратно уложенная стопка из одежды.

Они были в двадцати футах от крыльца, когда тишину в клочья разорвала сирена.

Глава 7

Карина стянула Эмили с медведесобаки к себе на руки.

— Держись около меня, — гаркнул разворачиваясь Лукас и побежал назад вверх по дорожке.

Карина последовала за ним, пытаясь не запинаться. Они проколотили ногами по мосту, который они уже пересекали на своем пути.

— Мама, что случилось?

— Я не знаю, малышка. Крепче держись.

Эмили была такой тяжелой. Карина не припоминала, чтобы она когда-либо была такой тяжелой. Было похоже на то, что вся сила каким-то образом унеслась прочь из ее рук.

Они выметнулись через сад на открытое пространство между двумя шпилями, Лукас — впереди, а задыхающаяся Карина — в нескольких дюжинах ярдов позади. Около шпилей, где исходящая из поселения дорога опускалась вниз по холму, стояла группа людей. На Карину небесными глазами немилосердно смотрело знакомое лицо. Артур. В поле зрения замаячила золотая грива Даниеля. Он усмехнулся ей, приводящей в замешательство дикой ухмылкой, в которой было слишком много веселья. На периферии, в нескольких ярдах в стороне, стоял с закрытыми глазами Генри, напряженный, его лицо было поднято к небу. Молоденькая девушка, почти подросток, стояла рядом с ним в идентичной позе. Справа — пожилая темнокожая женщина и другой мужчина, высокий и изможденный, имитировали их.

— Хорошо будет, если присоединишься к нам, — сказал Артур.

Лукас подошел, чтобы стать рядом с ним.

Вдали раздался громогласный звук, глубокий, гудящий, как будто кто-то, как на трубе, играл наутофоном.

Девушка со стороны Генри резко вдохнула, упала на колени и стала прерывисто дышать, с болью ловя воздух. Глаза Генри на мгновение открылись. Он вытолкнул свою руку и стиснул кулак:

— О нет, ты не сделаешь это.

Вдали раздался полный отчаяния и чистой боли крик.

Генри улыбнулся. Его лицо засветилось злорадством, таким шокирующим, что Карина сделала шаг назад. Он уставился вдаль:

— Что, не так весело подковыривать кого-нибудь своего же размера?

Крик продолжил звенеть все выше и выше, делая паузу на незначительную долю секунды, которую брала агонизирующая сущность, вынужденная глотнуть немного воздуха.

Упавшая за Генри девушка открыла свои глаза и поднялась на ноги. Пожилая парочка вышла из транса.

Генри повернул и дернул кулак, словно разрывая что-то пополам.

Крик умер.

— Спасибо, — сказала девушка.

— Все правильно. Но в следующий раз не забывай прикрываться, — сказал Генри. И повернулся к Артуру с докладом: — У них две сотни штатских, пятьдесят свиней, две батареи тяжелой артиллерии, шесть подразделений по двадцать пять человек и семь «ломщиков сознания». Минус один.

Он убил вражеского «ломщика сознания», поняла Карина. Добрый, застенчивый Генри раздавил его, но не раньше, чем заставил его помучиться.

— Слишком много, — кто-то пробормотал.

— Это масштабная бойня, — сказал Даниель.

— Также имеется, по крайней мере, один «демон», — добавил Генри.

Лукас резко принялся смеяться, самоуверенным смехом.

У них был «демон» вроде Лукаса. Лукас будет с ним драться. Она прочитала это по его лицу. Ей не хотелось, чтобы он умер.

Что-то перелезло через хребет отдаленного холма, проливаясь на прерию. Карина прищурилась: «Что за…»

Лицо Артура оставалось безмятежным:

— Немедленно начинайте полную эвакуацию базы.

Темноволосая женщина слева от Карины протянула ей бинокль:

— Вот. Похоже, я больше не нуждаюсь в нем.

— Спасибо, — Карина опустила Эмили на землю и взяла бинокль. — Оставайся возле меня, малышка.

Женщина развернулась и побежала назад к саду. Через мгновение опять прозвучал сигнал, но на этот раз — двумя короткими взрывами.

Люди принялись отделяться от группы и направляться назад, вглубь базы. Теперь у нее был шанс. Если бы она смогла ускользнуть и пройти через ворота, то смогла бы убежать. В суматохе никто бы не искал ее…

— Леди Карина, — раздался голос Артура.

Она оправилась, прежде чем посмотреть на него.

Ее просверлил внимательный взгляд его синих глаз:

— Оставайтесь поблизости. Мы должны продержаться, пока не закончится эвакуация. Лукас, возможно, будет очень нуждаться в ваших услугах.

Его голос был мягким, но глаза не оставили ни малейшего

сомнения — он знал, о чем она думала, и побег был бесполезным.

Артур повернулся и с опаской посмотрел на равнину. Она тоже посмотрела, подняв к глазам бинокль. В поле зрения, неожиданно ясно, качнулись горы. Она наклонила бинокль пониже…

Через холм стали переходить люди. Справа перебрался через скалу мужчина средних лет, одетый в грязное хаки и разорванную рубашку в тонкую синюю полоску. Рядом с ним двое темнокожих мужчин в джинсах помогали третьему хромать вперед. Слева женщина в деловом костюме продолжала, спотыкаясь, идти. Бинокль захватил ее лицо. Его черты, запеченные грязью и пылью, скорчились в выражении крайнего ужаса.

Карина сделала резкий вдох. Рыжеволосая девушка-подросток следовала за женщиной. Ее рюшевая юбка вяло свисала вокруг худеньких ножек в порванных чулках. Она содрогалась, когда шла, и Карина поняла, что она рыдала.

Карина рванула бинокль вниз:

— Там ведь люди!

— Они пленники, — сказал Лукас. — Люди, которых «ординаторы» где-нибудь схватили — считай потеряны. Свиньи гонят их в сеть. Она разработана для того, чтобы останавливать высокоимпульсные снаряды, но если единовременно по ней ударит достаточная масса тел, тогда она обрушится от перегрузки.

Перед Кариной промелькнуло воспоминание о птице, повергнутой в шок красным свечением.

— Они ведь погибнут!

— Так и задумано, — сказал Даниель. — Они пытаются прорваться до того, как у нас получится детонировать сеть.

— А нельзя им просто использовать танк или машину?

— Сеть их поджарит, — мрачно сказал Лукас. — Биомасса является наилучшим способом для прохождения.

Люди справа кинулись бежать. Карина подняла бинокль.

Какая-то тварь перескочила через холм. Огромная и коричневая, похожая на борова высотою в семь футов, передвигаясь чересчур быстро на удивительно длинных и худых лапах. Свинья остановилась. Ее длинные крокодиловые челюсти разинулись, сверкая большими клыками, как пальцы Карины, шире, шире, пока ей не показалось, что вся голова свиньи разделилась пополам. Вспыхнул взрыв хриплого рева. Деодон.

Люди, которые находились перед тварюкой, как мелкие рыбешки, кинулись врассыпную, со скоростью побежав оборванным стадом по неровной земле в направлении сети. Какой-то блондин, в когда-то белой майке, возглавил забег.

Деодон снова заревел и бросился в погоню.

Слева вторая свинья достигла вершины холма, посылая в полет другую группу заключенных. Пожилой мужчина в разодранной фланелевой рубашке споткнулся, упал и покатился в грязи по откосу. Свинья запеленговала его внизу. Длинные челюсти опустились. Раздался вопль, вибрирующий явственным ужасом человека, который знал, что его жизнь заканчивается, и исчез, обрезанный на полуноте.

Справа блондин вбежал вперед головой в сеть и дернулся, охваченный глубоким карминным свечением. Его тело содрогалось в конвульсиях, ноги и руки молотили, словно его трясло от находящегося под напряжением провода. Мужчина, находящийся непосредственно за ним попытался притормозить, но по инерции его занесло прямо в красное свечение, и он затрясся, охваченный аналогичным приступом.

Карина хлестанула Лукасу:

— Ты можешь что-то сделать? Хоть что-нибудь? Они умирают!

— Мы можем дать им быструю смерть, как только они продерутся, — сказал Лукас.

— Но…

— Лукас прав, — сказал Артур. — Мы избавим их от боли.

Вокруг Артура замерцал воздух. Люди попятились. Он склонил свою голову и застыл в неподвижности.

В прерии заключенные пытались уклониться от красного свечения, но свиньи гнали их вперед. Одно за другим тела врезались в сеть. Карина отвернула Эмили:

— Не смотри, малышка.

— Что они делают?

«*Соври,* — сказала она себе, — *соври*». Но слова сами по себе пролились:

— Эмили, они умирают.

— Почему?

— Потому что их убивают плохие парни.

— А эти плохие парни собираются добраться до нас?

— Нет, малыш, — сказал Генри. — Артур и Лукас их убьют.

Красное свечение под весом многих тел гнулось вперед, и все больше людей прибывало со стороны прерии, как стадо овец погоняемое деодонами. Артур не двигался. Его глаза уставились вдаль, куда-то далеко-далеко.

— Сколько осталось до детонации? — спросил Лукас.

Генри закрыл глаза, а потом открыл со словами:

— Три минуты.

Похрустывая шеей, Лукас крутанул голову вправо, затем

влево.

Под весом тел сеть с яркой вспышкой обрушилась. В образовавшийся проем упали люди, опрокидываясь друг через друга и извиваясь в конвульсиях на земле. Четыре громадные свиньи, которые гнали их стадом в сеть, ворвались галопом в проем, вытаптывая попадающиеся под копытами тела. Деодоны ринулись в атаку вверх по склону.

Лукас хрюкнул. Показалось, что его кожа толстыми пластинами отслоилась от костей. Воздух наполнился кровавым туманом. Карина вытаращилась, не в состоянии отвести взгляда. Кости выгнулись, связки скрутились, и грянул тот самый зверь. В ее памяти он формировался в виде темной, аморфной тени, но тут, при дневном свете, она видела каждую выпуклость наводящих ужас мышц, каждый клык, каждый серповидный коготь, каждый волосок на черном гребне его гривы.

Ее с ног до головы обмыло страхом, поджигающим каждый нерв.

Зверь повернул голову. С ужасного лица на нее смотрели зеленые глаза Лукаса.

«*Не вздрагивай*», — сказала она себе. Он собирался бороться с ними. И может умереть за несколько последующих мгновений. Она не хотела, чтобы он туда шел, думая, что она испытывает отвращение к тому, чем он был. Какими бы ни были недостатки Лукаса, он собирался поместить себя между свиньями и ее дочерью. Он заслуживал на большее, чем показанный ему слепой страх тех двух женщин из сада.

Она встретилась с его пристальным взглядом. Они смотрели друг на друга.

— Удачи, — сказала она.

Выколачивая склон, заревели деодоны.

Тот зверь, который был Лукасом, кивнул ей, прыгнул вниз и врезался в первую свинью. Его когти прорезались по шее деодона, и тот ушел вниз. Лукас увернулся от зияющих челюстей, прыгнул на второго деодона, пронзил когтями коричневую шкуру и вырвал кровавый кусок позвоночника.

Третья свинья заколебалась в сомнениях. Четвертая — отклонилась влево и, обойдя резню, взметнулась вверх по холму, с трудом протаптывая грязь копытами.

Карина притиснула Эмили ближе к себе. Инстинкт говорил, что надо бежать, но никто вокруг не двигался.

Двадцать ярдов. Пятнадцать. Десять.

Даниель выступил вперед и стиснул кулак. Передние лапы свиньи сломались с сухим треском костей. Белая кость прорезала мышцы и кожу. Свинья завизжала, свалилась на бок и покатилась

вниз по холму. Лукас встал с тела третьей свиньи, подпрыгнул над павшим, будто развалившимся, деодоном, и разбил вдребезги его череп при помощи зверского удара кулаком.

— Мама, мы попали в сказку?

Карина посмотрела вниз в большие карие глаза Эмили с мыслью: «*Я хочу, чтобы мы там были. Я хочу, чтобы мы были во сне*». Она пробралась глубоко внутрь себя, через страх, беспокойство и недоверие, и когда она говорила, ее голос был спокойным и уверенным:

— Все будет хорошо, малышка. С нами все будет просто замечательно.

Из прерии повалило еще больше прорывающихся к базе деодонов, так много, что она не могла их даже сосчитать. Огромный зверь возглавлял атаку. Он выглядел как Лукас, за исключением рыжеватого меха. Рыжий зверь побежал с ускорением, расширяя дистанцию между собой и основной массой деодонов, двигаясь мощными прыжками, которые пожирали прерию.

Лукас отступил на два шага вверх по склону и гигантскими ступнями встал в стойку.

Мчась как пушечное ядро, зверь громыхал к ним. Он подпрыгнул и спланировал над массой из корчащихся человеческих тел.

Лукас подпрыгнул. Два монстра столкнулись в воздушном пространстве, и Карина поняла, что визуально Лукас был поменьше. Они покатились вниз по холму, рыча и друг друга раздирая, подобно двум массивным диким кошкам.

Больший зверь гребанул бок Лукаса. Горячие брызги крови окропили грязь.

Карина развернулась к Даниелю:

— Помоги ему!

— Я не могу, — прорычал он. — Мне нужна ясная цель.

Звери драли и ломали, кусая и потроша в смерче когтей и зубов.

Снова проревела тревога, на этот раз — единственная длинная нота, за которой последовал короткий гудок. Даниель как вихрь кинулся к пожилой женщине, стоящей рядом с ним. Она была короткая и полная, с замысловатым узлом из косичек на голове. Ее серый брючный костюм был в первоначальном виде, ее макияж был безупречным. Она была похожа на секретаршу или вахтершу из приемной на высококлассной бизнес фирме.

— Режь, — сказал Даниель. — Сейчас же.

Женщина вытянула из костюма нож, отдернула рукав и сделала разрез на коже. Хлынула кровь. По-видимому, боль была

мучительная, потому что она, покачивая рукой, согнулась почти пополам.

Внизу холма, больший зверь отшвырнул Лукаса в сторону. Он полетел, переворачиваясь в воздухе, и приземлился на свои четыре. С обоих его боков струилась кровь. Два создания сравнялись и опять столкнулись.

Женщина выпрямилась. Из ее живота вырвалось бледно-зеленое свечение, скручиваясь в тонкие жилы света. Вспыхнув, жилы отрезались и разделили пустой воздух пополам. Появился заполненный темнотой семифутовый круг.

«*Так вот как выглядит разрез измерения*», — поняла Карина.

Артур поднял голову.

Под его ногами затряслась земля. Запрыгали вверх-вниз небольшие скалы. По подошвам туфель Карины заколотилась вибрация.

— Лукас! Кончай с этим, — закричал Даниель. — Сейчас же кончай!

Рыжеватый зверь прыгнул, нанося удар громадной лапой с расставленными как кинжалы когтями. Лукас не по-человечески быстро закрутился, перекатываясь в сторону. Большой зверь приземлился в грязь. В тот самый момент, когда его лапы коснулись земли, Лукас перепрыгнул к нему на спину. Огромные зубы мелькнули и сомкнулись на звериной шее соперника. Тварь закричала и забилась, пытаясь выкрутиться. Оба зверя нырнули вниз.

Карина затаила дыхание.

Черный зверь медленно встал.

Она выдохнула.

Лукас задумался над телом павшего оппонента, словно не был уверен, где он был и что тут делал.

Сзади пленники, которые попали в ловушку между ним и морем свиней, вскарабкивались на ноги.

Усиливалась вибрация под поверхностью, подобно ударам подземного молота поражая ступни Карины. Вокруг Артура замерцали крохотные красные искры.

— Поспеши, — рядом с Кариной прошептал Генри. Его пристальный взгляд был зафиксирован на Лукасе, а его низкий шепот настойчиво выражал почти что команду: — Поспеши.

Лукас передернулся. Его голова с щелчком поднялась. Он увидел их и вприпрыжку направился вверх по холму.

Искры вокруг Артура затанцевали быстрее. Ступни Артура оторвались от земли. Его тело напряглось, и он поднялся в воздух на три фута, глядя на растягивающую перед ним внизу прерию.

«*О боже*», — изумилась Карина.

Зверь достиг вершины холма, рухнул вниз в отвратительном распаде плоти и снова поднялся в виде Лукаса, окровавленного и трясущегося. Он дрожал и кренился на ногах, и Карина схватила его. На мгновение весь его вес оставался на ней. Она заглянула в его глаза и увидела боль. А потом Даниель стянул его с нее и потащил вперед в разрез.

Вдали неистово заревел наутофон. Деодоны приближались. Карина смела Эмили к себе на руки.

Генри обхватил ее рукой:

— Нам пора идти. Вам не нужно этого видеть.

Они поспешили в трещину. Она оглянулась через плечо, как будто ее потянула некая невидимая сила. Метание искр вокруг плеч Артура остановилось. На какую-то долю дыхания они зависли в неподвижности, потом мигнули и сверкнули как бриллиант. Красное сияние вырвалось из плеч Артура двумя потоками, кипящими вспышками белого и оранжевого цвета, разворачиваясь в два громадных, связанных свечением, крыла.

— Идемте, — потянул ее Генри к разрезу, который замаячил перед ними, без света и тревожный, непосредственная дыра в иную реальность.

Сверкнула красная молния. Передний ряд пленников упал на колени. Из их глаз и ртов повалил огонь, словно они испепелялись изнутри. Их лица превратились в пепел. Следом — второй ряд, и следующий, и следующий… Из земли забились струи пламени. Весь холм задрожал, будто был охвачен схватками мощного землетрясения.

«*Так вот что делает «испепелитель»,* — осознала Карина. — *О боже мой…*»

— Сейчас же! — гаркнул Генри.

Карина сделала глубокий вдох и, убаюкивая Эмили, ступила в темноту.

* * *

Это было похоже на пребывание под водой. Карина словно проходила через затопленный кристально-чистой жидкостью туннель, наполненный солнечным светом. Ее тело было очень легким, почти невесомым. Это продолжалось целую жизнь, или единственное мгновение, Карина не могла себе сказать, а потом она шагнула на бежевый ковер.

На какую-то секунду она побоялась дальше двинуться и что-

нибудь сделать, а потом вспомнила, что надо дышать. На пробу, воздух был приятным.

На нее смотрела Эмили, моргая.

— Ты в порядке? — натянутым голосом прошептала Карина.

Эмили шевельнулась:

— Я знаю!

— Что знаешь, Эмили?

— Мам, я знаю, знаю! Я — храбрая принцесса. Как в комиксе.

Карина облегченно выдохнула и обняла ее. По какой-то причине ей захотелось расплакаться.

Они стояли в фойе. Вокруг нее были люди, как мужчины, так и женщины. Перед нею стеклянная стена охраняла конференц-зал с длинным столом и соответствующими стульями; а за ним — через окно, высотою от пола до потолка, открывался вид сверху на вечерний город, освещенный электрическими огнями. Они, должно быть, находились на двадцатом этаже.

Они удрали, осознала Карина.

В ее голове все еще горели те извергающие огонь и пепел тела. Кем, черт побери, был Артур? Кем все они были?

— Нам тут не следовало бы быть, — рядом с нею произнес дрожащим от тревоги голосом Генри. — Это не правильно.

Зарычала позади женщина:

— Гребаная «потрошительница» забросила нас не на ту базу.

Мягкий глухой звук заставил Карину обернуться. Лукас рухнул на ковер, а Даниель пытался его поднять. Глаза Лукаса были закрыты. Он выглядел таким бледным, так что его кожа обрела чуть не зеленоватый оттенок.

Она поставила Эмили вниз и опустилась на колени, скользнув рукой по его лбу. Его кожа была холодной, немного липкой. Его корпус в области ребер налился кровью, и большая пурпурная гематома запятнала правую сторону живота. Похоже, он умирал. Тяжелый металлический аромат скатывался с него, такой густой, что она чуть не задохнулась. Он не просто испытывал голод по ее крови. Он умирал с голоду по ней, и ему было больно.

— Что не так?

— Слишком много яда, — сплевывая, сказал Даниель. — Ему не следовало так быстро входить в фазу атакующего варианта после предыдущего боя.

Из разреженного воздуха на ковер вышагнул Артур:

— С ним будет все прекрасно.

Лицо Даниеля перекосилось в гримасе, растянувшей его шрам. Он был похож на бешеного пса:

— Нам надо было эвакуироваться еще вчера. Ты его

перегрузил. Ты знал, что ему нужно, по крайней мере, две недели между фазами, но все равно рассчитывал на него, чтобы сохранить свою жопу, потому что знал — он сделает это. Смотри. Посмотри на него, Артур. Он умирает от яда.

Артур глянул на горизонт:

— Даниель, не сейчас. Где «потрошительница»?

— Ах ты, ебаная жопа!

Генри закрыл глаза, а потом открыл их:

— Ее нет в здании.

— Даниель, прекрати истерику и обыщи здание…

— Пошел ты!

— Не могли бы вы оба заткнуться? — произнес Лукас.

Его глаза все еще были закрыты. Его охватила дрожь. Он выгнул спину, его пятки были словно вкопаны в ковер, руки не сгибались, а массивное тело напряглось от боли.

«Идиоты», — подумала Карина и обхватила Лукаса руками, пытаясь его придержать, но это больше походило на попытку придержать быка:

— Нам нужно что-нибудь для его рта. Он размолотит себе зубы.

— В убежище, сейчас же, — огрызнулся Артур. — Поднимите его.

Люди столпились вокруг Лукаса, отметая ее в сторону. Он хлестался в конвульсиях, разбрасывая мужчин как тряпичные куклы. Они приподняли Лукаса и поволокли его по коридору.

Артур наклонился, схватил ее за локоть и потянул, заставляя встать на ноги:

— Идемте с нами…

— Моя дочь…

Пальцы Артура, как тиски, сжали руку Карины. Он потянул ее по коридору за скоплением людей, пытающихся переместить вперед извивающегося в конвульсиях Лукаса.

За нею бежала Эмили и кричала:

— Мама!

Карина отдернулась:

— Дайте я сама пойду! Вы ее пугаете!

— Вы хотите, чтобы ваша дочь жила? — спросил Артур.

— Да! — ответила Карина с единственной мыслью: «Ублюдок».

— Тогда делайте, что вам говорят.

Они были уже почти в конце туннеля. Что-то тяжелое распахнулось, издавая металлический звук. Карина мельком уловила стоящую приоткрытой огромную дверь убежища. Люди, несущие Лукаса, нырнули в круглое отверстие и отделились. И

Карина увидела помещение за дверью. Оно было большим, а свет флуоресцентных ламп отражался от металлического пола и стен.

Они поместят ее в убежище с ним. Лукасу было так больно, что он бился в конвульсиях. Ему требовалась ее кровь, и он распорол бы Карину на кусочки, чтобы получить ее. Если она пересечет этот порог, то умрет.

— Мама!

Карина уперлась каблуками:

— Эмили!

Генри поднял Эмили:

— Все хорошо, малыш.

— Вы согласились с условиями контракта, — сказал Артур. — Пришло время его выполнять. Пройдите туда и сделайте все, что придется для того, чтобы он остался живым.

Если она не войдет, тогда они кинут ее туда. Она услышала это в голосе Артура.

Карина выдернула руку из его руки:

— Генри, позаботьтесь о моей малышке.

— Обещаю, — сказал он.

Карина сделала глубокий вдох и прошла вовнутрь.

— Только без резких движений, — воззвал к ней Генри.

Дверь позади нее с лязгом закрылась.

Глава 8

Лукас клубком свернулся на полу. Боль вымывалась изнутри его спинного мозга, будто кто-то выскабливал его позвоночник стальным посудомоечным скребком. И растягивалась тугими струнами, проходя через связки, накапливаясь в суставах, кончиках пальцев и под языком. Он чувствовал боль в зубах. Боль перемалывала его как попавшее между жерновов зернышко пшеницы.

Его уши уловили звук приближающихся шагов.

С большим усилием он открыл глаза.

Карина опустилась на колени рядом с ним. Он вдохнул ее запах и почувствовал внутри себя искру глубокого, сердитого голода. Она тянула его как магнит. Его тело кричало об ее крови и конце боли. Ворваться в нее было бы блаженством.

Она закатила рукав. Ее губы сжались.

Ему нужно было сейчас сказать. Было больно, он устал, но все-таки ему удалось:

— Не надо.

— Артур сказал, что ты должен подпитаться.

— Артур больной хрен. Я тебе это говорил.

— Я по запаху вижу, — сказала она, — что тебе нужно подпитаться.

— Если я сейчас подпитаюсь, то ты умрешь.

— А если нет, то умрешь ты, а тогда они убьют Эмили.

Ах. На секунду ему показалось, что она чувствует к нему жалость, но — нет.

— Никто не дотронется до Эмили. И я не умираю. Мне просто больно.

— Ты ужасно выглядишь.

Он услышал мягкую нотку в ее голосе. Несмотря ни на что, ей чуточку было не все равно. Он примет это. Это было что-то большее, чем он обычно от кого-либо получал.

Она не отпрянула, когда он вступал в фазу. Ее колени дрожали, но она не вздрогнула. За это он был ей благодарен.

Карина смахнула сажу с его лица, и с лаской в глазах и добротой в голосе произнесла:

— Не будь идиотом, Лукас. Подпитайся. Это заставит тебя почувствовать себя получше.

— Боль не смертельная. Она пройдет. А вскоре тебе понадобится вся твоя кровь.

Она отдернулась:

— Что это значит?

— У тебя есть жар?

— Да.

— Усталость?

— Да. Лукас, что со мною происходит?

Он рассказал ей почти всю правду.

— Я тебе говорил, что ты реагируешь на мой яд.

Боль глубоко зарылась в основании его позвоночного столба. Лукас заставил себя повернуться, пытаясь сдвинуть собственную тяжесть, и боль взорвалась ослепительно-белой, цепенящей сознание дымкой, которая скрутила его конечности. Словно от коронного удара суперзвезды в челюсть он вырубился.

Когда он очнулся, повсюду был ее запах. Внутри Лукаса шевелился требующий своего голод. Он стиснул зубы и почувствовал легкое прикосновение к щеке. Его глаза мгновенно открылись. Рядом с ним сидела Карина, ее спина опиралась о стену.

— Как долго я был в отключке?

— Может минуту, или две.

— В следующий раз попытайся засечь. Мне нужно знать, не становятся ли они короче.

— Есть что-нибудь еще, что я могу сделать?

На него накатила боль:

— Говори со мной.

— О чем?

— Ты никогда не говорила мне, почему именно Эмили запасается едой.

Она вздохнула и смахнула коричневый пучок волос со своего лица.

— Это случилось после смерти Джонатана.

— Твоего мужа?

— Да. Мне не хочется говорить об этом.

— Почему?

Она встретилась с его внимательным взглядом:

— Потому что тогда ты всякое узнаешь обо мне.

— А это было бы нехорошо? — спросил Лукас.

— Да.

Теперь он еще больше хотел знать.

— А это больно быть зверем? — спросила она.

— Нет. Вхождение в фазу — это как быть супергероем. Я — быстрее, сильнее. Все становится отчетливей. Без последствий. Я могу позволить себе не быть на поводу. Но вырабатываемый в атакующем варианте яд токсичен для фазы моего человеческого варианта. Превращение назад в человека — вот это сука.

Небольшая дрожь прошлась по его ногам. Лукас хрюкнул и

закрыл глаза, пытаясь перебороть боль.

— Как долго мы будем здесь заперты?

— Сколько я протяну. Часы. Артур пытается меня сохранить. Я являюсь активом, редким и трудно заменимым. Нам не следовало сюда попадать, в это здание, — слова медленно выходили из него. — Эта база не безопасная. Мы арендуем здесь пять этажей. Мы не владеем строениями и не контролируем доступ сюда.

Карина нагнулась, чтобы поближе рассмотреть его глаза. На ее щеках и лбу отмечались небольшие красные розетки. Приближалась ее собственная трансформация. Вот дерьмо. Он надеялся, что это произойдет с ней в какой-нибудь другой день. Он не хотел, чтобы она входила в фазу здесь, в убежище, без медицинской помощи, без успокаивающего ее Генри. Она могла умереть, а он хотел, чтобы она жила. Ему надо было быстрее восстанавливаться.

«*Восстанавливайся,* — мысленно заставил себя Лукас, — *восстанавливайся*».

Белым взрывом разразилась боль и утащила его.

Когда свет угаснул, он услышал ее успокаивающий голос, спокойный и теплый. Словно откидывающий назад в теплое джакузи, пропитывающее тело, пока рядышком плавала *она*.

— … встретились в колледже. Джонатан был красивым. Забавным. Его отец был финансовым директором в «Драйверз компани». Это большая страховая компания на Югозападе. Брайан со всей сознательностью возился над его внешним видом. Костюмы от «Брукс бразерз», дорогие часы, новехонькая БМВ через каждую парочку лет. Джонатан появился у них с Линдой, когда они уже были далеко не молоды, им было лет за сорок. Все, что ни делал Джонатан, было правильным. Он был их золотым ребенком. Хорош в спорте, хорош на академическом поприще. Он был добродушным и очаровательным. Сын — само совершенство.

Она прислонила голову к стене. Он передвинулся к ней ближе и положил затылок на ее щиколотках. Она позволила ему это сделать. Отсюда он мог видеть ее лицо. Он мог дотронуться до ее руки. Лукас закрыл глаза и позволил себе утонуть в ее голосе.

— Все и всегда шло так, как того хотел Джонатан. Когда я была юной, мне доводилось смотреть какой-то мультик. Две мышки жили в лаборатории, и одна была очень сообразительной, а другая была тупоголовая. Так вот, каждую ночь тупая мышка, Пинки, спрашивал у сообразительной мышки: «И что мы собираемся сегодня делать, Брейн?». А Брейн отвечал: «Попытаемся завладеть миром!». И Пинки аж весь возбуждался.

Видишь, Брейн был серьезным. Он пытался завладеть миром. Но для Пинки это все была большая игра. Вот таким вот был и Джонатан. Весь мир для него был огромной игровой площадкой, и каждый день он играл в его завоевание. Иногда он был атлетом; в другие дни он был студентом. Когда мы встретились, он заканчивал магистратуру по деловому администрированию, а я училась на бакалаврате по бухгалтерскому учету. Мои родители погибли в автомобильной аварии, когда я была выпускницей в школе. Мне только-только стукнуло восемнадцать, когда они ушли.

— Сожалею, — сказал Лукас, и ему действительно было жаль.

— Спасибо. Они оставили мне достаточно денег для того, чтобы пройти через колледж, но мне приходилось работать, чтобы себя прокормить. Перед тем, как они умерли, я хотела поступить на историю искусства, — она издала горький смешок, еле слышно. — Я хотела быть оценщиком произведений изобразительного искусства. Ну знаешь, человек, который проверяет произведения для аукционов и музеев, чтобы определить их аутентичность. Я всегда думала, что это было бы так в аккурат. Но потом я совладала с собой, и вместо этого ушла в бухгалтерию. Это казалось… благоразумней. Я пыталась быть благоразумной. Иметь какую-то основательность. А потом в мой мир, как комета, ворвался Джонатан. Все, что бы он ни делал, казалось захватывающим. Он все делал как в шутку. Его родители всегда были со мной формальными. Не думаю, что они даже понимали, почему я ему нравлюсь, но раз уж Джонатан выбрал меня, то он неправильного бы сделать не смог.

Лукасу очень захотелось убить Джонатана.

— Сперва все было просто великолепно. Связи отца Джонатана дали ему возможность занять должность в частной акционерной компании. В течение дня он должен был играть роль бизнесмена, а в течение ночи — играть роль мужа. А потом родилась Эмили. Ну, ты ее уже видел.

— Она хорошенькая, — сказал Лукас.

— Конечно. Джонатан ее любил. Это была еще одна, новая игра: быть папой. Ему приходилось выставлять ее напоказ, словно милого чистокровного щенка, — она снова вздохнула. — Мне следовало увидеть это тогда. Во всяком случае, все было великолепно несколько лет, а затем — обвал экономики. Внезапно — это уже была не шутка.

— Партия была завершена, — догадался Лукас.

— Да. Джонатану довелось начинать работать ради выживания и тянуть лямку, или же фирма его сократит. Я тоже работала, и мы делали все правильно, но нам пришлось

ограничивать наши излишества, а Джонатан не хотел увязать в рутине. У нас происходили самые глупые разговоры. Он не мог понять, почему это ему нельзя выбросить тридцать штук на членство в загородном клубе. Будто бы его мозг не мог усвоить понятие бюджета. Я хочу сказать, что человек имел магистерскую степень по бизнес-менеджменту, а такое громко и во всеуслышание заявлял, — голос Карины слишком высоко поднялся, и она смолкла.

— И что случилось? — подтолкнул Лукас к продолжению.

— В конце концов, он решил, что устал играться с нами. Он начал присылать мне эти нудные, сумбурные электронные письма о том, каким он себя чувствовал подавленным и несчастным, и о том, что ему надо найти себя. Он говорил, что ему хочется жить полной жизнью. Найти «изюминку» в жизни. Сначала это вызывало у меня заботу, потом я подумала, что он придуривается, но — нет. Не было похоже на то, что мы когда-либо были близки к банкротству. Мы просто больше не могли делать захватывающих вещей, ну, вроде заказа шампанского для целого бара. Я предложила ему шевелиться; он не захотел этого делать. Всякое решение, которое я предлагала, не было достаточно хорошим. Он мучил меня подобным образом около четырех месяцев. В конце концов, мне все стало по-барабану. Возможно, мне бы следовало с большим упорством бороться, но я не могла забыть одного звонка подруги, рассказавшей мне, как она видела Джонатана без меня, у нее на офисной вечеринке. И ты знаешь, о чем я подумала? — она сделала паузу. Ее темные глаза были огромными на ее хорошеньком лице: — Я подумала: «Хорошо. Может он встретит кого-нибудь, и я смогу развестись с ним». Это ужасная вещь, так думать о своем муже. Вот тогда-то я и поняла, что брак закончился. Мы покатились по наклонной плоскости, но, кроме того, была Эмили. Как ты объяснишь четырехлетнему ребенку, что папа больше не хочет ее, потому что ему нужно найти себя? Так что я поговорила с его родителями. Я думала, может хоть они втолкуют ему что-нибудь разумное.

Лукас скорчился в гримасе.

— Ты говорила, что он мог делать все только правильно.

— Да, это было глупо, но я была в отчаянии. Они перезвонили ему, чтобы поговорить по душам. В конце недели Джонатан вытянул меня на ужин. Я знала, что-то произошло, но не знала что. Это было не свидание. Он сказал мне, что подал на развод. У него нет проблем с выплатой мне алиментов, и я могла сохранить все свои родительские права.

По ее лицу прошла тень. Внезапно, она показалась маленькой.

— Мы были в авто, собираясь забрать Эмили из детского сада. Спорили о его великодушии относительно моих «родительских прав», — в ее голосе возникли капли горести. — Он хотел все бросить и остаться покинутым. Я настаивала, что Эмили нужен отец, и он не может так просто сорваться. Он был безумен. Он сказал, что у каждого есть право на счастье. Он хотел быть свободным от меня и Эмили, но не хотел, чтобы его судили за это. А потом, в полной неожиданности, он потерял сознание. Как будто кто-то щелкнул выключателем. Мы вырвались на встречную полосу движения. Я помню свет фар. И проснулась в больнице.

Она почувствовала гробовую тишину и продолжила:

— У него был удар, — под конец сказала Карина ровным голосом. — У него была фибромускулярная дисплазия. Никто не знал. Он был здоровым как лошадь, играл в ракетбол, а потом — просто умер. Это маленько выбило меня из колеи, но я оправилась. В больнице я была в течение двух недель. Эмили пришлось оставаться с его родителями. Они ее не кормили.

— Что?

— Брайан, отец Джонатана, всегда питался вне дома. Когда умер Джонатан, он все свое время проводил в загородном клубе. Он говорил, что это было способом справиться. Линде было за семьдесят. Ее коснулось слабоумие. Все, что она делала — целыми днями ела конфеты; но ни одной не давала Эмили, «а то у нее разрушатся зубы». Она забывала дать Эмили ланч, а когда вспоминала, что надо ее покормить, то либо пыталась приготовить и палила все, либо давала Эмили пищу, которая так долго пролежала в холодильнике, что была не только заплесневевшей, но и цветущей.

Она плакала, не от жалости, а от гнева. Не было слез, но он слышал их в голосе Карины, под прикрытием ровного тона.

— У них была наполненная орешками чаша, и Эмили рассказала мне, как делала вид, что засыпает, а затем украдкой их тащила. Когда я выбралась из больницы, она была на шесть фунтов легче. Как так, то она почти ничего не весила. Поэтому теперь ты знаешь, почему она запасается едой. Она была в ужасе, ее отец только что умер, ее мать была в больнице, а дедушка с бабушкой не кормили ее. Я уже говорила Артуру, что кроме меня у нее никого нет. Я подразумевала это. Нам не рады в этом доме. Они винят меня с Эмили в инсульте Джонатана. Мы сделали такой трудной его жизнь, что он умер для того, чтобы вырваться.

Красные розетки на ее лице становились темнее. Карина дотронулась рукой до своего лба и посмотрела на нее. Ее глаза расширились. Она потерла предплечье Лукаса:

— Это другая реакция на твой яд?

— Мм-хм, — хмыкнул он.

— Я рассказала тебе мою историю. Расскажи теперь мне свою. Так будет честно.

— Что ты хочешь узнать? — спросил он, гадая, что бы она подумала, если бы заглянула внутрь его сознания и увидела, как он душит ее мужа.

— Кто ты? Все вы. Кто вы в действительности? Мне нужно знать, что со мной происходит.

* * *

Она ему слишком многое наговорила, решила Карина. Настолько много, так что захотела за это получить взятку, задаток за информацию, которой он владел, по крайней мере, равноценный ее рассказу о том, что она сделала, и только потому, что он лежал рядом с ней, весь в синяках, избитый, окровавленный и испытывающий боль. Его надо было отвлечь, и у нее было достаточно сострадания, чтобы выложить это ему. Но она не собиралась изливать ему душу. Просто так получилось. Ему было больно, и хотя она намеревалась облегчить его страдания, он отказался подпитываться, потому что не хотел ей навредить. У него не было желания свою боль обменивать на ее боль. Наименьшее, что она могла сделать — говорить и отвлекать его.

Карина дотянулась и коснулась его руки. Его пальцы сомкнулись на ее пальцах. Лукас глянул на нее с удивлением. Теперь это у них было общее — они обоюдно относились с подозрением к любому проявлению доброты. Она не ожидала доброты вообще, тем более от него. Но она была аутсайдером. А он — не был.

— Тут нам еще не хватает наблюдающих за нами тех перепуганных женщин, — проговорил он ей.

— Это никогда не было для них. Это было все для тебя.

Она почти плакала и даже не могла понять почему. Это все стресс, сказала себе Карина. Травма от увиденной смерти сотен людей за один раз. И жар, который все продолжал повышаться. Когда она выдыхала, чувствовалось ее горячее дыхание. Ее кожа была сухой и слишком натянутой. А теперь еще были повсюду на руках кольца красных точек.

Карина никому прежде не рассказывала всю целиком

историю своего брака. «*Это все жар. Конечно же, он*», — подумала она.

Лукас смотрел на нее. Похожий на развалину, даже помятый, он выглядел громадным. Если бы неделю назад ей кто-нибудь сказал, что она будет замкнута в убежище с голым, окровавленным мужчиной, который изо всех сил пытался не поглотить ее, чтобы остановить боль, она бы позвонила в 911 и сообщила бы о бегущем в состоянии амока лунатике.

— Я собираюсь тебе рассказать свою историю, — сказал Лукас. Его голос пронзила усталость: — Ты можешь сама выбирать — верить или нет. Это может быть правдой или просто историей. На твой выбор.

— Окей.

Лукас закрыл глаза.

— Допустим, есть некая цивилизация. Могущественная страна. Она поглотила всю доступную территорию, но знает, что должна расширяться. Она должна продолжать внешний рост, или же будет загнивать и разрушаться. Эта цивилизация высылает колонистов для исследования новых территорий. Они находят плодородные земли и колонизируют их. Когда они добиваются успеха, то позволяют увянуть знаниям большой цивилизации. Небольшие колонии растут и процветают по-своему, а когда они в достаточной мере достигают развития, то вновь открывают свою материнскую цивилизацию и омолаживают ее при помощи своих уникальных достижений.

Он глянул на нее.

— Ну, хорошо, — сказала Карина. — Я могу себе представить, как такое могло произойти.

— Допустим, был найден новый остров для колонизации. Остров с обильной экосферой и богатыми ресурсами. Прежде, цивилизация уже много раз проделывала это, и они разработали протокол. Прибывают колониальные корабли, и колонисты создают тринадцать небольших поселений — «домов», по одному на каждый колониальный корабль.

Генетически, все поселенцы принадлежат к «базисному племени». Это очень стабильная порода людей, долгоживущих, устойчивых к заболеваниям, вооруженных превосходными механизмами ремонта ДНК для противодействия мутации. Чтобы успешно колонизировать новую среду, людские виды должны адаптироваться к ней. Для того чтобы облегчить эту адаптацию, большинство колонистов были подвергнуты ингибированию агентом, подавляющим их клеточный и ДНК ремонт, но также подавляющий уязвимость к местным вирусам.

— Они умышленно делали своих людей слабее? Какой в этом

смысл?

— Они хотят не просто колонию, — сказал Лукас. — Они хотят уникальную колонию, в совершенстве гармонизирующую с этим новым островом. Вот как цивилизация оберегает себя от стагнации. Для колонистов важна вспышка мутаций в будущих поколениях, и им нужен более короткий отрезок жизни и более быстрое половое созревание для передачи таких новых изменений своему потомству. Вот почему ученые производят эксперименты на мышах: они быстро размножаются и не очень долго живут. Более короткий отрезок жизни идет в ногу с более быстрой половозрелостью. Но это также приносит негативные антропогенные последствия: незрелость, неспособность передавать знания, потеря этики и культуры, и так далее. Эти последствия считались приемлемыми. Колонии приходилось развиваться по собственному усмотрению, так или иначе — без знаний о своем происхождении. Чем скорее люди забывали, тем было лучше. Для целей контроля оставлялась небольшая группа колонистов в качестве «базисного племени». Они жили в поселениях — «домах» и мониторили все происходящее. Ты со мной?

«Да, в некотором роде», — подумала Карина и сказала:

— Продолжай.

Мутации расцвели. Последовали преемственные поколения нескольких подвидов людей. У некоторых подвидов развились вариации — люди с подобной силой и физиологией. Подвид № 29 демонстрировал все адаптационные возможности, необходимые для выживания, но все его восемь типов вызывали беспокойство чувствительностью к нагреванию и тревожно низкой фертильностью. Подвид № 44, тип 3, продуцировал исключительно «ломщиков сознания», которые были склонными к сумасшествию.

— Это то, чем является Генри?

Лукас кивнул.

— Мы ведь говорим не об островах, не так ли?

— Некоторые говорят «острова», — сказал Лукас. — Некоторые говорят «планеты». Это просто рассказ.

«Ага, рассказ, правильно», — так и поверила Карина.

— Инопланетяне, — произнесла она, уставившись на него. — Ты пытаешься мне сказать, что все мы инопланетяне?

Лукас вздохнул.

— И ты могла бы так говорить. Ты также могла бы сказать, что как только планета сформировала нас и сплела наше ДНК, то теперь мы просто такие же туземцы, как и кто-нибудь еще.

— А как насчет подвида № 30? Как насчет тебя?

Глаза Лукаса зафиксировались на ней.

— Подвид № 30, типы с 1-го по 5-ый, иначе известные как «демоны». Ядовитый, плотоядный, хищный вариант человека, обладающий способностью радикально изменять свою морфологию. Они были мощными, агрессивными, охраняющими свою территорию, и они доминировали на отрезке нескольких сотен лет с момента происхождения, охотясь небольшими стаями, но эти подвиды не обладали продолжительной жизнеспособностью. Они были калеками, поскольку их тела не могли производить набор небольших молекул, необходимых для их выживания, так что им приходилось прибегать к каннибализму, поедая других людей для того, чтобы получить их.

— Каннибализм?

— На том отрезке времени различные подвиды людей обладали лишь зачаточным языком, и у них отсутствовала память, откуда они взялись, — сказал Лукас. — Ни этики, ни морали, ничего. Они формировали неоперившиеся общества, а «право силы» было законом. Если мне нужна твоя кровь, а в моем воспитании или жизненном опыте нету ничего, что бы говорило мне, что не следует так делать, почему бы я не убил тебя и не съел твою плоть? Быть хорошим парнем — это современная концепция.

Он был серьезен. Абсолютно серьезен.

— Мне продолжать? — спросил он.

— Да.

— Это продолжалось сотнями лет. Небольшие остававшиеся карманы «базисного племени», оригинальных колонистов, оставались в качестве группы контроля, тщательно все это документируя со своих «домов». Они не вмешивались. Они лишь каталогизировали то, что происходило.

Затем, неожиданно, на сцену выскочил подвид № 48. «Потрошители» обладали фатальной уязвимостью к раку, но также — способностью прорывать дыры в реальности, предоставляющие доступ к фрагментам измерений. Это была новая разработка, неизвестная ранее колонистам, и никто не знал, что с нею делать. Некоторые дома брали к себе детей «потрошителей» и, изучая их, ставили на ноги в пределах поселений.

Мутации расцветали, пока не возник наилучшим образом приспособленный один из подвидов. Он преуспевал почти в любом климате. Быстро воспроизводился, демонстрировал живость ума и показывал приличный уровень ремонта ДНК. Приблизительно через шесть тысяч планетарных циклов подвид № 61 был объявлен жизнеспособным. Колонисты выполнили свою

работу: они создали тип человека с наилучшими способностями, необходимыми для выживания. Теперь требовала поглощения природа. Всякая поддержка для других племен прекращалась, что было продиктовано «первоначальным мандатом». «*Аиль*» должны выжить. Подвид № 61 становился «*аиль*»: всем прочим нужно было умереть для того, чтобы освободить место.

— Подвид № 61. Люди, — догадалась Карина. — Мы.

— Нет, — сказал Лукас. — Они. Твои соседи, друзья. Но не ты.

Жар у Карины поднялся настолько высоко, что ее в одно и то же время морозило и плавило.

— Ты говоришь, что они — не я. Что ты имеешь в виду?

— Я к этому подхожу. Другие подвиды вымерли, пока подвид № 61 продолжал множиться и утверждаться на острове.

— Планете, — Карина не нуждалась в том, чтобы он продолжал относиться к ней как к ребенку.

— Планете, — согласился он. Колониальные города постепенно начали сворачивать свои технологии. Они позволили себе исчезнуть. Но в одном из городов произошло нарушение протокола, в результате чего подвид № 29, у которого были проблемы с нагреванием, сделал открытие, откуда они произошли.

— Что ты имеешь в виду?

Лукас вздохнул.

— Я имею в виду, что ученые из дома Маре ебанулись. Подвид № 29 произвел несколько необыкновенно умных детей. Внезапная вспышка рождаемости детей с интеллектом на уровне гениев была редкостной и странной, так что идиоты подумали, что было бы неплохой идеей изучать их дальше. Они извлекли этих детей и взрастили с полным знанием их истории в пределах Маре. Ну, дети подросли и решили, что не хотят кротко уходить в эту спокойную ночь, пока всякие другие проводят поглощение человечеством.

Произошел тихий переворот. Со временем его обнаружили, племя № 29 и ими плененный персонал скорректировали генетические недостатки. Теперь у них не было проблем с нагреванием, и они размножались как кролики. Они решили, что являются более жизнеспособными, чем племя № 61. Что они, а не люди, были «*аилем*». Что произошла ошибка, и они решили — ее нужно исправить. И что им предопределено завладеть Землей.

Теперь во всем этом был смысл, и Карина спросила:

— Они стали «ординаторами»?

— Да.

— Так дело в этом? Они тысячелетиями пытались нас

уничтожить?

— Более или менее. Они шли на войну, используя оригинальные технологии колонистов. Им противостояли другие города, которые были слабее с этой точки зрения и в результате процесса саморастворения, а поэтому собирающие людей из разных племен с боевым потенциалом. «Ординаторы» были разбиты, и были бы стерты, если бы не то, что они приобрели «потрошителей» и начали проскакивать во фрагменты измерений. Со временем так сделали и мы.

Племя № 61, люди «*ашль*», воспроизводилось слишком быстро, и их численность росла слишком большими темпами. Они видели нас и принялись формировать религию и фольклор. Нам пришлось исчезнуть.

— Так вот в чем дело, — произнесла Карина.

Он кивнул.

— Такие люди как я держали «ординаторов» в загоне чуть больше тридцати тысячи лет. Они случайно прорывались при помощи нового оружия. Иногда это был вирус, убивающий продовольственные запасы. Иногда — бубонная чума. Иногда они находят способ пересмыкивать климат. Проблема в том, что «ординаторы» размножаются быстрее нас, они лучше организованы и их работа легче: разрушать что-то значительно проще, чем защищать.

Было тринадцать домов, по одному на каждое место посадки. У «ординаторов» был один дом — дом Маре. Вероятно, их численность находится где-то между одной и двумя сотнями тысяч. Мы являемся солдатами остальных двенадцати домов. Нас, может быть наберется пятьдесят тысяч. Вместо того чтобы вымирать предначертанным образом, мы скрещиваемся, и у нас получаются дети, обладающие таинственными силами. Это планета, где все шло неправильно. И чем ближе человечество продвигается к межзвездным космическим полетам, тем «ординаторы» становятся отчаянней, потому что как только мы воссоединимся с корневой цивилизацией — для них все кончится. Они отказались от первоначального мандата, и будут уничтожены. Они атакуют при помощи всего, что у них есть, и мы проигрываем в этой борьбе.

Карина уставилась на него:

— И куда это я только вляпалась?

Он взял ее руку и нежно сжал:

— Ты знаешь, почему мои люди вымирают?

— Потому что обладают ядом, который их отравляет? — спросила Карина.

— Именно. Но также, потому что колонисты сделали такого

рода проектирование. Было решено, что если нам будет разрешено существовать, то мы уничтожим другие подвиды, а потом вымрем до того, как будет достигнут необходимый уровень медицинской изощренности для исправления нашего дефекта. Они травили нас, почти полностью стирая целые виды. Они были правы, даже сейчас синтетические заменители — это просто как лейкопластырь. Смотри, если бы мы смогли преодолеть этот гандикап, то они бы еще позволили нам убивать всех, но проблема в том, что только один очень специфический подвид производит необходимые нам гормоны. «Базисное племя». «Доноры». Те, от кого мы все произошли.

Она выдернула свою руку:

— Ты имеешь в виду, что я являюсь потомком первоначальных колонистов?

— Да.

— Это не возможно.

— Так и есть. Твой тип имеет в высшей степени стабильный геном.

— Но мои родители были нормальными людьми!

— Они могли и не знать, кем были. Может быть, только один из них был «донором». «Донор» и подвид № 61 произведут донорское потомство.

— А что насчет этого? — она выставила свои руки, испещренные ярко-красным цветом. — Объясни это!

Лукас принял сидячее положение:

— Когда я напитывался тобой, в твое кровообращение поступил мутационный агент. У нормальных людей такой мутационный агент слабо проявляется через многие поколения. Но я являюсь носителем почти полной дозы, и во время подпитки я тебе ее дал. Ты меняешься.

— Во что?

— Я не знаю. Я не знаю, что находится в твоем ДНК кроме генов «донора». Мутационный агент является ингибитором. Он избавит твое тело от внутренних тормозов, сделает короткое замыкание в ремонте твоего ДНК. И позволит тебе развиться во что-то, что уже есть в твоем генотипе, обретенное сквозь века скрещиваний с различными человеческими подвидами, но подавляемое. Ты можешь остаться подвидом № 61, но я сомневаюсь в этом. Шансы есть, но вместо этого, скорее всего, будет один из наших подвидов.

Они отобрали у нее свободу, дом, достоинство, а теперь они отнимали и ее тело.

— Нет! Нет, со мной происходит не это! Не хочу и не буду! Ты слышишь меня?

Карина поднялась на ноги. Она справилась с двумя шагами. По ее костям прострелила боль. Она вскрикнула. Весь мир стал красным, и она рухнула на пол.

* * *

Было больно. Болело сильнее, чем любая боль, которую она могла вспомнить. Сначала она просила, потом молила, затем кричала и выла, со всей силой закрывая глаза, открывая их опять, чтобы мельком увидеть лицо Лукаса в жестком освещении убежища и снова утонуть в еще большей боли. Если бы только она смогла полностью отключиться и покончить с ней, но нет, в каждую ее попытку он встряхивал ее, возвращая назад туда, где размещалась боль.

— Давай, останься со мной. Очнись. Избавься от этого.

— Оставь меня в покое, — прорычала она.

— Ты отключаешься, умираешь. Давай. Останься со мной.

— Я тебя ненавижу! Это ты сделал такое со мной!

— Правильно, — прорычала прямо сзади Лукас. — Ненавидь меня. Борись со мной. Не засыпай. Если умрешь, Эмили останется одна. Ты ведь не хочешь оставить свою дочь на такую задницу как я.

Ей просто хотелось, чтобы эта пытка была остановлена.

Карину закачала другая схватка агонии. Когда ей пришел конец, она была настолько уставшей, что едва могла дышать.

— Та другая женщина… — прошептала Карина. Чувствовалось, что она так заставляла выйти из себя слова, словно пыталась проглотить стекло: — Ей тоже пришлось пройти через это?

— Да.

— Вы ее тоже похитили?

— Нет, — Лукас сгреб ее ближе, удерживая напротив себя. — Она была одной из нас. Ее семья была «донорами» Дарьона.

— Ей тоже было больно?

— Да.

Глаза Лукаса были такими темными, что казались почти карими.

— Расскажи мне о ней, — она не была уверена, что ей хочется знать, но попросила.

— Она была очень умной. И с виду была красивой. Такой изящной, хрупкой, элегантной.

— Выходит, не такая как я?

Никто не называл Карину хрупкой. Или элегантной, или типа того.

— Совершенно другая, — спокойно уверил ее Лукас.

Калечащим спазмом ее прожгла агония.

— Почему это звучит как комплимент?

— Потому что она только выглядела красиво. В нашем мире никто не обладает такой роскошью как безделье, — сказал он. — У каждого есть какая-нибудь функция. Я — защищаю. Кто-то другой занимается надзором над добычей. Кто-то еще — следит за акциями и финансами. У семьи Галатеи была одна функция: обеспечивать дом «базисным племенем». За это им давали укрытие, кормили и защищали. Галатея и дня не проработала в жизни.

— Должно быть хорошо, — прошептала Карина.

— Она так не думала. Ей захотелось получить мутирующий агент.

— Она этого захотела? Почему?

— Власть, — сказал Лукас. — Она думала, что она будет награждена чем-то большим донорства и станет свободной от меня. Ее отец был моим первым «донором». Она не предполагала, что останется одна, но он умер, и ей пришлось занять его место. Она думала, что я — животное. Она была убеждена, что как только я подпитаюсь, то она станет «потрошителем» и сможет использовать это как рычаг, чтобы освободиться от меня.

— И чем она стала?

— «Электриком». Она чувствует электрические потоки. Это обыкновенные подвиды. Из них вышли многие технари.

— У-ох, — Карина справилась. Ее губы сделались такими сухими, но тут не было воды: — Дай догадаюсь: это была твоя вина, правильно?

Он кивнул.

— Это была вина всех. Ей приходилось кричать и кидаться в припадках, а потом она захотела трахаться, и ей захотелось, чтобы я упрашивал ее об этом. Я был молодым и глупым. Она была старше, умнее и красивая.

Карина подняла свою руку и дотронулась до его изможденного лица.

— Ты любил ее.

— Да. И я был так ошеломлен, я думал, что этого было достаточно. Вот почему я позволил всему так далеко зайти. Однажды она сказала мне, что мы, дом, украли ее жизнь. Она хотела бродить по улицам Лондона, посещать «Тейт Модерн», ходить на концерты в «Альберт-холл». Я предложил взять ее туда.

Она сказала, что это будет не то. Мое присутствие отравило бы для нее Лондон.

— Она звучит как прелесть, — совладала с собой Карина.

— Вот такой я, — сказал Лукас. — Без иллюзий. Жизнь со мною трудная, но она устроила персональный ад и для меня, и себя. Не я первый начинал заниматься сексом, но покончил с ним я. В течение четырех лет занимался этим, а когда мне стукнуло двадцать два, я решил, что хватит. Перешел на синтетику и сказал Артуру, чтобы он нашел ей какое-нибудь другое место. Он перевел ее команду по техническим работам. Она попыталась зарезать меня ножом, когда узнала об этом. Галатея никогда не любила держать руки в грязи. Через три месяца, во время атаки, она исчезла. Следующий раз, когда Генри почувствовал ее присутствие, был во время столкновения с «ординаторами».

— Она предала вас.

— Да, предала, — сказал Лукас, аккуратно пододвигая ее. — А теперь ты знаешь всю историю.

— Ты скучаешь за ней? — спросила она.

Он присмотрелся к ее лицу.

— Как ты узнала?

— Я скучаю по мужу, — прошептала она. — И знаешь, я не виню тебя.

— За что?

— За все. За мотель, за подпитку, за это, — Карина попыталась проглотить боль, но она осталась. Она бы сделала это. Она смогла бы почувствовать приседающую просто в двух футах от нее смерть: — Лукас, ты не плохой человек. Ты и понятия не имеешь, насколько ты страшен, но являешься добрым и терпеливым. Если бы все было по-другому… Все должно было начаться правильно… И мы так просто не можем, потому что я никогда не буду для тебя больше, чем рабыня, а ты всегда будешь мною владеть. Пожалуйста, позаботься об Эмили ради меня. Не позволяй никому ей делать больно. Она великолепный ребенок.

Он не отвечал. Он просто ее держал.

* * *

Карина медленно просыпалась. Боль внутри нее постепенно спадала, подобно отступающему потоку, который сражался за каждый шаг своего отступления.

Она открыла глаза и увидела шею Лукаса. Лицо Карины

зарылось в ней.

Он сидел коленями на полу, глядя вверх. Его руки ее обнимали.

Ее голос задрожал:

— Почему ты меня держишь?

Лукас повернулся, чтобы посмотреть на нее. Его лицо было слишком близко возле ее лица.

— Я не хочу, чтобы ты умирала на полу в одиночестве.

Она наговорила. Всяких глупостей. Может быть, это был сон. Его глаза уверили ее, что это не было сном.

— Пожалуйста, опусти меня.

Он медленно выпустил ее. Карина выскользнула на колени и неуклюже села на полу. Ее ноги немножко тряслись. Она почувствовала себя легкой, такой легкой и холодной.

— Мое изменение закончилось?

— Да, — сказал он.

Она выжила.

— Я не чувствую никакой разницы.

— Изменения не всегда очевидные. Рано или поздно — что-нибудь перещелкнется.

Он опять смотрел вверх. Она тоже взглянула и увидела на потолке монитор. Он показывал пустой коридор.

Мужчина в черной одежде промчался по коридору, размахивая автоматом, и спрятался за стеной.

— На нас напали, — сказал Лукас. Его голос был спокойный, почти как обычно.

— Как такое стало возможным?

Эмили. Она у Генри. Если на них была произведена атака, то ее дочь может быть в опасности.

По экрану промелькнуло больше людей.

— Скорее всего, «потрошитель» является кротом «ординаторов», — сказал Лукас. — Мы должны были уйти на ранчо в Монтане — таков наш маршрут эвакуации с той базы. Вместо этого мы находимся в Детройте. Это здание почти заброшено, действуют только три нижних этажа и пять верхних — те, которые наши. Корпуса, находящиеся в радиусе одной мили вокруг него являются покинутыми. Мы сидим здесь на мушке.

— Почему Артур не эвакуирует нас?

— Я не знаю, — сказал Лукас. — «Ординаторы», похоже, заблокировали все выходы. Мы попали в ловушку, — его лицо было темным: — Самое лучшее для нас — оставаться тут.

Нет. Нет, ей надо было идти искать Эмили.

— Почему?

— Я на пределе. В нормальной ситуации я бы накачался

препаратами и заснул бы на последующие два-три дня, до тех пор, пока мое тело не пришло бы к согласию с вырабатываемым мной ядом. Я едва могу держать тебя. По всей вероятности, Артур послал за подкреплением. Убежище прочное и должно открываться только изнутри. У них уйдет несколько часов на то, чтобы пройти через дверь, так что, похоже, они не будут заморачиваться с нами немедленно. За то время, пока они будут находиться вокруг да около, должно подойти подкрепление. Лучшая ставка для нас — оставаться здесь и выжидать. Вероятно, мы умрем все равно, но здесь у нас больше шансов. Особенно, если будем вести себя тихо.

— Тебе придется выпустить меня.

Он посмотрел на нее, очевидно, пытаясь решить, не сошла ли она с ума. Она должна была убедить его, что находится в своем уме.

— Эмили у Генри, — сказала Карина. — Она где-то там снаружи.

Снаружи, в заброшенном здании, полном людей со стволами и только богу известно с какого рода таинственными силами.

Лукас смотрел на нее в течение довольно-таки длительного момента времени.

— Лукас, я должна найти ее. Ты не обязан идти со мной. Все, о чем я прошу, чтобы ты мне помог открыть дверь, потому что я не знаю как. Я сама ее найду.

* * *

Лукас посмотрел на дверь. Если бы они открыли убежище, тогда он бы вышел из него мертвецом. Она стояла перед ним, с огромными глазами, наполненными тревогой. Она просто хотела свою маленькую девочку назад, и не понимала, как далеко его унесло или как много врагов они встретят лицом к лицу.

Все умирают, размышлял Лукас. Всю свою жизнь он был эгоистичным ублюдком. Если бы он вышел за эту дверь и погиб, помогая найти ее ребенка, то по крайней мере умер хотя бы за что-то стоящее, а не съежившись в убежище как собака, ожидающая, что ее пристрелят.

И ей нельзя выходить туда одной. Она будет мертвой через пару минут.

Он вздохнул, поднялся и подошел к стене. Карина стиснула руки. Она не могла по его лицу прочитать, что он задумал. Он

коснулся стены и из нее выдвинулась секция, выявляя цифровую клавиатуру и небольшой спикер. Его пальцы заиграли по клавиатуре.

— Кузен? — мягко произнес Лукас.

Слабое статическое шипение раздалось из стены, затем прошел слабый голос Генри:

— Лукас. Красный, серый, семь, пришпилен.

Лукас скривился:

— Маленькая девочка с тобой?

— Да. Черный.

— На сколько плохо?

— Буду жить.

— Не двигайся. Я собираюсь до вас добраться.

— Это неразумно, — сказал Генри.

Лукас задвинул панель назад на свое место.

— Он двумя этажами ниже нас. Его подстрелили. С Эмили все в порядке; он поддерживает ее. Он не может передвигаться, потому что слишком опасно, и он прикрывается, чтобы его труднее было найти. Но рано или поздно они определят его местоположение. С того момента, как только ты и я покинем это убежище, мы должны будем бороться за выживание. Помнишь, как ты пыталась меня зарезать своим ножом?

— Да.

— Найди в себе эту женщину и будь ею.

Он не имел и понятия, как старательно она скрывала эту женщину, и с какой готовностью она бы выпустила ее.

— Не двигайся.

Лукас прошел к двери убежища, вбил комбинацию в маленькую цифровую панель и повернул колесо в центре двери. Что-то внутри двери лязгнуло. Лукас переместился вбок. С мягким шипением дверь распахнулась, и Карина вытаращилась прямо на мужчину с огнестрельным оружием.

— Руки вверх!

Она не двинулась. Ствол автомата сверкнул в ее сторону, черный и большой, подобный раскрытому рту пушки.

— Я сказал руки вверх!

Лукас кивнул ей. Карина подняла руки.

— Подвид? — потребовал мужчина.

— Я — «донор», — сказала она.

Глаза мужчины расширились.

— Встань и подойди ко мне.

Лукас затряс головой.

— Я не могу, — сказала Карина, сохраняя монотонность голоса. — Я больная. И не могу идти.

Мужчина двинулся в убежище, по шагу, осторожно, с направленным на нее оружием. Он сделал три шага внутрь. Лукас сделал выпад, так быстро, что Карина едва смогла заметить это. Его руки замкнулись на шее человека. Хрустнули позвонки, и мужчина безвольно обвис, опускаясь на пол.

Неделей раньше Карина бы закричала. Теперь же она просто поднялась и подбежала к телу.

Лукас шатался и, прислонившись к стене, подталкивал себя в вертикальное положение. Он не шутил. Он действительно был на пределе.

Карина присела возле тела и начала лазить по карманам мужчины.

— Я и сама могу это сделать.

— Да-да, — Лукас подобрал автомат мужчины и вручил ей. — Поосторожней тут, — он щелкнул маленьким переключателем, — наведи и спускай курок. Инстинкт будет говорить тебе — принять решение. Не надо. Считай в голове до трех и спускай курок. Короткими очередями.

Карина взяла оружие и взвела его. Оно было тяжелое, как цементный блок.

— Ты ведь понимаешь, что я могу тебя этим убить.

Она не хотела этого говорить. Оно само выскочило.

— Да, — сказал он, повернулся к ней спиной и вышел из убежища.

У двери лежали джинсы и толстовка. Лукас натянул одежду и пустился по коридору. Она последовала за ним. Он передвигался как кот, беззвучно на босых ногах.

Они пришли в конец коридора. Лукас прислонился к стене, выглянул за угол и посмотрел на нее:

— Наводишь и тянешь на себя курок, — прошептал он.

— Считаю до трех, — прошептала она в ответ.

Он кивнул.

В конце коридора были люди. Люди, которых ей надо было убить. «*Мы или они*», — пронеслось в голове. Убить или быть убитыми.

Карина сделала глубокий вдох, шагнула в коридор и нажала на курок. Оружие затрещало как гром. Пули пропороли четыре отдаленные тени. Она думала, что там будет море крови, но нет. Они только дернулись и с криками ушли вниз. На другом длинном дыхании она загнала пули в тела и пошла. Рядом с нею двигался Лукас.

Это была проверка, поняла она. Ему надо было знать, мог ли он положиться на нее. Ну, мог. Она бы всех поубивала, только чтобы добраться до Эмили.

— Что случилось с пропусканием «на счет три»?

— Их было там четверо, — сказала она. Фильмы и книги говорили ей, что теперь ее должно вырвать, но она не чувствовала тошноту. У нее во рту пересохло. Вероятно, она поразит ее позже, но сейчас имела значение только Эмили: — Я решила убрать две дополнительные секунды.

* * *

Карина следовала за Лукасом по темным проходам настолько быстро, насколько могла. Она выжимала все, что имелось в ее истощенном теле. Теперь, когда пронеслась первая вспышка адреналина, пришла усталость. Она не шла, а волочилась вперед, стреляла, когда стрелял Лукас, останавливалась, когда останавливался он. Только каждый последующий шаг имел значение, и она, скрипя зубами, справлялась вновь и вновь.

Так они добрались до небольшой двери. Лукас вбил код в замок, дверь с треском открылась и они прошли на бетонную площадку. Лукас что-то ввел в кодовый замок, и светящийся квадратик в его углу покраснел.

— Отдыхаем, — сказал он. — Две минуты.

Карина опустилась вниз на бетон, а он растянулся рядом с ней. Жесткий пол был похожим на небеса.

— Почему ты помогаешь мне?

Его голос был тихим рычанием:

— Потому что ты нравишься мне. И твоя маленькая девочка.

Она закрыла глаза, ощущая под щекой холодный бетон. Это было не так. Лукас заглаживал свои прошлые грехи, но все это было не то, также. Она знала правильный ответ. Она могла прочитать его на измученном лице. Он хотел спасти ее, потому что очень желал, чтобы она перестала вздрагивать, когда смотрела на него.

— Спасибо, — сказала она ему. — Спасибо за помощь.

— Пора вставать, — сказал он и поднялся.

Она вскрикнула, когда он потянул ее с пола, и последовала за ним вниз по ступенькам. Странное ощущение охватило ее, словно некий родник, который был зажат внутри нее, теперь просился на выход. Она споткнулась, и это ощущение исчезло.

Один этаж. Площадка. Они были на полпути к следующему пролету ступенек, когда внизу распахнулась дверь.

Какое-то ледяное присутствие сжало ее сознание жесткими

тисками. Оно отключало ее, заманивая в ловушку. Она не могла двинуться, не могла говорить. Время медленно ползло.

Дверь продолжала открываться, все шире и шире. Она видела, что находится за ней; видела вооруженных людей, которые высыпались на площадку. Она знала, что нужно стрелять. Но вместо этого просто стояла тут, отсоединенная от своего тела.

А затем Лукас толкнул ее вниз и забрызгал площадку пулями.

То самое присутствие захватило ее сознание и сжало. Она не могла даже закричать.

Оранжевые искры вспыхнули на автомате Лукаса. Он сдох.

Через тела на площадку повалило еще больше людей. Лукас прыгнул на нападающих. Сокрушительным ударом он снес одного со своего пути, как орех раскалывая череп мужчины о бетон. Мужчина сполз вниз, оставляя ярко-красное пятно на стене. Лукас разорвал рукой горло женщины, отправляя ударом другого мужчину вниз по ступенькам, и вздрогнул, когда рявкнул пистолет. Красная струя выстрелила из бока Лукаса. Он сделал выпад вперед, сломал стрелка как прутик и нырнул в дверной проем.

Звуки постепенно исчезли. Теперь Карина была полностью отключена от своего тела. Работало только ее зрение.

Из-за двери появился Лукас, весь в крови, с бешенными глазами. Должно быть, он выдернул Карину, поскольку изменился ее кругозор, который внезапно оказался прямо над ней. Лукас рявкнул что-то, злое. Мир затрясло. Он нырнул вниз. Его губы замкнулись на ее губах. Она ничего не чувствовала. Он отдернулся вверх и закачался взад-вперед, продолжая кричать.

«*Генри,* — прочитала она крик его губ, — *Генри*».

Он поцеловал ее опять и закачался, его лицо дергалось вверх и вниз. Его руки давили ее грудь. Она видела мышцы его согнутых рук, но ничего не чувствовала. Красное пятно на его толстовке расширялось. Он делал искусственное дыхание? Она умирала?

«*Генри*», — повторился неслышный крик.

Лед треснул. Она услышала отдаленный женский крик, где-то невозможно далеко. Карину наводнило теплом. Что-то протолкнулось в ее сознание, и она увидела сияющий свет, яркий и великолепный.

«*Сейчас она уйдет,* — раздался голос Генри в ее сознании. — *Она не будет тебя опять беспокоить. Ты свободна. Дыши, Карина. Дыши*».

Мир обратно перещелкнуло на нормальную скорость, вдергивая Карину назад в ее тело. Она сразу же все

почувствовала: боль, твердость ступеньки под спиной и ритмические толчки рук Лукаса на ее груди. Она задыхалась. Он потянул ее вверх, в свои руки.

— Атака «ломщика сознания», — сказал он ей. — Вверх. Продолжаем передвижение.

Запах нагретого металла, поднимающегося с Лукаса, был таким густым, что Карина почти задыхалась. Ему было не только больно. Он был близок к смерти. Если бы он умер, то она была бы свободной, но в данный момент времени ее не это волновало. Она лишь хотела, чтобы он выжил.

— Тебя подстрелили.

— Мы должны двигать, — сказал он Карине и потянул ее вверх на ноги. — Быстрее.

Он повел ее вниз по лестнице, через дверь и вдоль узкого коридора. Они промчались мимо ряда офисов. Лукас протаранил головой дверь, и они вломились в маленький конференц-зал. Генри лежал, свалившись в углу, его спина прижалась к стене, в которой зеркально отражалось все от пола до потолка. Его надтреснутые очки слегка искоса сидели на измазанном кровью лице. Эмили свернулась калачиком в изгибе его руки.

Карина проверила помещение и в отчаянном спринте упала на колени:

— Она в порядке?

— С ней все прекрасно, — мягко сказал Генри. — Она чуточку проснулась, когда мне пришлось вам помогать, но сейчас она опять спит.

Карина обняла ее и принялась убаюкивать маленькое тело. Наконец-то.

Лукас подтолкнул стол к двери и приземлился рядом с ними.

— Вижу кузен, ты истекаешь кровью тоже, — улыбнулся Генри. — Приятно, что вы присоединились ко мне.

— Где остальные? — прорычал Лукас.

— Не знаю. На нас напали через две минуты после того, как вы ушли в убежище. Это было концентрированное нападение. Они пришли хорошо подготовленными. Семнадцатый этаж пал за десять минут. Мы отступали, когда меня подрезали. Я почти немедленно ушел в прикрытие. Наверное, наши люди смогли эвакуироваться.

— Без нас? — Карина уставилась на них.

— Вероятно, Артур думал, что я подпитывался, — сказал Лукас. — Твоя кровь дала бы мне достаточный стимул для того, чтобы добраться до Генри и все прояснить, или чтобы скрыться.

— Они нас окружили, — сказал Генри. — Какой план?

— Идем: ты и я. Они — остаются, — сказал Лукас.

— Ах, — кивнул Генри. — Я так и думал.

— О чем это вы говорите? — спросила Карина, сбирая Эмили поближе к себе.

— Мы собираемся открыть эту дверь, — сказал Лукас. — Я выйду с Генри. Он убедится, что они сконцентрировались на нас, а я позабочусь о том, чтобы им было чем заняться. Они последуют за нами. Ты здесь подождешь где-то три минуты, а потом возьмешь Эмили, выйдешь в коридор и повернешь направо. Дойдешь до перекрестка. Снова повернешь направо. Так ты доберешься до лестницы. Стреляй во все, что увидишь. И тогда выберешься из этого ада. Если справишься с выходом из здания, то Артур не станет прямо сейчас же тебя искать, поскольку я буду мертв, и ему «донор» незамедлительно не понадобится. Не пользуйся кредитными карточками, не останавливайся в одном и том же…

— Они тебя убьют!

Нет, не должно было все таким образом произойти. Внутри нее задрожал сжимающийся родник напряжения.

— И речи нет о моем выживании, — сказал Лукас. — Я умер, когда мы открыли убежище.

— Он прав, — сказал Генри.

— Нет, — затрясла она головой, пытаясь прикрыть нарастающий гнев. — Мы вместе пойдем к лестнице и с боем прорвемся вниз. Вместе.

Лукас схватил ее, резко дернул к себе и сказал:

— Будешь делать то, что тебе приказано.

— Нет, — ответила она на его рычание. — Не буду. Мы пойдем вместе.

Внутри нее нарастало давление.

— Тут тебе не демократия!

— Лукас, я не могу в одно и то же время нести Эмили и стрелять. Я едва могу удержать обеими руками это дурацкое оружие. Ты думаешь, что я — Рэмбо? Это самоубийство, для меня, Эмили и… *тебя*.

— Она в чем-то права, — сказал Генри.

— Видишь? Они убьют меня, и будет зря твоя великая жертва. Я не хочу, чтобы ты умирал, ни за что ни про что. Я вообще не хочу, чтобы ты умирал.

— Почему бы и нет, черт возьми?

— Потому что мне не все равно — живой ты или мертвый. Боже мой, ты дебил! Вместе мы пробьемся к лестнице. Так у нас больше шансов.

Он затряс головой:

— Идиотка, я пытаюсь спасти твою дочь! Такое я делал много

раз и говорю тебе, если мы выйдем туда, то все умрем.

— Он тоже в чем-то прав, — сказал Генри.

Карина сделала выдох. Все, что имело значение — это жизнь Эмили.

— Тогда пей мою кровь и вытаскивай Эмили отсюда.

— Я осушу тебя до самого дна. Я еле соображаю.

— Сделай это, — сказала ему взбешенная Карина. — Так у тебя будет самый лучший шанс выбраться отсюда с Эмили. Осуши меня.

— Нет! — прорычал он.

— Лукас, сделай это!

— Это, конечно, хорошо, — сказал Генри. — Но «ординаторы» на подходе.

— Осуши меня или мы идем на лестницу, — сказала Карина.

— Нет, будем делать — по-моему.

— По-твоему — я умру, умрешь ты, умрет Эмили!

— У нас нет времени, — спокойно сказал Генри. — Вы упустили вашу возможность. Все мы собираемся умереть. Не позволяйте им взять себя живыми. Об этом потом будете жалеть.

За их спинами содрогнулась стена конференц-зала. По дереву вкось и вкривь разошлись трещины. Она разбилась вдребезги и пролилась вниз в виде водопада крошечных щепок. За нею стояли люди, люди с автоматическим оружием и в темных шлемах, которые заслоняли лица. Впереди улыбался высокий мужчина с обесцвеченными и длинными до талии волосами. Он медленно опустил свою руку. Карина посмотрела в его лицо и увидела там собственную смерть.

Это сразило ее как удар кулаком. Эмили, она, Лукас и Генри — все вчетвером были на волосок от смерти.

Зря. Они умрут — ни за что ни про что.

Лукас вскочил на ноги, пытаясь ее заслонить.

Нет. Нет, так не пойдет. Она устала быть напуганной до усыкачки, и ее достало все это дерьмо.

Пошли они все на хуй.

Спираль находящегося внутри нее родника в одно мгновение освободилась. Огненная сила поднялась по ней великолепным каскадом. Пришло время поставить все на свое место.

С бледного лица «ординатора» ускользнула улыбка. У него открылся рот.

Двумя потоками вверх и над плечами из нее исходила сила.

Она посмотрела прямо ему в глаза и сказала:

— Умри!

Его лицо позеленело, словно от припудривания изумрудным порошком. Он скомкался и упал на пол. Она уставилась на

мужчин, стоявших за ним — и они рухнули, как тряпичные куклы.

Двое других ворвались в поле зрения слева. Она повернулась и так *посмотрела* на них, что увидела, как они умирают на полушаге.

— Кто-нибудь еще? — позвала она. Ее голос прозвенел по всему зданию: — Кто-нибудь еще чего-то хочет? Потому что меня на всех хватит!

Никто не ответил. Она промаршировала в коридор, повернула за угол и увидела полный холл людей.

«*Умрите*», — пронеслось в голове.

Все, как один, рухнули.

Они хотели уничтожить человечество. Они объявили войну. Прекрасно. Если «ординаторам» хотелось войны, она предоставит ее им.

Карина повернулась. С открытым ртом на нее вытаращился Лукас. Рядом с ним стоял моргающий глазами Генри, словно надеялся, что однажды, когда он откроет глаза, то увидит что-нибудь другое.

Карина посмотрела выше них и увидела на зеркальной стене собственное отражение. Двойные потоки зеленого свечения распространялись из-за ее плеч в виде двух лучисто-зеленых крыльев. Которые были похожи на красные крылья Артура.

— «Испепелитель», — пролепетал Генри, все еще продолжая моргать. — Она — «испепелитель».

Воспоминание о горящих лицах пронеслось перед ней, и она отмела его в сторону. Прекрасно. Она была «испепелителем», и никто вокруг опять даже пальцем ее не коснется.

Лукас закрыл рот. Его пристальные глаза встретился с ее взглядом, и она увидела в них гордость и непокорство.

— Делай это, побыстрее, — сказал он.

Он ожидал, что она его убьет.

После всего того, что она сказала ему, он еще ожидал, что она его убьет.

Карина подошла к нему. Ее светящиеся крылья горели вокруг них.

— Не беспокойся, — сказала она ему. — Я самая большая, самая сильная, и я тебя защищу. А теперь, мы выходим отсюда.

Генри перестал моргать.

* * *

У них ушло сорок пять минут на то, чтобы спуститься вниз по лестнице. Карина вдыхала ночной воздух. У него был запах едкого дыма и гниющего мусора, но ее это не волновало.

Находящееся позади нее здание поднималось ввысь подобно зловещей башне. Теперь оно принадлежало мертвым. Она прошлась по каждому коридору и проверила каждое помещение, пока Генри с Лукасом сидели на ступеньках, дожидаясь и истекая кровью. Она и понятия не имела, сколько человек убила, но это должны были быть дюжины. Она проверяла их лица для того, чтобы убедиться в их смерти. Они все выглядели одинаково: впалые черты лица, изумрудный оттенок кожи.

И вот, наконец, все для нее было закончено.

Ее светящиеся крылья исчезли, ее силы исчерпались. Медленно возвращалась реальность, по кусочкам и частичкам.

Рядом с нею зашевелился Лукас:

— Если хочешь исчезнуть, то сейчас самое время. Ты убила их, потому что застала врасплох. С домом Дарьон такого не будет. Я не знаю, какой у тебя план, но уверен, как только Артур узнает, чем ты являешься, он сделает все возможное для того, чтобы держать тебя в пределах дома. Ты слишком могущественная для того, чтобы вырваться на свободу. Если ты откажешься, он тебя убьет, и я не знаю, смогу ли я остановить его.

— Он прав, — сказал Генри. — Аж тревогу вызывает то, как часто я это повторяю. У «испепелителя», подвид № 21, имеется несколько типов. Вы относитесь к типу 4. Артур — к типу 7. Он более могущественный, и у него ж опыта больше. Даже изо всех сил вы не сможете его одолеть, и у вас уйдет много времени на перестройку накопительных резервов для того, чтобы опять сделать что-нибудь на масштабном уровне. Иногда на это уходят годы. Не говоря уже о том, что нам придется сражаться с вами, если вы попытаетесь убить Артура.

Карина посмотрела на Лукаса:

— Если я тебя оставлю, как ты будешь подпитываться?

— Синтетикой, — сказал он. — Это помогает, когда на грани.

Все его тело напряглось как слишком туго натянутая струна. Ему не хотелось, чтобы она уходила.

— Зачем? — спросила она.

— Вот чего ты хочешь, — сказал он, — свободу. День больше или может много дней. Но это твое. Бери.

Генри прочистил свое горло:

— «Ординаторы»…

Лукас посмотрел на него. Генри закрыл рот, клацая зубами.

Вглядываясь в лицо Лукаса, Карина спросила:

— А не ты ли мне обещал, что будешь искать меня, если я убегу?

— Да. Я обещаю тебе, что у меня реально много времени уйдет на то, чтобы найти тебя. Иди сейчас.

Карина заколебалась. В руках Лукаса зашевелилась просыпающаяся Эмили.

Лукас мог ее найти — она видела уверенность в его глазах. Если он мог найти, то с таким же успехом ее могли найти и «ординаторы», а они были бы гораздо больше мотивированы. И даже если она совершит побег, ей всегда придется жить в бегах, скрываясь от всех и боясь каждой тени. У нее не было сомнений, что Эмили была «донором». Она была в ответе за своего ребенка — ей нужно было научить ее, как защищаться, или же, когда они будут найдены, Эмили будет схвачена врасплох, в точности как это было с ней.

Карина окинула взглядом город. На этом пути лежала свобода. Даже двенадцатью часами ранее, Карина Такер мигом бы ее взяла. Но она уже была не той Кариной Такер. И такой уже никогда не будет. Была пропасть между Кариной прежней и Кариной новой, и она была наполнена телами «ординаторов». Слишком многое произошло. Это изменило ее, и не было назад пути.

Женщина, которая на днях везла четверых детей на школьную экскурсию, была мертва. Она была хорошей девочкой, доброй и немного наивной, потому что думала, точно знает, что такое трагедия. У этой женщины была маленькая, безопасная, уютная жизнь. Карина скучала за ней, и настало время оплакивать ее. Было больно отпускать ту жизнь. Так или иначе, она теряла ее, но не как бабочка, высвобождающаяся из своего кокона. Скорее как змея, оставляющая старую кожу. И эта новая Карина брала на себя все риски. Она была сильней, крепче и могущественней. Война продолжалась, и она примет участие в ней.

И даже если она испугается как цыпленок, и попытается уйти куда подальше, то воспоминание о Лукасе удержат ее от того, чтобы уйти слишком далеко. У нее было много общего с мужчиной, который превращался в монстра, чем с Джил и ее нескончаемым беспокойством из-за ремней безопасности. Сейчас она не могла оставить позади Лукаса, возвращающегося туда, где все его боялись, где Артур использовал его, не считаясь с его жизнью, где брат непрерывно пререкался и дрался с ним. У нее была Эмили. У Лукаса не было никого, и он очень сильно ее хотел. И она его хотела. Правильно или нет, ее это больше не

волновало. Это было ее решение, и она сделала свой выбор.

— Решай, — сказал ей Лукас. — Нам нельзя оставаться тут на виду.

Оставался только один вопрос. Карина сделала глубокий вдох и сократила дистанцию между собой и Лукасом. Она подняла вверх лицо и, заглянув в зеленые глаза, поцеловала его.

На мгновение он постоял в неподвижности, а потом поцеловал ее в ответ жаждущим и изголодавшимся по ней ртом. Когда они прервались, Генри уставился на них:

— Я смущен, — сказал он.

— Ну, я не могу тебе позволить возвращаться самому, — сказала Карина. — Все избитые и печальные. Артур мог бы как-нибудь тебя убить, или Даниель разнесет дом, или у вас, Генри, получится отравить всех своей кулинарией.

Эмили открыла глаза:

— Мама!

— Привет, малышка.

— Где мы?

— В Детройте. Нам пришлось здесь остановиться на короткое время, но сейчас Лукас и Генри заберут нас с тобой домой.

Должны были быть слова, описывающие выражение лица Лукаса, но Карина не знала их. Весьма вероятно, также не знал их и Лукас. У него был такой вид, словно он не был уверен, что это: удивление, облегчение, счастье или безумие.

— Я полагаю, что в трех кварталах на север находится заведение фаст-фуда, — сказал Генри. — Мы можем пойти туда, воспользоваться их телефоном и пить кофе, пока будем ждать, что нас подберут. Мне бы не помешало немножко кофе.

— Ты справишься? — спросил Лукас.

— Если упаду в обморок, просто оставьте меня на улице.

Лукас проскользнул плечом под руку Генри.

— Спасибо.

И они пустились вниз по улице.

— Ты больше не мой владелец, — спокойно сказала Карина.

— Прекрасно, — сказал Лукас.

— И у меня будет собственная комната.

— Прекрасно.

— А если тебе надо будет подпитаться, то попросишь меня. По-хорошему.

Он остановился и сверкнул на нее глазами.

— По-хорошему, — повторила ему она.

— Прекрасно.

— Но, все шутки в сторону, вы ведь все еще будете готовить, правильно? — спросил Генри. — Вы обещали…

— Да. Определенно, я буду готовить.

— О, хорошо, — сказал Генри. — А то я боялся, что вы уйдете и нам придется есть стряпню Лукаса.

— Я прекрасно готовлю, — сказал Лукас.

Впереди, на углу, вырос хорошо знакомый знак желтого цвета на красном.

— Мама, мы идем туда?

— Да.

— А у нас есть деньги на мороженое?

— У меня есть двадцать долларов, — сказал Генри. — Немножко в крови, но они примут и такие.

— Примут, — жестко сказал Лукас.

Карина представила себе Лукаса, немного окровавленного и малость выжатого, который разламывал прилавок «Макдональдса» пополам. Надо надеяться, что до этого не дойдет.

— Не волнуйся, малышка. Нам дадут столько мороженого, сколько ты захочешь.

Карина глянула назад на шелуху небоскреба. На секунду она подумала, что увидела себя, махающую себе рукой на прощание. Ее новая Карина улыбалась в ответ. Люди, которые знали прежнюю Карину, будут ее осуждать, если узнают, но это не имело значения. Теперь она сделала собственный выбор.

Она положила свою руку на руку Лукаса, которую он согнул в локте, позволяя ее пальцам опереться на его мускулистое предплечье. И они ушли бок о бок в ночь.